
LE MESSENGER

ВЕСТНИК

русского христианского
движения

Париж – Нью-Йорк – Москва

Ответственный редактор

НИКИТА СТРУВЕ

Секретарь редакции

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА

Редакционная коллегия:

Н. СТРУВЕ, Т. ВИКТОРОВА, Д. СТРУВЕ (Франция),

О. РАЕВСКАЯ-ХЬЮЗ (США),

О. ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ (Италия),

В. АЛЕКСАНДРОВ (Венгрия)

Е. БАРАБАНОВ, Ю. КУБЛАНОВСКИЙ, Б. ЛЮБИМОВ,

Е. МАЙДАНОВИЧ, В. НИКИТИН, О. СЕДАКОВА (Россия),

К. СИГОВ (Украина)

Среди острых проблем сегодняшнего дня: *в области нравственной жизни*

За последние годы в католической церкви, а недавно в Московской патриархии возникли скандалы, связанные с наличием гомосексуализма в церкви и, в частности, с грехом педофилии. Этот грех (соблазнять или насиловать несовершеннолетних), карающийся гражданским законом, касается главным образом, если не исключительно, католического духовенства, поскольку оно вынуждено быть celibатным повсюду, за исключением бывших восточных православных церквей. Далеко не все посвященные клирики выдерживают это ограничение, поскольку вынуждены принять его с ранней молодости. Весьма вероятно, что католичество, не в слишком отдаленном будущем, откажется от жестокого обычая вынужденного celibата, неизвестного другим ветвям христианства.

Этот вопрос возник в Московской патриархии. С одной стороны, от церковных властей, которые сочли нужным отмежеваться от попытки французского правительства (но не церкви) узаконить гомосексуальный брак, в чем оно следовало некоторым другим европейским государствам, но и воспользоваться этим, чтобы утверждать преимущество России над Западной Европой, а попутно осудить гомосексуализм в целом. Вопрос возник и со стороны справедливых критиков церковных властей, в частности от протодиакона Андрея Кураева, разоблачившего случаи гомосексуальной практики в среде российского епископата и в семинариях. Здесь есть нечто схожее с недугом католической церкви: пора Православной церкви вернуться к древнему обычаю женатого епископата, о чем мы уже писали в «Вестнике». В журнале *Messenger orthodoxe* (№ 147, 2008, Париж) на эту тему была опубликована статья греческого богослова отца Ильи Цивикиса.

Но в российской полемике совсем не были затронуты вопросы гомосексуализма как такого и отношения к нему.

Прежде всего, гомосексуализм есть непреложный факт, с которым нужно считаться, хотя он затрагивает сравнительно небольшое меньшинство, которое, например, во Франции не превышает 5%. Подсчеты приблизительны, поскольку гомосексуализм имеет разные формы: радикальную, т. е. не позволяющую его носителю какую бы то ни было сексуальную связь с человеком другого пола, и ослабленную, предполагающую в некоторых случаях возможность выбора, очень не легкого, поскольку в данном лице соседствуют, а часто и борются, две противоположные психосексуальные тенденции.

Прирожденный гомосексуалист не может считать себя в чем-то виновным, это его судьба, ему необходимо с ней считаться. Поэтому всякое отчуждение по отношению к нему, не говоря об осуждении, недопустимо как в частном порядке, так и к гомосексуализму как явлению. В культурном обществе еще недавно преобладали вежливое молчание и терпимость, признание гомосексуализма как неизбежного факта. В этом была и заключается несомненная справедливость, верный общественно-моральный подход. К тому же у гомосексуалистов, ввиду внутренней психо-чувственной проблемы, часто повышенная чувствительность, тонкое отношение к искусству и наличие искреннего религиозного чувства. Изменился ли этот подход в наши дни? На это нелегко ответить. С одной стороны, гомосексуалисты стали выступать как корпорация, шумно, на улице, заявляя о своих правах. Это вызывает в обществе понятную настороженность. Если осуждение неправомерно, то и восхваление неуместно. Гомосексуалисты ныне требуют право иметь приемных детей, что отчасти законно, хотя и проблематично: как отнесутся приемные дети к тому, чтобы иметь двух отцов или двух матерей? При современной медицинской технике есть возможность оплодотворить своим семенем наемную женщину, но это уже некоторый предел морально допустимого, поскольку нарушает закон любви.

Древние отцы церкви, как и дальнейшие западные Собо-ры, относились к гомосексуализму предельно отрицательно, как к одному из смертных грехов, но отчасти потому, что не знали или не хотели знать его природного явления, а видели в нем главным образом недопустимое греховное отклонение, педерастию, педофилию. Это отрицательное отношение

в западной церкви изменилось в последние века, поскольку было научно и клинически установлено, что во многих случаях избавиться от невозможности сексуального однополового общения нельзя. К тому же среди страдающих гомосексуализмом немало искренне верующих христиан. Этой проблеме посвящена очень обстоятельная диссертация Ксавье Тевено, защищенная в Парижском Католическом институте в 1980 году*. Нам мало известны официальные высказывания восточных церквей. Православию менее свойственны резко отрицательные суждения в области нравственности. В этом оно следует своему главному учителю, святому Иоанну Златоусту, который писал: «Знайте, что нет такого большого греха, который мог бы обезоружить щедрость Хозяина, будь вы нечист, изменник в семейной жизни, женоподобный, извращенный, продажный, вор, алчный, пьяница, даже поклонник идолов. Знайте, что сила дара и доброта Хозяина таковы, что стирают все это и способны сделать человека ярче, чем солнечные лучи, если только он со своей стороны проявит добрую волю» (Первое катехизическое слово ко крещению).

«Эти святые слова должны определять наше отношение чужим грехам и слабостям. Они тем более применимы к гомосексуализму, который, не будучи грехом, у некоторого меньшинства является невольным состоянием человеческой природы».

* К. Тевено. *Homosexualités masculines et morale chrétienne*, Paris 1985 (Диссертация 1980); (3)2006.

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Памяти владыки Гавриила Команского *03.06.1946–26.10.2013*

В конце октября прошлого года отошел ко Господу владыка Гавриил (де Вильдер), который в течение девяти последних лет управлял Архиепископией Православных церквей Западной Европы русской традиции, оставив по себе у пасомых неизгладимую благодарственную память. Смерть его не была неожиданностью, он давно страдал неизлечимой болезнью и вынужден был в марте 2012 г., по совету врачей, подать в отставку. По происхождению фламандец, католик по крещению, окончивший Лувенский Университет, он начал свой священнический путь в украинской униатской среде, но глубоко разочарованный Ватиканским Вторым Собором, присоединился к православию. Избранный после кончины архиеп. Сергия Коновалова возглавлять архиепископию, он отдался ей всей душой. Но путь его был нелегким, какие-то злоумышленники, по непонятным причинам, восстали против него, чинили ему всякие козни, один из них даже печатно заявил, что его нужно схватить за бороду и вытолкнуть из собора...

Это недружелюбство отдельных лиц было тем более прискорбно, что архиеп. Гавриил отличался любовью к жизни и к людям. Он совершенно не был сосредоточен на самом себе, интересовался многим в жизни, но, главное, любил людей живой любовью. И, в первую очередь, это чувствовалось в его церковных службах. В православной обрядности при на-

личии иконостаса есть соблазн духовенству возносить молитвы помимо общины. У владыки Гавриила этого почти не чувствовалось, он служил, разумеется, Богу, но в единении с пасомыми. Особенно это проявлялось в его проповедях, всегда направленных на слушателей. Он не только объяснял евангельское чтение, сколько давал почувствовать, что оно касается каждого из нас. И это общение продолжалось и после окончания службы, во дворе или за кофе, а с близкими ему людьми — за обедами в ресторанах по соседству. Как пишет его друг Вла-

димир Мельник: «...с ним никогда не было скучно... он всегда пытался узнать что-нибудь новое, доискаться до причин явлений. И это качество было связано с другой чертой его характера: неосуждения, столь редкого в нашей реальности, особенно в церковной. ... Он всегда старался понять, а не осуждать».

При нем Архиепископия укрепилась и рапространилась, духовенство увеличилось, после кончины митр. Антония (отчасти по его завещанию) к ней примкнула часть английских приходов.

Позволю себе вспомнить последнюю встречу с владыкой Гавриилом в доме его верной секретарши, Дениз Запольской. Он приехал из Бельгии в июне еще раз повидать своих друзей благодаря временному улучшению самочувствия. Он был почти как прежде, разумный в обсуждениях церковных проблем, полон дружественных чувств, мечтал возвращаться в Париж хотя бы на несколько дней раз в месяц, чтобы прикоснуться к проблемам Архиепископии. Когда же он с нами прощался, он вдруг заплакал, понимая, что состояние здоровья ему этого не позволит. День этот незабываем. Мы еще раз убедились, что нами правил человек глубокой веры и подлинной человечности.

НИКИТА СТРУВЕ

Проповедь архиеп. Гавриила в день Пасхи 2012 г.

Дорогие братья и сестры.

Христос Воскресе!

«Нет больше той любви, как если кто положит жизнь свою за друзей своих» (Ин XV, 13).

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин III, 16).

Я выбрал в качестве вступления эти слова Христа, сказанные Его апостолам и переданные нам св. Иоанном, потому что они содержат два ключевых слова в связи с Воскресением Господним: любовь и жизнь! И действительно, если мы радуемся в этот день в семьях, в приходских общинах, в монастырях, — это в силу великой любви Христа к каждому из нас, и за возможность войти в дарованную нам жизнь.

Мы все нуждаемся в любви, и жизнь — наше призвание! Это реальность всемирная, разделенная всеми людьми: жизнь без любви не имеет смысла.

Мы, христиане, должны быть свидетелями любви. Мы можем, конечно, говорить о ней, но прежде всего мы должны жить ей: это будет нашим самым убедительным свидетельством о ней. Это совершил Господь: Он настолько полюбил, что отдал Свою жизнь за нас. Его смерть и воскресение Он вложил в наши сердца раз и навсегда!

Да, Пасха красивейший, великий праздник; праздник радостный, которым мы живем. Это «переход», в этом смысле слова «Пессах» по-еврейски. Праздник радостный, ибо Христос победоносно проходит через смерть, и этот «переход» окончательный. Но будем осторожны: если Воскресение Христа вписано в историю, оно не статично во времени. С этого дня Христос приходит в наши жизни, предлагая нам свою Любовь на земле и в Вечной Жизни. В каждом нашем событии Спаситель протягивает нам руку и говорит: «Если желаешь, Я тебе предлагаю свою любовь!» Но задумаемся, что это значит.

Когда мы всматриваемся в наши жизни, в жизнь каждого человека на земле, мы склонны к грусти и могли бы сказать,

подобно Экклезиасту: «все — суета и томление духа» (Еккл. II, 17). Сколько несчастий, сколько рухнувших привязанностей! Опасная болезнь, неожиданный несчастный случай, старость, когда все ослабевает, — столько предметов для отчаяния! Многие молодые сомневаются в своем будущем и живут в страхе, иной раз ища ненадежной подмены.

Чтобы противостоять этим страхам, этой тоске, нам нужно помнить, что перед Пасхой — Страстная Пятница, Гефсиманский сад («Моя душа скорбит до смерти») и Распятие («Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил?»). Тогда мы поймем, что Воскресение — не простой милый семейный праздник, о котором забудешь на следующий день, но истинный бьющий ключ, гимн жизни и любви! Христос согласился на страдания, на уничтожение («кенозис»), на ужасающее одиночество, на отречение от него апостолов и, в итоге, на крестную смерть для того, чтобы тайна воскресения освободила нас от наших страхов!

Спаситель предложил Фоме вложить свою руку в рану, причиненную копием во время распятия. Этот жест совершен для каждого из нас: прикасаясь к ребрам Господа, апостол получил в подарок от Господа любовь бесконечную и доступ к жизни! Наши сомнения, причиненные многими нашими страхами и муками, превращаются в великую надежду и в акт веры. «Господь мой и Бог мой» (Ин. XX, 28). Да, как Фоме, Господь говорит каждому: «Если хочешь, я дарую тебе мою Любовь И Жизнь!» И нам Христос говорит: «Блаженны невидевшие и уверовавшие!» (Ин XX, 29).

Воскресение Спасителя, таким образом, нам являет истинную цель таинства Креста, Высшую любовь Господа Иисуса к нам, ко всем людям на земле!

Дорогие отцы, братья и сестры! В этот великий, лучезарный праздник я вас обнимаю с большой любовью и радостью. Мы ныне воскрешены со Христом, мы видели свет истинный, и божественная жизнь отныне течет в нас!

Собор св. Александра Невского,
Париж, 2/15 апреля 2012 г.

Памяти отца Михаила Шполянского

С огромным огорчением узнали мы о кончине о. Михаила Шполянского, одного из самых замечательных священников русско-украинской церкви, одновременно богослова-миссионера, праведника и, как полагается праведнику, страсто-терпца. Его личность, достоинства и горькую судьбу можно сравнить с недавно убитым о. Павлом Адельгеймом. Живя в далеком украинском городе Николаеве, о. Михаил был не столь известен в северных частях России. Умер он своею смертью, не дожив до 60 лет, но причиной если не его длительной болезни, то во всяком случае ее ухудшения были преследования, которым о. Михаил подвергался последние десять лет от церковных властей.

Познакомился я с отцом Михаилом в 2002 году. В ходе поездок по России и Украине (основной их целью были да-

*Отец Михаил Шполянский
совершает крещение в море*

рение книг и свидетельство о религиозном творчестве русской эмиграции) мы были приглашены в Николаев и присутствовали на воскресной службе в приходе о. Михаила в скромной Новой Богдановке (в предместье Николаева.) Я был поражен количеством присутствующих общины, но нам пояснили, что в приход стекается из Николаева значительная часть интеллигенции. Затем экспромтом вся делегация поехала на чай в священнический дом, где мы познакомились со всей семьей о. Михаила, матушкой, тремя «своими» и восьмью (а потом их

было одиннадцать!) приемными детьми. С такой проповедью деятельного христианства далеко не всегда приходится встречаться. И тут началась наша дружба, которая с годами, несмотря на расстояние и не слишком частые встречи, все крепла. Как правильно заметил Андрей Десницкий в своем некрологе: «тот, кто хоть раз встретился с о. Михаилом, уже не мог его никогда забыть». О. Михаил посвятил себя спасению детей, брошенных родителями, поселил их в своем доме, усыновил их, был богословом, тяготился недугами церкви как института и создал, чтобы повысить уровень верующих и духовенства, издательское дело и книжную лавку. Ему очень понравился переданный мною «Вестник РХД» и все установки Движения, свобода, соборность, творческая связь религии и культуры были ему близки. В первом номере «Вестника» за 2003 год им была напечатана пространный статья «Церковь земная: разрывы и обрывы» (кстати, не совсем случайно в том же отделе напечатано продолжение статьи о. Павла Адельгейма «Проблема власти» в церкви), и с этой публикации начались преследования о. Михаила, которым не суждено было окончиться. Он был снят с настоятельства, запрещен временно в священнослужении и назначен третьим священником в строящийся храм за 110 километров от своего местожительства... Затем возникли попытки вообще запретить ему причащаться, хотя сан с него не был формально снят! Но это не помешало ему продолжать сотрудничать в «Вестнике». В первом номере за 2004 год он опубликовал статью в ответ на жалкую критику некоего ставропольского иеромонаха о. Сергея Рыбко, направленную против матери Марии в связи с готовящейся ее канонизацией Вселенским Патриархом. Позже о. Михаил присылал в «Вестник» письма, в которых он одновременно хвалил и критиковал установки разных авторов. Напечатанные нами в номерах, они свидетельствуют о необычайной живости и остроте его ума и глубине религиозных чувств... Память об о. Михаиле останется, будем надеяться, навсегда, как о святом праведнике-страстотерпце.

НИКИТА СТРУВЕ

Святость: таинство неожиданности¹

В христианской жизни присутствует странная диалектика. Это связь между *доверием и неожиданностью*. Доверяя Богу и принимая Его Благоую Весть, можно думать, что близок конец путешествия, цель которого — прибытие в Царство Божие. В то же время, однако, эти отношения с живым Богом означают совершенно противоположное: начало путешествия в невиданные земли и океаны. Не случайно, что всякий раз, когда Христос говорил о Царстве Своем, он обещал неожиданное. Таким образом, христианин — это тот, кто признает Христа как Господа неожиданностей. Будущее — не продолжение настоящего, а новое творение, реальное преобразование, то есть созидание того, что никогда прежде не существовало.

Святость есть экзистенциальное состояние человека (каждого человека), когда он действительно отвечает на Божие приглашение в это бесконечное и удивительное путешествие. Отец Думитру Станилоэ метко определил святость как парадокс.

«В святом Бог открывает Себя как трансцендентное, отличное от мира. Святость — это светлая и активная тайна Божиего присутствия во всей Его трансцендентности [...] Отсюда парадоксальный характер святости: это в одно и то же время трансцендентность и самораскрытие, или связь»².

Здесь о. Станилоэ подчеркивает тот факт, что святой становится богоявлением. Тайна бесконечного Бога раскрывается через жизнь ограниченного существа. Это удивительно! Но это не единственная неожиданность в Божием откровении. Обратите внимание, пожалуйста, на смелые слова святого Юстина Поповича:

«Это — Благая Весть, воистину Благая Весть — не моя, но Благая Весть Божиих святых: человек есть великая тайна, священная тайна Божия. Тайна столь великая и столь сокровенная, что Сам Бог стал человеком, чтобы объяснить нам всю глубину человеческой тайны»³.

Что означают эти две ссылки? Что встреча с Богом — это путешествие от тайны к тайне, от неожиданности к неожиданности! Если Бог есть тайна, Его образ также остается тайной! Я постараюсь затронуть эти тайны, ссылаясь на пять измерений святости, на пять неожиданностей:

- неожиданность путешествия;
- неожиданность страдания;
- неожиданность создания мира заново;
- неожиданность освобождения и
- неожиданность человеческой немощи.

1. Неожиданность путешествия

Люди считают воина Одиссея путешественником, путешественником, который отдает себя до сих пор неведомому и недостижимому⁴. Однако, если обратить внимание на его историю, мы можем прийти к иному выводу: суть путешествия Одиссея, его открытия новых мест, его контакта с иным — его возвращение в исходную точку, его возвращение на родину. Именно по этой причине его возлюбленная Пенелопа ждет его дома. Одиссей — узник натурализма. Он не может мечтать о будущем, радикально отличным от того, что может принести естественное развитие событий. Мир, в котором движется Одиссей, вечно остается тем, чем он был с самого начала. И именно поэтому его Одиссея завершается торжеством возвращения и триумфом племенных богов.

Тем не менее, есть еще одна фигура, скромная и незначительная по сравнению с воином Одиссеем. Фигура, которая представляет собой разительно отличный вид путешествия. Это Авраам. В его путешествии нет никакой надежды на возвращение. Авраам покидает свой дом навсегда. Вот почему он путешествует со своей Сарой. Авраам открывает себя тому, чего до сих пор не существовало. Он открывает себя будущему. В случае Авраама встреча с иным не только один эпизод. Это сама суть путешествия. Авраам перемещается в сферу иного, а кроме того, он сам становится чем-то иным, не тем, кем был изначально. Он становится странником и принимает Бога, Который является ему в особый момент: момент, когда Авраам оказывает сочувствие странникам в

нужде. Авраам настроен на неожиданность, и по этой причине его история не заканчивается историей его семьи. Она продолжается как история мира и всех народов, для которых Авраам стал отцом.

Как хорошо известно, современные ученые, такие как Э. Левинас, раскрывают путешествие Авраама как метафору выхода в царство Иного, как пример истинной открытости, когда субъект перестает существовать как замкнутый объект и реализуется только через отношения с Иным. Святость как готовность к этому путешествию основана на том, что Сам Бог перемещается в сферу радикально Иного. Библейский синтаксис не перестает удивлять. Как только Бог определяет Себя как «Тот, Кто *есть и был*», читатель ожидает услышать, что Бог также «Тот, кто *будет*». Но библейский текст говорит: «Он, Который *есть и был и грядет*» (Откр. 1:4)! Христианин тот, кто ждет, но это ожидание не инерция. Ожидающий христианин — путешественник, вместе со своим Богом, Который не только приходит к нему (грядет), но и шествует с ним (идет): «Итак идите, и научите все народы, [...] и вот, Я с вами во все дни, до скончания века» (Мф. 28:19–20).

2. Неожиданность страдания

Страдающий, больной и неизлечимый святой человек является неожиданностью. Как может друг Божий, то есть человек, который часто лечит других, оставаться неизлеченным и умереть в мучении? Страдание — соблазн для тех, кто был очарован Евангелием здоровья и благосостояния и секулярными религиями самосовершенствования. Современное общество не желает проводить различие между бессмысленным страданием и страданием, исполненным смысла, страдание всегда считается угрозой. Таким образом, люди обходят тайну страдания ради любви, и при этом они обходят боль нового рождения; боль нашего «я», выходящего из своей скорлупы, чтобы вместить Иное.

Это страдание — участие в страданиях Христа, но не только в его страданиях на Кресте почти две тысячи лет назад. Это участие и в Его страданиях сейчас. В этом еще один парадокс. Воскресший Христос — Христос по-прежнему стра-

дающий, испытывающий страдания каждого отдельного человека до скончания веков. Св. Максим Исповедник⁵ подчеркивает эту истину за десять веков до того, как Блез Паскаль сказал, что Христос будет страдать до конца времен.

Страдающий святой живет своей связью с Богом из чистой любви, а не из-за благ, таких как здоровье, богатство и т.д. Блага хороши для нашей жизни, но они могут превратиться в идолов, если их понимать как смысл жизни, и стать между нами и Богом или же заменить Бога. Окончательное освобождение от такого идолопоклонства во имя бескорыстной любви представлено парадоксом святых, полностью лишенных этих благ. Это Моисей, в конечном итоге не вошедший в Святую Землю, апостол Павел, оставшийся неизлеченным, старец Порфирий, умерший в боли ...

Вспоминаются слова старца Порфирия:

«Души, познавшие боль и страдания, мучимые своими страстями, в особенности одаряются любовью и милостью Бога. Именно такие души стали святыми, а очень часто мы творим суд на ними... Мы считаем их слабыми, но когда они открываются Богу, они наполняются любовью и божественным эросом... Так в таких душах проявляется чудо Божие, а мы считаем их “потерянными”»⁶.

В этом неожиданность скрытой святости!

3. Неожиданность создания мира заново

Любовь — довольно затасканное в наши дни слово, используется везде и часто небрежно, в основном как синоним «удовольствия» или «предпочтения». Другими словами, любовь, как учил о ней словом и действием Христос, то есть жертвенная любовь, часто отвергается как нечто абсурдное и бессмысленное. Жертвенная любовь вовсе ни вытекает из естественного порядка вещей. «Гармония» естественного порядка основана на власти, на доминировании сильнейших. Конечно, по мере того как человеческое общество мудреет, оно прогрессирует к терпимости Иного. Но терпимость не то же самое, что любовь! Она может просто означать существование параллельно автономных и замкнутых отдельных субъектов.

Помимо этого акцента на власть действительно многие люди, не разделяющие христианскую веру, принимают любовь как важнейшую жизненную ценность. При этом возникает еще один вопрос. Святой — это живое проявление того, что если любовь действительно важна, то она не может быть просто чувством или одним из многих элементов человеческого существования. Если любовь — это просто человеческое чувство, то она умрет со смертью человека, так же как глаза, сердце, ноги, каждая составная часть человека умирает, когда умирает человек. Если мы действительно принимаем любовь как сущность жизни, то любовь должна быть двумя вещами одновременно: личной и бессмертной. Она должна быть бесконечным общением лиц, то есть Богом, а точнее, Троициным Богом.

Естественный порядок требует возмездия и мести. Мы хотим отомстить, вернуть удар, и это звучит разумно. Но таким образом зло (например, насилие) воспроизводится и запечатлевается. Детерминированная цепь нарушений может быть прервана только прощением. Прощение является творческой силой, которая заставляет историю вернуться к самому началу, свободе от оков прошлого. В этом вековой опыт Церкви, привлекая, между прочим, внимание современного философа Жака Деррида, который точно указывает, что:

«Прощение безумно, и... должно оставаться безумием невозможности ... Это даже, пожалуй, единственное, что, появляясь, нарушает, как и революция, обычный ход истории, политики и права»⁷.

4. Неожиданность освобождения

Прощение и примирение — это не общественные отношения и не уловки дипломатии. Это знакомство с другой логикой, той, что стремится преобразить жизнь человека. Поэтому примирение неразрывно связано с освобождением. Если примирение оторвать от освобождения, оно станет компромиссом со старым миром и с властью смерти. Святость изменяет мир на самом деле, на каждом уровне (личном, духовном, социальном), а не эзотерически, не в стиле нью-эйдж. Святость далеко отстоит от буржуазной этики, она осуждает

социальную несправедливость и бьет по сложившемуся социальному порядку. Позвольте мне упомянуть лишь несколько примеров: Авва Макарий Александрийский пошел на мошенничество, чтобы позаботиться о неизлечимо больных в Александрии. Он взял деньги у богатой скупой женщины с обещанием, что купит ей драгоценные камни по выгодной цене. А отдал деньги на лечение больных. Аналогичным образом Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, заявил, что не будет несправедливым придумать, как лишить богатых их одежды, чтобы помочь бедным. Святой Акакий, епископ Амидский, в начале V века, казалось, совершил богохульство, когда переплавил драгоценные священные сосуды из церквей, чтобы накормить семь тысяч пленных персидских солдат, то есть врагов христиан. Вспомним, что священнослужители, обошедшие стороной раненого в притче о милосердном самарянине, сделали это из-за своей преданности литургическому служению. Ради обряда они отвергли солидарность⁸.

5. Неожиданность человеческой немощи

Иногда мы создаем триумфальные агиографические повествования, где святой выступает как супермен или чудо-женщина, то есть как человек выше слабости, амбиций, сомнений и ошибок. Но если это так, то святой не будет человеческим ответом Богу, он будет другим созданием, идущим своим путем. Триумфального подхода к святости не найти ни в Евангелиях, ни в самосознании самих святых. Свят тот, кто не перестает бороться и готов к покаянию. Так как он переживает Бога как реальную живую личность, он ожидает Его милости и доверяет Его любви. Святой не подменяет живого Бога системой добродетелей и принципов. Вспомним в Евангелии не только неудачи учеников до Пятидесятницы, но и спор между апостолами Павлом и Петром, ведшийся, однако, в любви и за правду. Любовь расцветает в невообразимом многообразии даров, действий и позиций, и они бросают вызов тем, кто спешит начать путешествие к невиданным землям и нежданным океанам Божиим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст доклада на конференции «Святость сегодня», организованной Русским Студенческим Христианским Движением 21 октября 2012 года в Ermenonville, Франция. Автор — ответственный редактор афинского богословского журнала *Синакси*.

² Dumitru Staniloae, *Prayer and Holiness*, SLG Press, Convent of the Incarnation, Fairacres, Oxford, 1996, стр. 12.

³ Justin Popovic, "Together with all the Saints", *Man and God-Man* [in Greek], Astir publ., Athens, 1974, стр. 95.

⁴ По поводу дальнейшего см. мою «Journey to the Center of Gravity. Christian Mission One Century after Edinburgh 1910», *2010 Boston. The Changing Contours of World Mission and Christianity* (eds. Todd M. Johnson, Rodney L. Petersen, Gina A. Bellofatto, Travis L. Myers), Pickwick Publications, Oregon 2012, стр. 67–43.

⁵ Максим Исповедник, «Mystagogy», *Patrologia Graeca* 91, 713B.

⁶ *Wounded by Love; The Life and the Wisdom of Elder Porphyrios*, Denise Harvey publ., Limni, Evia, Greece 2005, стр. 185. Старец Порфирий говорил: «Вы должны любить и страдать — страдать за тех, кого вы любите. Любовь состоит в том, чтобы трудиться ради тех, кого мы любим». Там же, стр. 107.

⁷ Jaques Derrida, *On Cosmopolitanism and Forgiveness* (tr. Mark Dooley — Michael Hughes), Routledge, London — New York 2001, стр. 39. См.: Amasios N. Papathanasiou, «Christian Anthropology for a Culture of Peace: Considering the Church in Mission and Dialogue Today», *Violence and Christian Spirituality. An Ecumenical Conversation* (ed. Emmanuel Clapsis), WCC Publications / Holy Cross Orthodox Press, Geneva / Brookline 2007, стр. 100.

⁸ То же самое мы видим в следующем аскетическом повествовании. Двое молодых монахов жили в послушании у пустытника. Однажды он отправил их через пустыню провести приготовления к всеобщему бдению. Они встретили раненого, однако прошли мимо него из послушания. Раненый оказался на самом деле ангелом и рассказал затем их наставнику: «Бог послал меня сообщить тебе, что твои два монаха недостойны Царства Божьего, поскольку в них нет любви». Wounder, op.cit, стр. 189.

Перевод Ольги Паттисон

Священник ПАВЕЛ АДЕЛЬГЕЙМ

Итоги 90-летнего пути Российской Церкви от Священного Собора 1918 г. до Архиерейского Собора 2008 г.

«Принципы современного устройства РПЦ и возможные пути их совершенствования»

1. Корни церковного устройства.

Современное устройство РПЦ изложено в двух ее официальных документах: 1. Устав РПЦ и 2. Положение о церковном суде. Оба документа изданы в течение последних 10 лет и вносят поправки к документам, действовавшим ранее под теми же названиями, что позволяет видеть развитие тенденций, заложенных в этих документах. Документы определяют структуру законодательной, исполнительной и судебной власти МП и устанавливают принципы деятельности церковной власти.

При поверхностном ознакомлении с Уставом РПЦ возникает впечатление, что его прототипом был Устав, принятый Священным Собором 1917–1918 г. Он действительно принят за структурную основу Устава РПЦ. Не следует обольщаться формальным сходством. Вчитавшись и вдумавшись в эти документы, понимаешь, что они разного духа, и цели у них разные. В основу документов РПЦ заложен новый фундамент, который мятежный епископ Диомид назвал «сергианством». Современное устройство РПЦ выражает историческое развитие принципов, заложенных в Декларации. Разгром Церкви, последовавший после Священного Собора, поставил РПЦ перед выбором одного из двух путей. Путь возрождения

древних основ Православия, заповеданный Собором, не осуществился. РПЦ не пошла по пути реформ Собора.

Новый кормчий повел ее по пути восстановления синодальной структуры и синодального духа. Эти ценности легко вписались в структуру атеистического государства и прижились в его лоне на грядущий век. Митр. Сергей Странгородский справедливо писал, что невозможно сохранить структуру такой огромной организации, как РПЦ, не войдя в солидарность с советской властью. Он создал структуру, принципы которой вписались в жесткие требования большевиков. Легализация церкви требовала духовной солидарности с советской властью на основе безоговорочной капитуляции. Альтернативным мог быть путь, указанный в Постановлении Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Управления от 7/20 ноября 1920 г. о самоуправлении епархий. Такой путь митр. Сергей не рассмотрел.

2. Сергианский раскол. Митр. Сергей взял в руки церковную власть после смерти святителя Тихона. Он заявил себя первоиерархом на спорных канонических основаниях. В 1927 г. он издал «Декларацию», неоднозначно воспринятую церковью. Церковь раскололась. Принявших «Декларацию» стали называть «сергианами». Большинство епископов, клириков и мирян в России осудили «Декларацию» и перестали возносить за богослужением имя митр. Сергия. От «Декларации» отмежевались Соловецкие мученики и Зарубежная Церковь. Отказавшихся помянуть митр. Сергия в качестве первоиерарха называли «непоминающими». Так возникла катакомбная Церковь «непоминающих», укорившая митр. Сергия в нарушении канонических традиций и узурпации церковной власти. Приспосабливаясь к новым условиям, «Декларация» противопоставила решениям Священного Собора новый канонический порядок. Этот порядок не повреждал догматы и таинства. Отступления касались церковного управления. Зерна, из которых выросли принципы нынешней политики РПЦ, засеяла «Декларация». Она стала программным документом РПЦ, «сохранив образ благочестия и отвергшись его силы». Семена проросли, расцвели и принесли плоды. Устав и Положение о суде РПЦ МП — праздник урожая. Критика этих документов не будет эффективной, пока не выявлены корни, из каких они растут.

Эти документы лишь формализуют принципы, заложенные «Декларацией». Необходимо оценить принципы основополагающего документа, сокрытого многолетним молчанием.

3. Безоговорочная капитуляция. Вопреки декрету «Об отделении церкви», церковная власть породнилась с советским государством, стала необходимой частью его системы, а позднее номенклатуры. Для этого следовало изменить церковное сознание. Солидаризуясь с государством, церковная власть не отмежеввалась от его политических амбиций, но уклонилась от нравственной оценки его поступков. РПЦ разделяла, одобряла и поддерживала мероприятия советской власти в эпоху гонений, разрушения и закрытия храмов. Когда советская власть преследовала духовенство и верующих, создавала искусственный голод в своей стране или вводила войска на территории других государств, РПЦ поддерживала ее благосклонным молчанием. За весь период советской власти РПЦ ни разу не осудила ее варварские акции. Она с восторгом отзывалась о вождях, присоединяясь к «аплодисментам, переходящим в овации». Такую позицию задала Декларация: *«мы, церковные деятели, не с врагами нашего советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и нашим правительством. Мы хотим быть Православными и сознать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, создается нами как удар, направленный в нас. Выразим всенародно нашу благодарность Советскому Правительству за внимание к духовным нуждам Православного населения, а вместе с тем заверим Правительство, что мы не употребим во зло оказанное нам доверие»*. Соловецкие епископы усомнились в искренности митр. Сергия: *«Такого рода выражение благодарности в устах Главы РПЦ не может быть искренним, и потому не отвечает достоинству церкви»*.

В дальнейшем прославление Сталина устами иерархов и клириков РПЦ доходит до бесстыдства, когда славят то, что совесть осуждает как грех. Это не упрек. Страх перед насилием естественен для человеческой немощи. Мученичества нельзя требовать. Произошел известный в психологии эффект, когда жертва от страха влюбляется в своих палачей. Отказавшись быть совестью народа, РПЦ мало-помалу растеряла важнейшую социальную ценность своего служения — нравственный авто-

ритет. В отзыве на Декларацию Соловецкие мученики писали: *«мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения церкви и государства».*

4. Госконтроль над епископатом. Советская власть нуждалась в легализации, чтобы получить контроль над формированием иерархии и право «вето» на служение любого клирика. Под «легализацией» понималась «регистрация» архиереев, клириков и общин. Церковь тоже нуждалась в легализации, чтобы облегчить свое бесправное положение. Тучков последовательно обращался с предложением легализации к митр. Петру, митр. Агафангелу, митр. Арсению, выдвигая условия:

1. опубликование декларации желаемого содержания;
2. устранение «неблагонадежных» епископов;
3. осуждение заграничных епископов;
4. установление контактов определенного характера, чтобы использовать авторитет церкви в политических интересах государства.

Все иерархи решительно отказались от предложенных Тучковым условий. Соловецкие епископы сознавали угрозу, нависшую над церковной свободой, и подчеркивали в своем послании опасность утратить границы лояльности и поработить церковь советскому государству. Важнейшим был вопрос контроля над кадрами. Большевики понимали его важность. Тучков предложил митр. Кириллу возглавить церковь при условии негласного контроля большевиков над составом епископата. Митр. Кирилл согласился на контроль, НО — гласный! Он полагал, что епископ должен знать мотивы своего отстранения — политические или церковные. В этом вопросе обман неизбежно оказывался изменой церкви и предательством собрата. Известен разговор Тучкова с митр. Кириллом Смирновым, законным преемником свят. патриарха Тихона. Согласившись возглавить церковь, митр. Кирилл не принял условий Тучкова.

— Если нам потребуется удалить архиерея, Вы должны устранить его от управления.

— Если он виновен в церковном преступлении, да. В противном случае я скажу: «брат, я против тебя ничего не имею, но вынужден тебя удалить по требованию властей».

— Нет, Вы должны найти за ним церковную вину и сами принять решение.

Такое требование угрожало церкви параличом воли. Митр. Кирилл понял и ответил:

— Вы не пушка, а я не бомба, чтобы подрывать церковь изнутри.

Тучкова не устроила его позиция, и Митр. Кирилл поехал в Сибирь. Предложение Тучкова принял митр. Сергей. Началась спекуляция «буквой канонических норм», как выразился митр. Кирилл Смирнов, для расправы с неудобными. Единичные смещения епископов вскоре сменились массовыми. «Когда бывало, чтобы переводили одновременно свыше 40 епископов, причем даже без их ведома?» — спрашивает митр. Иосиф Петровых. Негласное назначение епископов органами советской власти на столетие стало нормой, нарушающей каноны: «Избрание в епископа, пресвитера и диакона, делаемое мирскими начальниками, недействительно» (Двукр. 9; Седм. 3).

5. Положение епископа. Всенародное избрание Патриарха в 1917 г. провозгласило торжество соборности. Дальнейшие избрания патриархов сделались кулуарными. Именно такую норму установил Устав РПЦ. Закрытость назначений скрывала тайное участие «мирских начальников». Закрытым от Церкви стало избрание и назначение всех епископов. Устранение епархии, в которую назначается епископ, от участия в его избрании, во-первых, нарушает святоотеческий принцип: «кто хочет всеми управлять, должен быть всеми избран». До наших дней хиротония в священный сан сохраняет древнюю формулу рецепции: «Аксиос!» (Достоин!), которую произносят епископы, клирики и народ. В такой форме церковь признает состоявшееся избрание, подтверждает достоинство избранника и выражает согласие на его хиротонию.

Каждый христианин имел право заявить «анаксиос!» (не достоин). В этом случае рукоположение останавливают до выяснения причин заявленного протеста. После «анаксиоса» нельзя продолжить рукоположение. Оно становится недействительным. В наши дни «аксиос» превращен в элемент ритуала, лишенный практического смысла. Кричи что хочешь, епископ не обратит внимания или прикажет вывести из храма за нарушение порядка. Упразднение «анаксиоса» выража-

ет пренебрежение к мнению народа Божия и безразличие к нравственному достоинству епископа или пресвитера. Во-вторых, лишает епископа права на представительство своей епархии. На Соборе он может представлять только себя самого, но не свою епархию. Так решается разгоревшийся в последнее время спор о составе Собора. Спор решает способ формирования епископата. Если епископы избраны своими епархиями в порядке, установленном канонами, они являются законными представителями своих епархий на Соборе, и участие клира и мирян не актуально. Назначенный епископ не может представлять епархию, которая его не избирала. Поставление епископа состоит из двух актов: избрания и хиротонии. Заменяв избрание назначением, РПЦ лишила епископов права на законное представительство. Епископы РПЦ сохраняют апостольское преемство через хиротонию, но представляют не Церковь, а только себя самих. То же следует сказать о «кулуарном» избрании Патриарха. Избранный в закрытом заседании епископов, Патриарх представляет архиерейскую корпорацию, а не церковь, которая его не избирает. Утратив законное каноническое положение, епископ потерял связь с паствой и превратился в бюрократа, отправляющего административные функции. Утрачена обратная связь. Контроль советской власти вынуждал епископа уважать правовые и канонические нормы. Когда гражданская власть отменила контроль, епископ вовсе забыл об ответственности и превратился в человекавладельца — крепостника. Если говорить всерьез о епархиальной структуре управления, изложенной в Уставе РПЦ, вызывает удивление пренебрежение Устава к человеческой личности и отвержение святых канонов: 1. На каких канонах основана подмена реальной общины самозваной «десяткой — двадцаткой»? Прихожан не регистрируют в общине, их права и статус не прописаны. По советской терминологии это «лишенцы». В храме они утратили субъектность, обезличились, стали объектами, наряду с аналоями и подсвечниками. В отличие от подсвечников, они не числятся даже в инвентарной описи и беззащитны перед произволом. Устав позволяет епископу разогнать общину. Канон известный: Постановление ВЦИК и Совнаркома от 1929 г. Он продолжает действовать 20 лет спустя после падения советского режима.

На каких канонах основано избрание и назначение епископа в тайне от его епархии? Уполномоченный требует? Уполномоченных нет уже 20 лет, а епископа назначают как и прежде, без ведома церкви.

На каком каноне основан «закрытый суд»? Его нечестивыми прообразами являются «чрезвычайки» и «тройки» НКВД.

2. Беззащитны клирики. В Уставе прописаны их обязанности, но не прописаны права. Епископ может любого клирика «с кашей съесть». Ответственность епископа формальна. Всерьез относиться к Уставу нельзя. Епархия по Уставу не живет. Епископ Устав не читал и читать не станет.

6. Фиктивное законодательство РПЦ. Сталинская Конституция была «самой демократичной в мире». Это правда. Она действительно содержала либеральные обещания, которые гарантировали свободу личности в гражданском обществе. Не было только гражданского общества и свободной личности. Была грандиозная реклама, отражавшая пустые обещания в прессе и кино. Граждане СССР поддерживали ее в силу служебного и общественного положения, партийности и животного страха. Фильм «Кубанские казаки» демонстрировал изобилие и свободу, когда на трудодень давали 200 г хлеба крестьянам, лишенным паспорта и привязанным к колхозу, а полстраны сидело в лагерях. Еще А.С. Пушкин замечал печальный парадокс: «в России гуманные законы и кнутобойные указы». Конституция утверждала гражданское общество, а спецслужбы отрезали пути к нему. Далеко не все разделяли такую социальную позицию. Многих не коснулись репрессии и смерть близких. Они жили по другую сторону колючей проволоки в коммунальных квартирах, получали бесплатное лечение и образование, ездили в санатории, вступали в партию и выходили на пенсию. Советскую идеологию принимали как собственное мировоззрение. Благополучие освещал образ вождя, как солнце, отраженное в миллионах портретов. Позднее это назвали культом личности. При жизни его чтили как отца, поклонялись как богу. Политруки и епископы пели ему панегирики, акафисты и славословия.

Структура РПЦ МП до наших дней сберегла советский стиль и архаичный пафос в жизни и документах: Устав РПЦ, Положение о суде, Социальная концепция — мертвые доку-

менты, оторванные от действительности и традиции. Подобно сталинской Конституции, они не отражают реальную жизнь и не влияют на нее. Они есть, как будто их нет. В советской жизни приходилось принимать «линию партии», если хочешь выжить. Конституцию никто не принимал всерьез.

Чтобы выжить в РПЦ, нужно подчиниться основному правилу, принятому Архиерейским Собором 2008 г.; «Полнота власти в РПЦ принадлежит Архиерейскому Собору. Полнота власти в епархиях принадлежит архиерею» (Положение о церковн. суде РПЦ МП, ст. 3, 1–2). «Судебная власть» — излишнее уточнение, поскольку исполнительная и законодательная власть принадлежит им же. Все соборные институты церкви сведены к фикции. Епископ имеет власть, а все остальные не имеют прав. Согласно приведенным документам, власть в РПЦ принадлежит не Богу, а епископу. Устав не отводит никакого места в церковной жизни Богу и народу Божию.

7. Нарушение соборных определений. От имени церкви митр. Сергей расписался в политической лояльности: *«мы, церковные деятели, не с врагами Советского государства, а с нашим правительством. Нам нужно на деле показать, что верными гражданами Советского Союза могут быть ...ревностные приверженцы православия. Мы хотим быть православными и сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, ...сознается нам, как удар, направленный в нас».* Не согласным с его политическими установками внутри страны митр. Сергей предлагает *«переломить себя или устраниться».* От заграничного духовенства требует письменного обязательства в политической лояльности под угрозой исключения из клира.

«Угроза заперещения эмигрантским священнослужителям нарушает постановление Собора от 3/16 августа 1918 г, разъяснившее каноническую недопустимость церковных кар по политическим мотивам. Собор реабилитировал лиц, лишенных сана за политические преступления в прошлом (митр. Арсений Мациевич, свящ. Григорий Петров)», – констатирует отзыв Соловецких епископов. *«Постановление Собора содержит отказ от церковной политики, оставляя каждому члену церкви свободу политической позиции в соответствии с его православной совестью. Никто не имеет права принуждать церковными мерами к политической со-*

лидарности», — пишет исповедник еп. Василий Прилуцкий (Зеленцов).

Митр. Сергей единолично определил характер отношений церковной власти с государством на грядущие годы. От имени церкви митр. Сергей принимал самовластные решения, как мы видели, вопреки соборным решениям. Его личная власть упразднила и подменила церковную соборность. Тоталитарный характер государства неизгладимо запечатлелся в авторитарном стиле церковного управления. Советское государство было многолико. Оно умело обращать демократическое лицо к Западу и звериный оскал на собственный народ. Церковная власть научилась подбирать маски для любых аудиенций и реклам. Упразднив соборность, самовластие епископата оставило от нее одни узоры в церковных документах. «Сергианство» проникло в церковь как альтернатива соборности, постепенно упразднило соборность и свело к фикции все соборные установления Церкви.

8. Отречение от мучеников. Осуждая *«зарубежных врагов»* и *«известные церковные круги»*, митр. Сергей не называет имена *«врагов»*, вписав в их число *«верующих и церковных деятелей»*. Анонимность позволяет безответственно обвинить их в *«убийствах, поджогах и подпольной борьбе у нас на глазах»*. Черная тень клеветы легла на *«Соловецких»*, *«воркутинских»*, *«колымских»* и других исповедников. Митр. Сергей оправдывает *«справедливое недоверие и подозрение правительства к церковным деятелям»*, утаив правду о тысячах и тысячах верующих, клириках и епископах, без суда расстрелянных, безвинно томящихся в тюрьмах и лагерях за свою верность Христу. Митр. Сергей отрекается от них, признав политическими преступниками. Соловецкие мученики отзывались на декларацию: *«послание Патриархии без всяких оговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и государством возлагает на Церковь»*. Это предательство своих братьев имело продолжение в истории РПЦ, когда иерархи ездили за рубеж убеждать, что в СССР нет гонений на веру Христову. Иерархи возвращали эмигрантов в СССР, обрекая на расстрел, лагеря и тюрьмы. РПЦ до сего дня не осудила эту клевету и предательство. Советская власть ушла в прошлое, но сознание епископа РПЦ, вскормленное идеологией компартии и правительства, продолжает

по-прежнему ненавидеть «врагов народа» и преследовать их потомство. «Непоминающих» осуждали и репрессировали, позднее реабилитировали. После войны «непоминающие» объединились с РПЦ. Но для епископов-«сергиан» они навсегда остаются «братьями второго сорта».

9. Эффективность и успех. Веками в основе церковного устройства лежала нравственная идея. Ее формировали библейские заповеди и нормы: иерархия, десятина, запрет взимать проценты, налагать двойное наказание за одно преступление, требование двух-трех свидетелей для установления факта, ограничение рабства конкретным сроком и проч. Христос углубил смысл этих предписаний, поставив во главу угла верность Богу и заботу о человеке. «В этих двух заповедях весь закон и пророки». Тысячелетия церковной истории вносили свои коррективы в церковную практику. Церковь раскрывала догматическое учение в противостоянии ересям и расколам. Догматы находили свое практическое осуществление в канонических правилах церкви. Заповедь о любви к Богу и человеку оставалась неизменной основой христианской этики. Новизна позиции митр. Сергия заключалась в замене нравственных и канонических принципов идеей эффективности церковной жизни, которую необходимо приспособить к новым условиям. Во главу угла церковной деятельности был поставлен принцип целесообразности. Понятие «пользы церковной» оправдывало все перипетии церковной политики. Принцип «церковной целесообразности» закреплен в Уставе РПЦ 1988-го и 2000 г. (гл. 11, ст. 25). Этот принцип опасно доводить до предела «цель оправдывает средства». Каиафа положил его в основу осуждения Христа. Цель не оправдывает средства. Это заблуждение. Осуществляя принцип, средства подменяют цель, и она не достигается. Ее место занимают средства. Это и называют «церковной целесообразностью». Качество не требуется. Нужно количество. Любовь становится излишней роскошью. Место любви занимают послушание с одной стороны и господство — с другой. Страшен образ, осуществляющий безлюбное единство, именуемое дисциплиной. Он доведен до предела в организации ада. Там нет ни любви, ни свободы. Там безоговорочное послушание владыке ада — сатане. Там жаловаться некому, впрочем, как в любой епархии РПЦ.

Устав не выпячивает этот принцип. Он существует скромненько в незаметной главе «Приходы», но идея **«целесообразности»** пронизывает своим замыслом Устав РПЦ. Это ее главная беда: подмена евангельской нравственности и канонической правды прагматической целесообразностью.

Очень скоро «церковная» целесообразность стала служить частным интересам епископов и превратилась в раковую опухоль, которая пожирает весь церковный организм: евангельские принципы, этику и совесть, апостольские правила и вселенские каноны. Наконец, этот принцип коснулся церковного вероучения, и в первую очередь повредил догмат о церкви. Борьба с «кафоличностью-соборностью» и Поместными соборами отстаивает главную ценность чиновника — **любоначалие** — жажду обладания.

Митр. Сергей был талантливым и умным человеком. Он понимал, что допускает лукавство, возможно, надеясь со временем вернуться к честной политике. Но нельзя безнаказанно пожать лапу дьяволу. Лукавство пронизывает современные документы РПЦ. Эффективность сделалась основным принципом церковной жизни. Этот принцип берет за критерий целесообразность в управлении, прибыль в коммерции, политический капитал во взаимоотношениях, а в качестве меры этих ценностей — успех! Выгода заменила нравственные принципы, как учил Ленин: «нравственно, что полезно. Что невыгодно, то безнравственно». В отношении к человеку его сформулировал Каиафа: «лучше, если погибнет один человек, а не весь народ». Не забудем, что этот человек — Христос.

10. Церковный статус епископа. Власть архиереев никто не оспаривает. Клер и народ принимают эту власть, подчиняются ей, молятся об архиереях. «Кого посылает Домовладыка для управления своим домом, нам должно принимать так же, как Самого Пославшего» (Святой Игнатий Антиохийский. Послание к ефесянам, VI). Факт власти епископа не оспаривается. Удивляет источник и пределы этой власти, вырвавшейся из границ догматов, канонов, этики и традиций.

1. Забывая об **источнике иерархической власти**, епископ приватизирует власть, которой мог бы пользоваться законно, и становится узурпатором власти.

2. Забывая о **пределах иерархической власти**, епископ ассоциирует себя с Богом. Он присваивает себе славу Бога и становится идолом.

В обоих случаях власть утрачивает «божественное полномочие» и превращается в голое насилие, запрещенное Христом Спасителем (Мф.20, 25 и др.). Власть превращается в стихию, сметающую личность, как ветер сметает сор и прах. Такая власть не служит Церкви. Она расхищает наследие Божие. Прот. Н.Афанасьев пишет: «Господствовать или повелевать стадом Божиим означает пользоваться властью, не имеющей основания в любви». Всякое дело такой власти становится «рубкой леса», от которой, как щепки, летят человеческие жизни и судьбы, оскудевает стадо Христово. Церковное дело не следует строить на слезах и крови, как строилось коммунистическое благоденствие. Епископы обосновывают самовластие праведностью новомучеников, как муха в басне: «мы пахали». Оправдывая свои страсти и похоти, епископ ссылается на подвиги апостолов и святителей, которые «жизнь свою полагали за овец» (Ин. 10, 11). Епископ строит свой авторитет на чужой репутации. Так обосновали свое право фарисеи и *«сказали Ему в ответ: отец наш Авраам. Иисус сказал им: если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога; Авраам этого не делал. Вы делаете дела отца вашего»* (Ин. 8, 39–40). Ап. Павел призывает епископа: «показывай в себе образец добрых дел» (Тит. 2,7). Слепо довериться можно только Богу. Епископ должен доверие заслужить. Нельзя стирать различие между Хозяином и слугой. Нельзя смешивать епископа с Богом.

Евангельский и богословский, а не только гражданский протест вызывает странная и страшная позиция РПЦ, потерявшая смысл Домостроительства, пренебрегающая конкретной овцой, ради которой Христос воплотился и принял крестную смерть. Положение «забыло» о личности, христианине, клирике и мирянине. «Забыли» предоставить клирику канонические права и защиту от епископа, от его насилия над человеком. Верного и благоразумного домоправителя ставит господин над слугами своими — раздавать им в свое время меру хлеба. *«Если же раб тот... начнет бить слуг и служанок, есть и пить и напиваться: то придет господин раба того... и подвергнет его одной участи с не-*

верными» (Лк. 12, 42–46). Христос подчеркивает, что домоправитель не становится хозяином дома и несет ответственность за свое управление. Подобно «злому рабу», епископ забыл, что Бог остается хозяином дома. Бог не дарит епископу овец. Он доверяет Своих овец его заботе. Епископ не замечает различия себя самого от Бога. Он жаждет абсолютной власти над человеком. Власть человека над человеком всегда сомнительна. Кто епископ? **Человек** или **бог**? Кем его исповедует РПЦ? Кем осознает себя сам епископ? Когда Христос свидетельствовал: «Я и Отец — одно», иудеям было трудно понять: «Ты, будучи человеком, делаешь Себя Богом» (Ин.10; 30,33). Когда апостол Петр засвидетельствовал: «Ты Христос, Сын Бога живого», Иисус сказал Ему в ответ: «не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах» (Мф. 16, 16–17). Бог открыл римскому сотнику тайну Богочеловека: «истинно Человек Сей был Сын Божий» (Мк. 15, 39). Кто откроет тайну епископа? Мы слышим непривычные современному слуху имена, обращенные к грешному человеку: «святой владыка», «святейший», «высокопреосвященнейший», «господин» и «деспот». Мы видим удивительные обряды поклонения человеку, допустимые в служении Богу: земные поклоны, публичные раздевания и одевания; хождение по орлецам, как по небу; целования рук и ног, воспевание его величия, усиленное хором льстецов, прославляющих божественную славу человека вплоть до возведения епархиального архиерея одесную Отца: «Владыка! Вы — правая рука Бога!» Эти слова и действия могут иметь разный смысл: епископ может приписать их себе или сану. Это его проблемы. Но мы не смеем забыть, что золотой омофор — только символ, а не заблудшая овца, которую Единый Пастырь выносит на плечах, обливаясь потом: *«был пот Его как капли крови, каплющие на землю»* (Лк. 22, 44). Мы не смеем забыть, что драгоценная шапка на голове епископа — украшение, а не терновый венец, пронзающий чело Спасителя. Мы знаем, что крест епископа обгажен не кровью, а рубинами и алмазами. Все формы имеют смысл, пока адекватно выражают содержание. Утратив содержание, символы превращаются в рисунки:

А если так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Ритуальные действия и слова сохранились от поклонения римскому кесарю. В поисках обоснования власти император провозглашал себя богом. Ему воздавали почести и приносили жертвы, как богу. Христиане не признавали кесаря богом, не воскуряли ему фимиам, не приносили жертвы. За это их называли безбожниками, предавали мукам и смерти.

В XII веке христианский кесарь провозгласил сакральность императорской власти: *«царям все позволительно делать, потому что на земле нет различия во власти между Богом и царем; царям все позволительно делать, и можно нераздельно употреблять Божие наряду со своим, так как самое царское достоинство они получили от Бога, и между Богом и ними нет расстояния»* (Лебедев А.П., Исторические очерки состояния Визант.-Восточ. Церкви», М., 1902, стр. 106). В XII веке христиане верили, что царское помазание изглаживает любые грехи. Толкуя 12-е правило Анкирского собора, Вальсамон на этом основании оправдывает убийцу императора Никифора Фоки.

Обожествление персоны епископа в силу хиротонии имело место в церковной истории. Хиротония во епископа рассматривалась как второе «крещение во оставление грехов». Это была очевидная ересь против Никейского Символа: «исповедую едино крещение». По словам М.Э. Поснова, *«система епархиального папизма нашла полное закрепление в Дидакалии, памятнике III века, испорченном интерполяциями: "Епископ могущественный царь для вас; он, управляя вместо Бога, должен почитаться вами как Бог, ибо епископ председательствует у вас на месте Бога... благоговейте перед ним и воздавайте ему всяческие почести... Тот, кто носит диадиму, то есть царь, властвует только над телом,... епископ же властвует над душой и телом"»* (Ап. Пост. 2,26; Поснов М.Э. История христианской церкви. Брюссель, 1964, стр. 123). Епископам понадобились интерполяции, чтобы оправдать свои претензии на обладание душой и телом человека!

Трульский собор в 691 г. осудил такой взгляд на епископа как искажение церковного вероучения: *«Оные Климентовы Постановления благорассмотрительно отложили, отнюдь не допуская порождений еретического злословия и не вмешивая их в чистое и совершенное апостольское учение»* (Книга Правил, Шест. 2).

Нынешние христиане воздают божеское поклонение епископу, опираясь на традицию: покланяемся епископу не

как Богу, а как Его иконе, ожившей в епископе. Литургический образ живет в пределах богослужения. Явленное в ритуале, за его пределами лишь блекнет и становится воображаемым, обнажая фальшь позолоты. Величие ритуального образа парализует сознание епископа. Сняв облачение, он не выходит «из образа» бога. Он вступает в реальную жизнь, всерьез присвоив своей персоне славу неосуществленного Первообраза. В отличие от епископа, кесари признавали, что смертны, и усмехались над собственной божественностью. Епископ уклоняется от прямого ответа о своей божественности. Церковные документы РПЦ: Устав, Положение о суде, Социальная концепция, — не позволяют разглядеть современное учение РПЦ о лице и природе епископа. Прямо и косвенно они формируют образ неограниченного всемогущества и святости, которым не соответствует смертный и грешный епископ. Это декларации, одинаково оторванные от традиции и от церковной действительности.

Если РПЦ исповедует епископа богом, против ее соборных документов возразить нечего. Всемогущий бог является источником власти. В силу всеведения его решения непогрешимы: он не ошибается, не подлежит контролю и критике. В силу святости его поступки безгрешны. Он не ограничен никем, кроме бога из соседней епархии. Архиерейский собор превращается в Олимп. Понятно, что Собор может быть только Архиерейским: смертным на Олимпе делать нечего. Непонятно только, как это многобожие совместить с верой в Единого Бога.

Если же РПЦ признает епископа человеком, возникает законное возражение против ее документов и практики: как РПЦ дерзает доверить бесконтрольную и неограниченную власть грешному человеку, зная его грехи и слабости, ошибки и пристрастия?

11. Церковное правосудие.

Принятое в 2008 г. Архиерейским Собором РПЦ МП «Положение о церковном суде» не может применяться на практике и получить церковную рецепцию. Заведомо мертворожденное, оно выпало из церковной традиции и здравого смысла по двум причинам.

Во-первых. Положению чужды идеи, из которых выросло понятие суда. В Положении отсутствует идея права и нет

идеи правосудия, предусмотренной Откровением, Вселенскими канонами и международным правом: единое правовое поле и презумпция невиновности, состязательность сторон и независимость судей, открытость обвинения и приговора. Положение не содержит даже терминов «право» и «правосудие». Это пристрастный документ, озабоченный амбициями епископа и заведомо осужденный Вселенскими канонами (напр., Карф.16). Он не обеспечивает клирику право и защиту. О правосудии говорить не приходится, если:

1. Епископ совмещает в одном лице судью, обвинителя и заинтересованную сторону.

2. Положение заведомо не допускает виновность епископа. Жалобу на епископа Положение считает «явно клеветнической» и угрожает клирику, заведомо не допуская справедливой жалобы на епископа (Положение, ст.6, 20).

3. Обвинения, Протоколы и Решение суда осужденному в руки не дают.

4. Апелляции на приговор не рассматриваются и остаются неосуществимой возможностью.

Кому нужно право на апелляцию, которую никто не рассматривает? В мае 2007 г. прот. Янис Калныньш лишен сана судом. Ответ на апелляцию от Патриарха до сих пор не получен. Из личного опыта: за 50 лет священнослужения я не получил ни разу ответ из МП на многочисленные обращения и жалобы, в том числе судебные.

Во-вторых, в основе Положения лежат еkkлeзиoлoгичeские ошибки, лишаящие суд права называться «церковным». Например, три самые нелепые ошибки.

Первая ошибка. «Положение» утверждает, что власть в Церкви епископу **принадлежит** (Положение, ст.3, 1–2). Святотатственная приватизация божественной власти никак не вписывается в традицию Восточной Церкви: «пaси овцы **Моя**»; «се, **даю** вам власть...»; «**примите Духа Святого**, им же отпустите грехи...». Не в собственность даю! Евангелие везде указывает источник власти в Боге, а не в епископе. Приходской Устав 1917–1918 г. выражается скромно: «Архиерей **пользуется**, по Божественному полномочию, всей полнотой иерархической власти» (Священный Собор 1917–1918 г. Определение 5 «О епархиальном управлении» гл. 2, 19). От «**пользуется властью**» до «**власть принадлежит**» — огром-

ная дистанция. Власть **не принадлежит** епископу. Епископ — «подобострастный нам человек» (Иак. 5,17). Нечестиво служителю похищать власть своего Владыки.

Вторая ошибка. Положение видит задачу суда в «восстановлении порядка» (Положение, ст. 2). Вторая принципиальная ошибка искажает задачу суда. «Восстановление порядка» не может быть задачей суда. Это задача полиции. Полиция восстанавливает нарушенный порядок. Суд решает правовую задачу: установить вину и осудить нарушителя порядка, оправдать и защитить невиновного. Суд РПЦ не ставит правовую задачу. В своей присяге судья не обещает защищать человека, христианина, личность. Судья не обещает наказать обидчика и оправдать невиновного. Судья обещает: «подражать Христу! Ограждать от ересей! Приводить к познанию, покаянию и спасению!» — все что угодно, кроме прямых обязанностей судьи. (Положение, присяга судьи). Собор не расслышал и не разглядел слов Христа: «не судите на лица, но праведный суд судите» (Ин.7, 24). «Назначение права охранять личность в общественной жизни. Нарушение или искажение природы права неизбежно влечет за собой покушение на самую личность человека» (прот. Афанасьев Н. Церковь Духа Святого. Рига, 1994, стр. 288). Церковный суд не ставит задачи охранять права личности. Положение не предоставляет подсудимому никаких прав и не озабочено их защитой. Если прав нет, защищать нечего! Если церковный суд не защищает личность, он не вершит правосудие. Он превращается в суд Линча, направленный против человека и свободы, дарованной Богом. Оно и понятно: бесправные клирики и миряне не несут ответственность, которая следует из **права**, предоставленного и ограниченного нормой. Без права нет ответственности, как без закона нет греха, «ибо законом познается грех» (Рим. 3, 20; 7, 7–9). Это две стороны одной медали. Невиновен тот, кто не злоупотребил правом. Виновными могут быть обладающие правами граждане. Церковный суд не судит клириков, как не судят овец, посланных на скотобойню. Нужна колбаса, а не правосудие. Суд обрекает клирика в жертву воле и замыслам епископа. «Церковным судом» назван инструмент насилия, чуждый природе церкви и природе права. РПЦ возродила «чрезвычайку» и «тройки», восстанавливающие «порядок» полицейским насилием, вопреки праву и закону.

Третья ошибка. Третья принципиальная ошибка: «судебная власть проистекает из канонической власти епархиального архиерея» (Положение в ст. 3, п. 2). Положение воцерковляет природу права, чуждую церкви, и объявляет епископа источником внецерковного начала, призвавшего церковь на ее историческом пути. «В течение истории в церковную жизнь проникло право, которое стало в ней организующим принципом. Это было проникновением эмпирических начал из жизни старого эона, в котором Церковь, будучи “началом последних дней”, продолжает пребывать. Как принадлежащее старому эону, право чуждо природе церкви. Проблема права для церкви есть, главным образом, проблема церковной иерархии и ее взаимоотношений с членами церкви. Здесь лежит начальная точка, через которую право стало проникать в церковь и в ней утверждаться. Служение предстоятельства на основе правовой власти является историческим соблазном, как результат проникновения права в церковь. Отказавшись от евхаристического источника власти епископа, церковное сознание должно было заимствовать из эмпирической жизни принцип права для обоснования власти епископа, т.к. иного начала для власти епископа в самой церкви нельзя найти. Идея правовой власти привела к установлению правовых отношений между епископом и членами его церкви. В результате длительного исторического процесса иерархическое служение, вытекающее из самого существа Церкви, получило обоснование, которое вообще не содержится в Церкви» (Церковь Духа Святого, стр. 283, 295, 296).

Объявляя епископа источником правовой власти, церковные документы смешивают правовую и благодатную власть. Обе власти отождествлены в лице одного человека. Благодатная власть употребляется в качестве правовой, и правовая претендует быть благодатной. В результате благодатная власть теряет сакральный смысл. Сакральные санкции вырождаются в правовые, епископ из священнодействителя превращается в бюрократ.

12. Усовершенствовать или исцелить?

Усовершенствовать современное устройство РПЦ нельзя. На лучшем транспорте не приедешь, куда хотел, если поехал не по той дороге. Принципы «сергианства» противо-

речат природе церкви. Их нельзя усовершенствовать. Их можно осудить и упразднить. Удивительно, как Зарубежная Церковь после столетнего противостояния «сергианству» приняла идеи Декларации, осуществленные в устройстве РПЦ МП. Церковь живет в истории, осуществляя вечную задачу. Сложившиеся формы ее бытия отличаются от первоначальных. Трудно выйти за пределы привычных форм и представить, что они могли быть иными. Сознание часто не отделяет церковные причины от воцерковленных факторов давно исчезнувшей эпохи. «Сергианство» — воцерковленный фактор советской эпохи. Ему пора уйти вместе с ней. Сергианство пережило свою эпоху. «Церковь, выявляясь и воплощаясь в мире природном историческом, может принимать формы, свойственные этому миру» (Бердяев Н.А. Философия свободного духа). Пора освободить церковь от коммунистических наручников. Дух советской власти олицетворяют не памятники Ленину, а его непогребенное тело. Декларация олицетворяет духовный сталинизм, которым так долго болеют страна и церковь. Болезнь не нужно «совершенствовать». Ее надо лечить, если больной хочет выздороветь. Нынешнее положение устраивает иерархию РПЦ. Ей хорошо: тепло и сыто, и все решения за ней! Уста остальных запечатаны ее властью: «пред вами суд и правда — все молчи!» Только чудо исцелит церковь от «сергианства» и возвратит ей соборную святую жизнь. «Человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19, 26). Нет другой надежды на возрождение церкви.

Презрение к святости

В декабре 2012 года таинственным образом были деканонизированы 36 новомучеников российских. Все они, как обозначено в официальном документе на сайте Московского патриархата, «в административном порядке» вычеркнуты из списка святых. Среди них епископы и священники, монахи и монахини, миряне, погибшие в сталинских лагерях. Они были причислены к лику святых в 2000 году на юбилейном Архиерейском соборе. Весь епископат РПЦ единогласно проголосовал за их канонизацию. Деканонизация произошла не во время очередного Архиерейского собора. Похоже, что священноначалие РПЦ окончательно презрело каноническую основу жизни Церкви. Стоит ли удивляться тому, что двумя годами ранее было отказано митрополиту Эстонскому и Таллиннскому Корнилию в причислении к лику святых священномучеников Ивана Лаговского, Николая Пенькина и Татьяны Дензен, принявших мученический венец после оккупации Красной армией Эстонии от рук чекистов только за то, что они исповедовали христианство?

Церковь в вероучительной сфере руководствуется догматами, которые можно уподобить вехам на духовном пути каждого христианина и Церкви в целом. Живя в миру, на протяжении веков Церковь выработала ряд канонов, которые предписывают, как поступать в том или ином спорном случае епископу, священнику или мирянину. За прошедшие 70 лет безбожия коммунисты сумели истребить понятие не только о римском праве, которое легло в основание современного европейского права, но и церковные каноны. Священник Всеволод Шпиллер, которого помнят многие москвичи, говорил о современном ему епископате: «...они приобрели совершенно новые “категории правового мышления”, настолько своеобразные, что даже, как прежде казалось, само собой разумеющиеся правовые и церковно-правовые понятия в них не укладывались... Правопорядок

в собственном смысле этого слова для них существовал один — государственный»¹.

В истории РПЦ существует единственный случай деканонизации, связанный с осуждением старообрядцев. Тверская княгиня Анна Кашинская была деканонизирована в XVII веке, но в XX столетии это решение патриарха Иоакима было пересмотрено. Анна была дочерью ростовского князя Дмитрия Борисовича. 8 ноября 1299 года вышла замуж за князя Михаила Ярославича Тверского, 22 ноября 1318 года казненного в Орде по приказу Узбек-хана. Михаил Тверской был причислен к лику святых. В 1326 году в Орде был казнен ее сын Дмитрий Грозные Очи, а в 1339 году был казнен другой сын — Александр Михайлович Тверской, а также внук Федор Александрович. В 1367 году княгиня уехала из Твери в Кашин — там она и скончалась. Ее останки были найдены в 1611 году в кашинской церкви во имя Пресвятой Богородицы. По преданию, княгиня явилась пономарю Герасиму, исцелила его, а затем еще нескольких больных; началось почитание ее останков как чудотворных мощей. В 1649 году мощи были освидетельствованы по повелению царя Алексея Михайловича, причем были зафиксированы новые чудеса.

Спустя 10 лет после соборного анафематствования старообрядцев, в феврале 1677 года, в Кашин по распоряжению патриарха Иоакима была отправлена новая комиссия, осматрившая мощи княгини. Члены комиссии утверждали, что правая рука княгини была сложена двуперстно, что использовалось раскольниками как аргумент в пользу своих убеждений. Малый церковный собор в Москве в 1677 году принял решение не почитать Анну как святую, имя ее исключить из святцев, приделы и церкви, освященные в ее честь, переименовать. Поместный Собор 1678–1679 годов подтвердил это решение. Однако, несмотря на деканонизацию, почитание Анны в Тверской епархии сохранялось, и тверские епископы этому не препятствовали; велась запись исцелений. В 1899–1901 годы началась подготовка к восстановлению ее церковного почитания. В 1908 году на повторную канонизацию было дано согласие императора Николая II. В 1909 году Святейший Синод объявил днем памяти Анны 12 июня — годовщину перенесения мощей в 1650 году. В том

же году в честь Анны Кашинской была освящена церковь в Петербурге, ставшая подворьем Кашинского Сретенского монастыря. Изъятые в 1930-х годах мощи святой Анны были возвращены Церкви в 1948 году и помещены в Вознесенском храме Кашина.

Деканонизация Анны Кашинской была утверждена двумя Соборами. Современная деканонизация по сути единоличное решение. Два года тому назад с поста председателя Синодальной комиссии по канонизации был смещен митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков) и назначен новый — епископ Троицкий Панкратий (Жердев). Но инициатива деканонизации целиком и полностью принадлежит игумену Дамаскину (Орловскому), который сегодня занимает пост секретаря Синодальной комиссии по канонизации. Один из членов комиссии, профессор Московской духовной академии, историк, человек знающий и уважаемый, сообщил автору этих строк, что Синодальная комиссия на этот раз не созывалась и что это решение позже было утверждено патриархом.

Инициатором деканонизации явился секретарь комиссии — игумен Дамаскин (Орловский). С 1991 года был членом Синодальной комиссии по изучению материалов, касающихся реабилитации духовенства и мирян РПЦ, пострадавших в советский период. С 1996 года член Синодальной комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви. В 1979 году в разгар очередных гонений на российских христиан закончил Литературный институт имени Горького и стал членом Союза писателей. До сих пор неизвестно ни одного литературного произведения господина Орловского. В 1988 году, когда советское руководство разрешило празднование 1000-летия Крещения Руси, он неожиданно стал священником. Когда в 1991 году приоткрылись архивы КГБ, единственным человеком, которого допустили к работе с ними, стал священник Дамаскин Орловский. После отстранения митрополита Ювеналия был назначен секретарем Синодальной комиссии. Дамаскин издал 7 томов, посвященных описанию подвига новомучеников. Он утаивал факты жизни и подвиги новомучеников. Так произошло с митрополитом Петром (Полянским) — Дамаскин утаил его письма из ссылки, посчитав, что они могут умалить его подвиг

мученичества. Литературный институт советского периода учил многому, но не ремеслу профессионального историка. Знаменательно, что первый святой, которому он нанес удар, был викарный епископ Василий Кинешемский, начинавший свое служение в той же Ивановской епархии, что и сам Дамаскин.

Епископ Василий (в миру Вениамин Сергеевич Преображенский) (1876–1945) — епископ Кинешемский, викарий Костромской епархии. Родился в семье священника. Окончил Кинешемское духовное училище, затем семинарию и Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Магистр богословия. В 1910–1911 годы жил в Англии, где занимался углубленным изучением европейской культуры. Знал в совершенстве древние и новые европейские языки. С 1911 года преподаватель иностранных языков и всеобщей истории в Миргородской мужской гимназии. С 1914 года преподаватель латинского языка в Петровской гимназии города Москвы. Участник двух съездов по скаутизму, лично беседовал и слушал лекции основателя мирового скаутского движения Роберта Баден-Пауэлла. После поездки в Англию в 1914 году, где подробно изучал скаутский метод, вышли в свет две его книги «Бой-скауты». I Съезд постановил ознакомиться с трудами В. С. Преображенского все школы, гимназии и лицеи России, но грянула революция. В книге 1917 года будущий святитель адаптировал систему «скаутинг» для православной России. С 1917 года был псаломщиком в храме, где служил его отец. В 1920 году принял священный сан, в 1921 году пострижен в монашество. В том же году арестовывался Иваново-Вознесенским губчека «как политически неблагонадежный в качестве заложника в дни Кронштадтского мятежа». 14 сентября 1921 года хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. Жил в крайней бедности на окраине города в маленькой баньке, спал на голлом полу, положив под голову полено. Был талантливым проповедником — его проповеди привлекали в храм множество людей.

Когда в Нижнем Новгороде начался голод, призывал в своих проповедях прихожан взять осиротевших детей умерших родителей к себе. Снял дом, в котором поселил пять девочек-сирот и приставил к ним воспитательницу. Создавал

православные духовные кружки, которые спланировали верующих. В этих кружках занимались изучением Священного Писания и учения церкви. Был убежденным противником обновленческого движения. 4 марта 1923 года владыка Василий был назначен епископом Иваново-Вознесенским. Однако долго пробыть на Ивановской кафедре ему не удалось. В мае 1923-го был арестован и выслан на два года в поселок Усть-Кулом. В июле 1925 года вернулся в Кинешму, но через полгода власти потребовали от него покинуть город. Жил в деревне Анаполь с келейником Александром Чумаковым, который сопровождал его в двух ссылках. С 1926 года — епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии. Весной 1927 года он был выслан в Кинешму. В 1927 году был назначен епископом Ивановским, но в управление епархией не смог вступить.

Негативно отнесся к Декларации митрополита Сергия (Страгородского), которая призывала к полной лояльности к советской власти. Был сторонником митрополитов Агафангела (Преображенского) и Кирилла (Смирнова). 19 ноября 1928 году коллегия ОГПУ постановила выслать его на три года на Урал. Ссылку отбывал в деревне Малоречка в двадцати пяти километрах от районного города Таборово Екатеринбургской области. По возвращении из ссылки с 1932 года жил в Орле. В марте 1933 года вновь арестован и по этапу отправлен в тюрьму в Кинешму. Был приговорен к пяти годам лишения свободы. Находясь в заключении в лагере под Рыбинском, работал на строительстве канала. В январе 1938 года был освобожден из лагеря, жил в Рыбинске, затем в селе Котово Ярославской области. Создал небольшой религиозный кружок, тайно служил в небольшом храме, который был устроен в бане. 5 ноября 1943 года вновь был арестован, заключен в ярославскую внутреннюю тюрьму. В январе 1944-го доставлен этапом в Москву, во внутреннюю тюрьму НКВД, затем в Бутырскую тюрьму. Был приговорен к пяти годам ссылки. К тому времени был тяжело болен. Отправлен по этапу в тюрьму города Красноярска, затем отправлен в далекое село Бирилюсы, где в 1945 году скончался. Прославлен в августе 2000 года юбилейным Архиерейским собором Русской православной церкви в лике Новомучеников и Исповедников Российских.

В Кинешме нынешним митрополитом Ивановским и Кинешемским Иосифом была построена часовня в честь новомученика епископа Василия (Преображенского). Мощи святителя были тайком вывезенны игуменом Дамаскиным из Ивановского монастыря. Руководитель Отдела по взаимодействию Церкви и общества Иваново-Вознесенской епархии РПЦ МП игумен Виталий (Уткин) сообщал: «Вчера в Иваново прибыл секретарь Синодальной комиссии по канонизации святых игумен Дамаскин (Орловский). Он доставил в Иваново мощи священномученика Владимира Введенского, уроженца Шуи, священника Рождественской церкви села Лежнево, пострадавшего за веру Христову в концлагере, на территории Голгофско-Распятского скита острова Анзер (Соловецкие острова). С собой игумен Дамаскин (Орловский) имел распоряжение за подписью Патриарха Московского и всея Руси Кирилла о том, что он должен принять из Введенского монастыря города Иваново мощи святителя Василия Кинешемского и передать монастырю мощи священномученика Владимира Введенского. По просьбе сестер монастыря данное распоряжение было продублировано указом епископа Иваново-Вознесенского и Вичугского Иосифа. Игумен Дамаскин принял в Введенском монастыре мощи святителя Василия и передал этой обители мощи священномученика Владимира. При этом представители Ивановской митрополии не присутствовали. Затем игумен Дамаскин с мощами святителя Василия покинул пределы Ивановской области с тем, чтобы доставить святыню в то место, которое будет для нее определено Патриархом Московским и всея Руси Кириллом». Печально, что из 273 митрополитов и епископов, принимавших участие в Архиерейском соборе в феврале 2013 года, ни один не поднял голоса в защиту оклеветанных новомучеников.

Профессор Московской духовной академии протоиерей Андрей Кураев отозвался на это печальное событие: «На многие годы теперь прославление новомучеников придется остановить: ФСБ больше не допускает церковных историков к архивам. Об этом с горечью говорилось на первом пленуме Межсоборного присутствия в 2011 году. У нас вообще прекратилась канонизация. Множество новомучени-

ков прославлены за последние десятилетия на основании формального признака: арестован — не отрекся от веры — умер в заключении (расстрелян). И вот оказывается, что этого недостаточно. Инициатива Ивановской епархии о причислении к лику святых епископа Василия была утверждена решением высшей церковной власти — Архиерейским собором... Кто же принял решение о деканонизации — безымянные книжные справщики из Издательского совета Патриархии? Вряд ли — их задача скромнее. Комиссия по канонизации? Но они этим точно не занималась, и опять же — она не может выносить решения, а лишь рекомендовать. Комиссия по календарному вопросу? Богослужбная комиссия? В общем, по ходу административной реформы коридоры Патриархии стали такими сложными, что мне уже не под силу в них разобраться».

Игумен Дамаскин в частной беседе аргументировал свое решение тем, что все 36 деканонизированных новомучеников дали показания в ходе следствия на своих собратьев. Если это действительно так, то почему не были опубликованы протоколы их допросов? И можно ли доверять протоколам допросов как документам, в истинности которых невозможно сомневаться? Впервые публикуется интервью с Марией Витальевной Тепниной, которое автор этих строк взял у нее за год до смерти в 1991 году. Ее рассказы записывались на магнитофон, а затем были расшифрованы. Впервые также публикуются протоколы ее допросов в 1946 году. Для исследователя церковной жизни сталинской эпохи возникает уникальная возможность ознакомиться и сравнить рассказы подследственной Тепниной с протоколами, сохранившимися в архивах современного ФСБ. Важно вникнуть в бесхитростное повествование Марии Витальевны о том, как проходили допросы, а затем внимательно перечитать тексты самих допросов, которые фабриковал следователь МГБ Набатов. Согласно чекистскому жаргону, он принадлежал к категории «писателей». Он не считал необходимым собственноручно выбивать признания из обвиняемых, как это делали следователи «забойщики», предпочитая самостоятельно сочинять тексты протоколов. Лексика самих протоколов красноречиво указывает на того, кто их сочинял. Из сравнения становится ясно, каким образом появлялись на

свет подобные следственные протоколы. Исследователям подвига российских новомучеников важно учитывать это обстоятельство и безоглядно не доверять только лишь протоколам допросов.

Впервые с этой проблемой я столкнулся в январе 2008 года во время пребывания в Киеве. Беседуя с епископом Васильковским Лукой (Коваленко), тогдашним наместником Глинской пустыни, я узнал, что комиссия по канонизации Украинской Церкви (МП) отклонила представленные им документы по причислению к лику святых исповедника и мученика архимандрита Андроника (Лукаша). Якобы отец Андроник во время следствия дал показания на кого-то из числа паствы и духовенства. Работая над монографией о жизни и подвиге архимандрита Тавриона (Батозского), я изучил следственные материалы его друга и сподвижника, схиеромонаха Андроника (Лукаша). Но нигде не встретил подобного факта. Позже узнал, что столь же малоубедительно и по той же самой причине Синодальной комиссией по канонизации РПЦ была отклонена просьба о причислении к лику святых мученика и исповедника иеромонаха Иеракса (Бочарова). Наиболее безответственные сведения о поведении архимандрита Ермогена (Голубева) во время следствия приведены украинской исследовательницей Л.П. Рылковой в книге «Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за Православную веру в XX столетии» (Киев, 2008.) Знакомясь с протоколами допросов, она не обратила внимания на важную деталь — под текстом последнего допроса, который она цитирует, отсутствует подпись отца Ермогена. Тем не менее исследовательница повторяет вслед за следователем: «Я решил добровольно, чистосердечно раскаться в к/р деятельности, которую осуждаю и с которой разрываю раз и навсегда. Вместе с тем я осуждаю и контрреволюционную деятельность тех церковных групп, которые вносили в церковную жизнь политический к/р элемент»². Ее не смущает лексика, абсолютно не свойственная священнослужителю, как и то, что он, в нарушение евангельской заповеди, огульно будто бы осуждает деятельность «церковных групп». Хотя для историка РПЦ понятно, что речь шла о «непоминающих». Даже в случае несогласия с ними архимандрит Ермоген никогда бы не

стал осуждать их хотя бы потому, что среди них было немало близких по духу друзей³.

Печально, что пока из числа прихожан общины архимандрита Серафима (Битюкова) никто не причислен к лику святых. В Приложении №1 впервые публикуются архивные документы, повествующие об аресте и допросах архимандрита Серафима в 1925 году. Печально, что до сих пор жизнь исповедников и мучеников, прошедших через тюрьмы и лагеря и доживших до конца сталинской эпохи, остается вне поля зрения Синодальной комиссии по канонизации. В состав же епархиальных комиссий часто входят люди, незнакомые со страшными реалиями советской жизни. Поэтому, опираясь на протоколы допросов исповедников и мучеников российских как на документ, не подлежащий сомнению, они совершают ошибку, всецело доверяя им. При рассмотрении вопроса о канонизации того или иного мученика необходимо тщательнейшим образом сверять документы, полученные из архивов советских спецслужб, с воспоминаниями и свидетельствами современников. Непонятно, почему священноначалие РПЦ до сих пор отказывается признать канонизацию Вселенским патриархатом священномучеников монахиню Марию (Скобцову), ее сына Юрия, священника Дмитрия Клепинина и Илью Фондаминского? Что мешает внести их имена в общие святцы?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О. Всеволод Шпиллер. Страницы жизни в сохранившихся письмах. М., 2004, с. 248.

² Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за Православную веру в XX столетии. Киев, 2008, с. 66

³ См. монографию: Бычков С.С. Освобождение от иллюзий. Жизнь и подвиг архиепископа-исповедника Ермогена (Голубева). М., 2010, в которой приводится копия последнего допроса, на основании которого было составлено обвинительное заключение.

Беседа с Марией Витальевной Тепниной летом 1991 года

(Новая Деревня близ города Пушкино)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Священномученик

митрополит Кирилл (Смирнов)

– Мария Витальевна, вы родились и выросли в Тамбове. Владыка Кирилл (Смирнов) в то время был тамбовским архиереем. Если можно, расскажите о его тамбовской жизни...

Меня мои родители в то время, когда владыка Кирилл (Смирнов) был тамбовским архиереем, в храм не пускали. Правда, когда я была маленькая, попала вместе с бабушкой на его богослужение. После службы все подходили к владыке Кириллу под благословение. Бабушка вместе со мной на руках тоже подошла. Владыка протянул руку для поцелуя. А я спрашиваю: «А зачем он мне подставляет свою руку?»

В Тамбове я закончила 5 классов гимназии. Во время революции гимназии разгромили. Затем полгода проучилась в советской школе. Отец меня оттуда забрал, потому что советские школы были смешанные — мальчики учились вместе с девочками. Отец считал, что ничему в этой школе я не смогу научиться. Говорил: «Вы только там с мальчишками бегать будете». Два года у меня прошло вне школы. Конечно, дома со мной занимались педагоги. После этого там же, в Тамбове, лучшие педагоги и мужских и женских гимназий объединились и создали свою школу. Она называлась школа повышенного типа.

– Частная?

– Государственная, школа повышенного типа. Ей давались особые привилегии. Она давала такие же возможности посту-

Мария Витальевна Тепнина

пать в вузы без экзаменов, как после Рабфака. Можно было поступать без диплома в вуз. Я там проучилась два года, и эту школу закрыли, как не соответствующую идеологии.

– *Это когда окончилась Гражданская война?*

– Да, в 20-м году. Я со второго курса (их всего было четыре), я отправилась на выпускные экзамены 4-го курса этой школы. Занималась все лето и получила свидетельство об окончании этой школы. А школа была необычная. Преподаватели относились к учащимся как к родным детям и давали им все, что могли. С одной стороны, у учащихся была жажда знаний, а у них – стремление отдать все знания, что они накопили.

– *А когда вы перебрались в Москву?*

– В 24-м году.

– *Вы перебрались с родителями или одна?*

– С родителями. Мне не повезло с образованием: сначала революционные события оборвали учебу в гимназии, затем в школе. В школе я подружилась со сверстницей (она недавно умерла), с ней у нас была особая дружба. Она сразу же отправилась поступать в вуз и поступила в Воронеже. Я стремилась поехать с ней, но родители заявили: пока у тебя не будет приданого, какое полагается, нечего и думать. И прошло еще года два. Как раз до переезда в Москву. А в 1924 году вся семья переехала.

*Мария Тепкина.
Конец 1920-х гг.*

Перед этим я приезжала сюда к подруге по гимназии (их семья была очень близка с нашей семьей), но они уехали раньше. Я приезжала, гостила у них. Семья моей подруги не была особо религиозной. Я приезжала и стремилась попасть в московские храмы. Но не тут-то было. В семье, в которой я гостила, раньше 10 часов утра никто не просыпался. Я не могла заводить свои порядки. Как-то, а это был будний день, мне пришлось дожидаться момента, когда можно было незаметно выскользнуть из дома. А они жили на Калашнической набережной. Я

отправилась пешком искать ближайшую церковь. Таким образом я добралась до Яузских ворот и попала на Солянку.

— *Можно сказать, что чудом?*

— Да, я искала храм, где могла бы застать богослужение. Поскольку это был будний день, попробуйте застать в тогдашней Москве после 10 утра какое-либо богослужение! Таким образом, я добралась до храма святых Кира и Иоанна и зашла туда. Там было открыто. Сначала я попыталась зайти в храм на развилке. Это была церковь Рождества Богородицы, но там служба закончилась. А на Солянке служба еще шла. Я вошла туда, и там кончался молебен, который служил один из священников, который сослужил с отцом Серафимом (Битюковым). Это был отец Владимир Криволуцкий. Я простояла молебен и решила, что мое место здесь.

— *Отца Серафима в этот день не было?*

— Не было. А я этот храм еще долгое время путала. Вы слышали, что был в Москве такой отец Владимир Богданов?

— *Слышал.*

— Так вот, когда я уезжала из Тамбова, я, конечно, горько плакала у своего первого духовного отца Василия Кудряшова, как я без него буду. И он мне тогда сказал: «Ничего, найдешь там священника. Есть там такой отец Владимир Богданов. Придешь к нему и получишь то, что тебе нужно». А я, будучи уже прихожанкой Солянки, несколько раз в год ездила в Тамбов к своему духовному отцу. Он священномученик, погиб на Лубянке. Он находился в концлагере «Москва-Волга» и отбыл там срок. Его оставили при лагере фельдшером. Хотя никакого отношения к медицине не имел, но там были какие-то курсы, которые он окончил, и потом стал фельдшером. Он действительно был благодетелем для заключенных.

— *Имя, отчество и фамилию полностью напомниме, пожалуйста...*

— Кудряшов Василий Леонтьевич. Он был блондин. Волосы у него росли так быстро, что он не успевал стричься. Все время с ними мучился. И он оставлял их длинными, по-монашески.

— *А ваши встречи с владыкой Кириллом (Смирновым)?*

— Я много о нем слышала от других. Уже после революции, когда он устраивал в Тамбове крестные ходы, я пыталась попасть, но неудачно. А получилось так, что в моей жизни он оставил весомый след. Была у него близкая духовная дочь, которую

он называл своим «детищем». У них была постоянная переписка. Это была Елизавета Ивановна Карагозина, человек, близкий Сергею Иосифовичу Фуделю. Благодаря ей я встречалась с митрополитом Кириллом, хотя только один раз в жизни.

– *Ваша личная встреча произошла благодаря Карагозиной?*

– Да, много позже. Это произошло в 1934 году.

– *Это был тот краткий промежуток, когда его выпустили из ссылки?*

– Краткий трехмесячный перерыв, когда его освободили из заключения и он находился в городе Гжатске. Перед отъездом в Гжатск он побывал в Москве, где попытался встретиться с митрополитом Сергием (Страгородским). Когда его выпустили, он поселился в Гжатске, где принимал решительно во всех, кто интересовался церковной жизнью.

– *Он не служил в храме?*

– Нет. Но дома служил. Я участвовала в богослужении, которое он совершал на дому. Мы прожили в Гжатске несколько дней.

– *Он жил с келейником или один?*

– С келейницами. Были две монахини Рождественского московского монастыря, которые всю жизнь сопровождали его. Одну звали Евдокия (Перевезникова), другую – Анна. Евдокия везде ездила с ним, а Анна жила в Москве. Заботилась о том, чтобы обеспечивать его всем необходимым, она взяла на себя заботу о его материальном благополучии.

– *И вы навестили его в Гжатске благодаря Карагозиной?*

– Не столько благодаря Карагозиной, сколько его свояченице. К Карагозиной в Москву приехала его свояченица Анна Николаевна Азиатская, это была фамилия его покойной жены. Она не была замужем, поэтому сохранила девическую фамилию. Я с ней познакомилась еще в Ленинграде, когда была студенткой медицинского института. Я не хотела селиться в общежитии, поскольку у меня были иконы. Поэтому скиталась, снимая то один, то другой угол, пока не попала к Анне Николаевне. У нее нашла пристанище, пока меня не исключили из медицинского института.

Когда проходил так называемый процесс «Промпартии», то во всех учебных заведениях и других учреждениях созывались общие собрания, где присутствующие вынуждены были голосовать против осужденных и требовать их казни как

врагов народа. Меня затащили на собрание, и когда подошел момент голосования, то председательствующий кричит: «Ну, как голосуем? Единогласно?» А зал в ответ: «Единогласно!» Причем никого даже не призывали поднимать руки вверх, чтобы выразить свое согласие. Мне пришлось подняться и сказать, что я за смертную казнь голосовать не буду. Помню, какой вой поднялся, и тут же постановили, что мне нет места в институте и меня необходимо исключить. В конце концов меня исключили из медицинского института.

Благодаря Анне Николаевне у меня возникла духовная связь с владыкой Кириллом. Она получала от него письма, и мы, чем могли, старались помочь ему. Я покупала табачные ящики, ломала их, а потом сколачивала, приспособливая под посылки. Так возникло мое заочное знакомство с владыкой.

— *И благодаря ей вы поехали в Гжатск?*

— Нет. Ей из НКВД сообщили, что она может повидать владыку. Анна Николаевна навестила его, вернулась и привезла мне приглашение. Она останавливалась у Елизаветы Ивановны Карагозиной.

— *Когда же вы поехали?*

— В июле 1934 года. Спустя пару дней после праздника первоверховных апостолов Петра и Павла.

— *Остановились в этом доме, где он жил?*

— Да.

— *Сколько вы пробыли там?*

— Два с половиной дня. На третий день я уехала. Канун моего отъезда он целиком посвятил мне.

— *Какие темы вы затрагивали?*

— Тема была одна — жгучая и всех интересовавшая. К нему приезжали специально многие люди — духовенство, миряне, активные члены церкви. Всех волновала проблема «сергианства». И в том числе он знал, насколько мучительной для меня была эта проблема.

— *Как он относился к митрополиту Сергию (Страгородскому) и как он высказался относительно его Декларации 1927 года?*

— Категорически. У него было совершенно определенное отношение. Он состоял в переписке с митрополитом Сергием, которую мне прочитал всю. Сам читал вслух. Когда он ехал в Гжатск после последней ссылки через Москву, то считал возможным встретиться с митрополитом Сергием. Он

приехал в его резиденцию, но митрополит Сергей не принял его. Он попросил владыку Кирилла, чтобы тот передал свои вопросы через секретаря. Владыка не счел это возможным. Разговора не получилось. Но продолжалась переписка.

— *А как обосновывал митрополит Кирилл свою позицию?*

— Очень категорически, прямо. Он называл митрополита Сергея «узурпатором».

— *А как он советовал вести в дальнейшем церковную жизнь?*

В это время вы посещали какой приход?

— Катакомбный приход архимандрита Серафима (Битюкова). Он ушел в 1927 году в затвор. Я же помню его еще не архимандритом, а иеромонахом.

— *Отец Серафим не виделся с владыкой Кириллом в этот промежуток?*

— Нет.

— *А кто-то из его круга: отец Иеракс или отец Петр (Шитков)?*

— Отец Иеракс только через меня передавал ему вопросы. На которые митрополит Кирилл только улыбнулся.

— *Это был не личный вопрос, тоже церковный?*

— Нет, личный. Отец Иеракс, как монах, ни за что не хотел подстригаться, а ему приходилось маскироваться. Особенно после освобождения из мест заключения. Он никак не мог решиться подстричь волосы — всячески их прятал. Владыка Кирилл улыбнулся и сказал: «Пусть стрижется».

— *Во что он был одет, как выглядел?*

— Когда я у него была, он был уже глубоким старцем. Ему в том году исполнилось 80 лет.

— *Он был согбенный?*

— Нет. Очень прямой, высокий, одухотворенное лицо, орлиный проникновенный взор. Седина обильная, морщин не было.

— *Он любил пошутить или, наоборот, вел предельно серьезные разговоры...*

— Да. Любил пошутить владыку Афанасий, мог рассказать какую-либо байку или беззлобный анекдот.

— *Во время этой встречи с владыкой Кириллом шел разговор, на кого из епископов можно ориентироваться и к кому из них прибегать в духовном окормлении?*

— Он называл двух епископов — владыку Афанасия (Сахарова) и Арсения (Жадановского).

– *Епископ Арсений в тот период был в заключении?*

– Да.

– *То есть он их назвал как своих возможных преемников на случай его смерти или заточения?*

– О смерти тогда не было речи. Он указал на них как на возглавителей «катакомбной церкви». Маросейские имели своего епископа — они руководствовались указаниями владыки Серафима (Звездинского). А у солянского прихода не было такой непосредственной связи. И когда владыка Кирилл узнал об этом, то указал на этих двух епископов.

– *Мать Евдокия была с владыкой Кириллом?*

– Она была вместе с ним до конца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Солянский приход

– *Вера Яковлевна Василевская подробно описывает, как она пришла, через свою подругу Тоню, к отцу Серафиму. А Елена Семеновна Мень пришла через Веру Яковлевну или самостоятельно?*

– Гораздо раньше. И крестилась она на год раньше. Она пришла к христианству через учебник Закона Божия. Когда меня начинают расспрашивать об отце Александре, я отвечаю, что рассказ необходимо начинать о его матери — Елене Семеновне Цуперфейн, которая детство провела в Харькове. В средней полосе России в школах преподавали Закон Божий. После революции его отменили и стали в обязательном порядке преподавать основы атеизма.

А на Украине школа в прежнем виде еще два года продолжалась, до 1919 года. Мать Елены Семеновны была учительницей. К ней на дом иногда приходили девочки заниматься. И вот одна девочка случайно оставила учебник Закона Божьего священника Соколова. Елена Семеновна как еврейка была освобождена от Закона Божьего, тем не менее она посещала эти уроки. Священник-преподаватель даже ставил ее в пример остальным девочкам — как она слушает, как глубоко понимает. Но вскоре и на Украине отменили преподавание Закона Божия. Но она жила мечтой и надеждой на крещение.

Еще в Харькове ей очень хотелось прочесть Евангелие. И она стала ходить на собрания баптистов в Харькове. Но мать ее жестоко преследовала. Она была против ее увлечения христианством. Поэтому она перестала ходить на собрания баптистов. В то время она и молилась по-своему. Ее двоюродная сестра, Вера Яковлевна, наслышавшись о страданиях сестры, приехала и забрала ее в Москву.

– А каким образом она смогла познакомиться с людьми из прихода отца Серафима?

– Через Тоню.

– А кто с Тоней раньше познакомился – Вера Яковлевна?

– Да. Она была сотрудницей Тони по детскому саду, в котором вместе работали. Они очень сблизились на почве общего горя. У них одновременно умерли матери. Привязанность к матери у Веры Яковлевны была очень сильной, и у Тони также. Общее горе их связало. Тоня, для того чтобы помочь Вере Яковлевне перенести это горе, осторожно и прикровенно стала рассказывать ей об отце Серафиме. И в конце концов рассказала ей, что она знает священника, который помогает в тяжелых переживаниях. И Верочка подробно изложила ему свое горе в письме. Началась переписка.

– А Вера Яковлевна уже познакомилась с отцом Серафимом Елену Семеновну?

– Нет. Познакомила их Тоня. Елена Семеновна знала о нем от Веры Яковлевны и Тони. Впервые она увидела его в момент крещения. В первый раз в Загорск, в тот дом, где он скрывался, она поехала с младенцем Александром, своим первенцем, зимой 1935 года. В первый раз увидела отца Серафима, и он тут же предложил, чтобы вместе с сыном крестилась и сама.

– То есть он увидел, что она готова?

– Он знал от Тони и Веры Яковлевны, что она совершенно готова принять крещение.

– А в Москве она поступила куда-то учиться или работала?

– Она начала работать в каком-то конструкторском бюро. И в Москве начала посещать церковь.

– А какой она храм посещала?

– Разные. Они тогда жили близко к Сретенке, тогда был еще открыт храм Троицы на Листах. Она ходила в эту церковь. И там однажды открылась священнику этого храма. Рассказала, что по происхождению еврейка, но по убежде-

нию христианка и мечтает креститься. Он ей ответил: «Это совершенно невозможно».

— *Когда мы с отцом Александром говорили, он как-то очень сдержанно отзывался о своем отце...*

— Это вполне понятно. У Вольфа Меня на душе лежал тяжелый груз. Его брата расстреляли. А предала брата собственная жена. И он дал себе слово, что не женится. Боялся, что если женится, то и его может предать супруга. Поэтому он долго не женился. А когда встретил Елену Семеновну, то тут было не до рассуждений, потому что он ее полюбил с первого взгляда. Это была настоящая глубокая любовь. И он года три добивался ее.

Елена Семеновна рассказала ему о своих убеждениях, что она, хотя и не крещена, но по убеждению христианка. И если возникнет семья, то она будет воспитывать детей только в христианском духе. И поэтому она не может выйти замуж за человека других убеждений. Он был человек нерелигиозный. Он иудаизма не придерживался. Только называл себя евреем. Хотя не был атеистом, но в то же время никакой религии не придерживался.

— *Все-таки Елена Семеновна питала к нему какие-то чувства...*

— Может, потом и питала. Дело в том, что он дал ей торжественное обещание, что никогда не будет мешать воспитанию детей. И свято сдержал свое обещание. Он содержал семью, глубоко любил жену и детей. Человек должен чем-то поглощаться — так Вольф Мень целиком отдавался работе. А семейником он был хорошим, хотя в воспитании детей почти не участвовал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Мария Витальевна

— *Отец Александр ребенком регулярно бывал в Загорске или эпизодически?*

— Часто бывал. А после смерти отца Серафима у матушки Марии, которая была схиигуменьей «катакомбной общины». У нее были две послушницы — Мария Антипова, в постриге

Арсения, и Екатерина Ивановна. Мария Антипова была родом из крестьянской семьи, из Поволжья, родилась в 1904 году неподалеку от Сызрани. В 1923 году недолго жила в монастыре в Приволжске. Ее отец Тарас был арестован в 30-е годы и сгинул в лагерях где-то в Кузнецке. Екатерина Ивановна была на год старше ее. Мать Арсения умерла в 1993 году, дожив до 88 лет. Кроме них в доме жило еще несколько монахинь. Матушка Мария вспоминала, как Алик Мень, приезжая к ней в Загорск, забирался на дерево и упоенно читал Библию.

— *Это период, когда вы были уже в ссылке?*

— Нет. В 46-м году, после войны.

— *Отец Серафим что-нибудь говорил насчет Александра Меня?*

— Елена Семеновна рассказывала мне, что отец Серафим не один раз говорил, что это будет большой человек. И соответственно написал для Елены Семеновны, как его необходимо воспитывать. Первое, что было указано: во время кормления ребенка чтобы она непрерывно читала молитву «Отче наш».

— *Его воспитанием занимались Елена Семеновна и Вера Яковлевна?*

— Постоянно бывала Татьяна Ивановна Куприянова, жена Бориса Васильева со своими детьми. И они дружили. Он воспитывался на моих коленях. В моем присутствии, когда ему было около 4 лет, он каракулями написал первую фразу: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром». Как мог ребенок в этом возрасте это написать? Он точно процитировал апостола Павла. А как это могло получиться? Потому что кругом была такая обстановка. Он все это слышал, дышал этим воздухом, той атмосферой, которую создавала Елена Семеновна и ее окружающие.

— *Храмы Московской патриархии Елена Семеновна стала посещать только после 45-го года, после избрания митрополита Алексия патриархом. Тогда владыка Афанасий (Сахаров) написал свое письмо «катакомбным общинам»?*

— Да, как и все мы. Но осторожно. Отец Серафим еще при жизни разрешал посещать только греческую церковь. У Третьяковских ворот была греческая церковь. Служил там

грек. Там с Еленой Семеновной мы познакомились. Хотя друг о друге знали заочно. Это был 38-й год.

— *А потом, после 45-го года, какой храм посещали?*

— После того как была закрыта греческая церковь, я попала в храм пророка Илии в Обыденском переулке.

— *А Елена Семеновна?*

— Она тоже долгое время ходила в греческую церковь. Потом часто бывала в храме Иоанна Воина.

— *А в Обыденском кто служил тогда?*

— Отец Александр Толгский.

— *Он сразу был «сергианцем» или примкнул после войны?*

— Думаю, что он служил и во время «сергианства». Дело в том, что храм Илии Обыденного — одна из немногих церквей, которая никогда не закрывалась. Вряд ли он шел на какие-то немыслимые компромиссы с властью. Он пользовался авторитетом даже среди гонителей. Это он перенес из Кремля икону Божией Матери «Нечаянная радость». Была такая маленькая кремлевская церкушка, и вот оттуда он ее принес. Почему я стала туда ходить? Потому что наслышалась о нем. Он так талантливо говорил проповеди, вел народ по христианскому пути. Свою пастырскую деятельность он держал на достаточно большой высоте.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Судьба Марии Витальевны

— *Марина Витальевна, вы были арестованы после того, как была раскрыта община в Загорске в 43-м году. Провокатор все-таки проник в общину. И тогда же были арестованы отец Иеракс (Бочаров) и отец Петр (Щитков). А вы были арестованы позже, в 46-м? Как они смогли вас разыскать?*

— Очень просто. Существовала сеть осведомителей. Меня разыскали через мою старшую сестру Галину, которая жила на улице Кирова вместе с тетушкой Веры Алексеевны Корнеевой — Натальей Леонидовной Рагозиной. Она была тайной монахиней, и на ее квартире также проходили тайные богослужения «катакомбной общины».

– *Человек известен или нет, который проник в общину и всех предал?*

– Говорили об одной женщине, которая на самом деле очень много рассказала во время следствия. Но действительно ли только она, я не знаю.

– *После ареста вы попали в женский лагерь?*

– Кемеровский женский.

– *И вам пришлось весь этот срок от звонка до звонка, как говорится, отсидеть...*

– От звонка до звонка и в конце его получить ссылку.

– *Бессрочную ссылку...*

– Нет. Безвозвратную. Кончался срок, обычно зэки выходили на свободу. В 37-м году проводились массовые репрессии. Большинство тех, кого не расстреливали, получали стандартные 10 лет лагерей. Значит, в 1947 году они должны были выходить на свободу. Говорят, что лично в 1948 году Сталин отдал такое распоряжение о тех зэках, кто должен был выйти на свободу: «Убрать подальше».

– *Пошли повторные аресты...*

– Вызывали, пересматривали старые дела и добавляли сроки. Сначала оформляли, а потом решили, что и так можно назначать сроки, без пересмотра. Как раз я освобождалась в это время, когда вышло это распоряжение. Люди, у которых кончался срок, их никуда не выпускали, а отправляли в ссылку. А ссылка у меня была, как называли, до особого распоряжения.

– *А в ссылку куда вас отправили?*

– В Красноярский край. Называлось это место Долгий мост.

– *Это была деревня или городишко?*

– Поселок. Близлежащий город Канск, Канский район, Красноярский край. А вокруг места ссылки.

– *А там чем вы занимались?*

– Зубоврачеванием. По благословению отца Серафима (Битюкова) я поступила в зубоврачебную школу после очередного краха. Всю жизнь я недоучка, всю жизнь у меня были такие обрывы. Вы не слышали о такойере Петровне Кудрявцевой? В 1954 году меня освободили из ссылки, уже после смерти Сталина.

– *Только слышал...*

— В общем, это был период, когда я возвратилась из Ленинграда.

— Я вспоминаю, кто-то мне говорил из московских христиан, по-моему, кто-то из сестер Крашенинниковых. Какой-то мудрый батюшка еще в 50-е годы говорил, что большевики поняли: христианство и христиан уничтожить гонениями нельзя. И тогда они решили по-другому с ними бороться. Они предоставили им доступ ко всем материальным благам.

— Не христианам, а священникам и епископам.

— Священникам и епископам. И это, говорил он, самое страшное. И я поразился, действительно, насколько это глубоко сказано.

— Я один раз присутствовала на обеде у митрополита Никодима (Ротова). В Москву приезжала группа монахинь из Горненского монастыря. Как раз началась израильская война. Они только сели на самолет, и тут же началась война. Они застряли в Москве, не зная, как им вернуться в Израиль. И они были на приеме. В этой группе была моя знакомая Зоя, монахиня Викторина, в свое время, в 30-е годы она была самой молодой девушкой в нашей христианской группе в Ленинграде. После войны она приняла монашество в Эстонии, в Пюхтицком монастыре. Ей дали в монашество новое имя — Викторина. Мы встретились в Лавре в Загорске в 1954 году, когда я только что освободилась из ссылки. Вижу, идет группа монахинь, а среди них она. Она меня узнала и окликнула: «Маруся!» Но они быстро прошли мимо. Позже я узнала, что она попала в группу монахинь, которую отобрали из многих российских монастырей для омоложения Горненского монастыря под Иерусалимом. Потому что самой младшей монахине в Горненском монастыре было 90 лет.

Она прижилась в Горненском монастыре, иногда писала нам. И вот оказалась в группе, которая приехала в Россию на месяц, в отпуск и для свидания с родными. И их митрополит Никодим пригласил к себе. Была с ними игуменья монастыря и монахини. А я встретилась с ними после прилета и была у них проводницей по московским храмам. В разные храмы с ними ходила и таким образом с ними попала на прием к митрополиту Никодиму. Оказывается, у него был тяжелейший диабет. Поэтому, насколько помню, подавались какие-то заморские блюда, которые в те годы уже и во сне не увидишь.

Ему монах подавал какие-то овощи без масла, еще что-то такое.

— *А вас где арестовали?*

— В Москве.

— *А суд какой-то был?*

— «Тройка». Готовили к суду.

— *А сидели вы где?*

— Шесть месяцев во внутренней тюрьме Лубянки.

— *В общей камере?*

— Несколько человек, женская камера. Кроме меня еще было двое. Христианок там, конечно, не было. Одна девушка мне запомнилась. Она была дочерью какого-то известного деятеля. Исключительно умная, ей было 19 лет. Она изучила все сочинения Маркса и со следователем постоянно спорила. А он ей не мог возражать, потому что она знала все эти премудрости гораздо лучше, чем он.

— *Вы не помните, кто у вас был следователем?*

— Мужчина. Который удивительно внешнестью напоминал типичного полицейского старого образца.

— *Фамилию вы не помните?*

— Набатов. Он же был у Нины Трапани.

— *А она когда была арестована?*

— В 43-м году.

— *Этот следователь занимался группой отца Серафима, «солянской группой»...*

— Были и другие. Допросы проходили таким образом: он задаст вопрос, потом замолкает и сидит пишет, пишет. Потом опять что-то спросит и начинает писать. Подавал мне расписаться в такой довольно объемистой тетрадочке. Когда я один раз вздумала почитать, он мне ее не дал. Мол, это я так писал исходя из того, что вы говорили. Я подписывала каждую страничку не читая. Правда, вначале я первую страничку успела прочитать. Он там пишет: я такая-то, признаюсь, что я являюсь членом антисоветской организации. Я ему говорю: «Я этого не говорила». Он мне на это отвечает: «Это наша формулировка». Вы признаете, что были там-то, в таком-то... Я говорю: «да». «Присутствовали на этих собраниях (так они называли наши молитвенные собрания)?» «Да!» «Все ваши молитвы были только ширмой, за которой велись антисоветские разговоры и пропаганда. Это наша формулировка».

— Отец Серафим предвидел такую возможность? Он как-то готовил вас, если вдруг арестуют, как себя вести?

— Нет.

— И между собой вы тоже об этом не говорили?

— Нет.

— Ваши допросы длились 6 месяцев?

— Да. Под конец там такой порядок: дают тебе следователя. Он находится под руководством старшего следователя и периодически ему докладывает. Иногда приходит старший следователь и еще какой-то следователь, видимо, старший по чину. Таких явлений у меня было два. Один, совершенно не похожий на Набатова. Он приходил, подсаживался около столика, за которым я сидела, и словно уговаривал: «Найдите с нами общий язык». Лыстил мне: «Вы знаете, из всех в вашей группе вы самый умный человек. Так вы найдите, пожалуйста, с нами общий язык, и вам ничего не будет». Что он вкладывал в это понятие — найдите общий язык? А другой приходил с таким зверским лицом, что вызывал во мне такое отвращение, что я отворачивалась от него, не могла смотреть.

Был следователь Леонов, который повторял каждый раз: «Была бы моя воля, я вас тут же на месте расстрелял». И кончилось дело тем (это был один из последних допросов Набатова): он мне объявляет: «Я получил распоряжение, что с завтрашнего дня мы переходим к другому методу допросов». Прямо намекал на пытки. И только он мне это сказал — звонок по телефону. Он поднимает трубку, называет фамилию старшего по чину. Я поняла, что ему объявили, что его непосредственный начальник куда-то направлен за границу и уезжает. И тут же открывается дверь, туда заглядывает старший следователь, который меня уговаривал найти с ними общий язык. Почему-то интересовался Верочкой (Василевской) и Леночкой (Мень). Он мне как-то сказал: «Нам известно, что вы очень расположены к евреям и многих евреек обращаете в христианство». Леночку Мень вызывали.

— А они избежали ареста?

— Чудом. Мне кажется, что в какой-то степени это произошло благодаря этому следователю. Сам он, правда, на еврея не походил. Так вот просовывается в дверь, даже не входит, и, обращаясь к моему следователю, говорит: «Вам

сообщили?» И добавляет: «Такой-то отправляется в командировку за границу и за всеми распоряжениями обращайтесь ко мне». И после этого последовало смягчение. Набатов стал меня реже вызывать. А метод у него был такой, и я на этом, кстати, немножко попалась. Он вызывал только ночью. Отбой, все должны ложиться, принимаем горизонтальное положение, открывается дверь, входит надзиратель и, обращаясь ко мне, говорит: «На допрос». Поднимаюсь, и ведут меня какими-то коридорами. Иногда слышишь щелчок — какая-то группа навстречу идет. Тебя ставят лицом к стене, руки за спину, и таким образом шествуем до кабинета, где проходили допросы.

— Сколько обычно длились допросы?

— Всю ночь, до утра. Меня так всегда держал. Он очень мало задавал вопросов, а только сидел и сочинял.

— Но ведь выматывало это страшно, днем-то вы не могли уже поспать?

— В этом-то и дело. У него была такая методика: днем не давал спать. Нас было трое в камере. Мне сочувствовали. Когда я пришла после первого допроса и за мной закрылась дверь, у меня совершенно непроизвольно вырвалась фраза: «Как можно так создавать дело?» Сокамерницы всегда ко мне с сочувствием относились. Каждый раз он держал меня до утра. Только вводят тебя в камеру, и сейчас же на оправку. Идешь на оправку, после этого приходишь, садишься на койку. Сокамерница, 19-летняя девушка, всячески старалась помочь мне. Она живо интересовалась духовными темами. Сядет около меня, скажет: «Прислонитесь ко мне, подремлите». И сейчас же врывается вертухай — он в глазок наблюдает: спать запрещается! И так целый день. Вечером, после отбоя, только примешь горизонтальное положение, — на допрос.

— Каждую ночь?

— Каждую ночь в течение месяца.

— Это называлось — конвейер. 12-ти суток хватало, чтобы свести человека с ума.

— Ведь я с ума не сошла. Меня в течение месяца допрашивали каждую ночь. Был еще такой случай: Набатов сидит и пишет, а я задремала. И как раз старший следователь открывает дверь, заглядывает и говорит: «Вот хорошо. Следователь трудится, а она спит».

– *А когда приговор объявили?*

– В конце следствия. Следователь, который вел дело, устраняется. Вызывают какого-то старшего следователя, который некоторое время как бы проверяет и резюмирует результаты следствия. Иногда вызывает на допросы. А после всего вызывают к прокурору.

– *Там же на Лубянке?*

– Да. Так было и со мной. Прокурор задает вопросы по ходу следствия и что-то мне показал — целое дело. И утверждает: мол, вы показали то и то. Я говорю: я этого не говорила. Прокурор говорит: «Смотрите, здесь записано». Смотрю, там стоит моя подпись. Представляете себе мое состояние, конечно, оно у меня после бессонных ночей было затуманенное. Тем более что Набатов не давал мне читать то, что писал. А только велел подписывать.

– *Прокурор объявил срок?*

– Нет, после этого они перевели меня в Бутырку. Так что теперь, когда я прохожу мимо этого здания, всегда смотрю вверх. Там на крыше двор прогулочный. Видимо, они были недовольны моим следователем, потому что он не сумел доказать, что у нас была антисоветская организация. И хотя я не была готова к аресту, все равно решила избрать такую тактику: я, мол, мало с кем общалась, были в Ленинграде подружки, знакомые. А они готовили меня на роль руководителя ленинградского филиала московской антисоветской организации. А так как Набатов этого не смог доказать, то им были не очень довольны.

– *Вам объявили приговор уже в Бутырках?*

– В Бутырках. Причем там я просидела несколько месяцев. Перевели меня, это была осень 47-го года, просидела там полгода. Ночь под Рождество провела в этапе.

– *Какой приговор был вынесен?*

– Связная антисоветской организации! А следователь Набатов, который меня допрашивал, дважды спрашивал меня, когда я сболтнула о Ленинграде, об Асе. Была в Ленинграде подружка, которая с Еленой Семеновной переписывалась. Потом Ася жила в Караганде. И до сих пор мне пишет...

лето 1991 года

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Объединенное Государственное Политическое управление

Дело №

Регистрационного отдела № 32075

По обвин(ению) Битюков Сергей Михайлович

Начато 29.IV. 1925

Показание от 31/VII – 25 года

Битюков

Гражданку Ставровскую, Александру Васильевну я знаю с 1921 года; познакомился с нею в церкви, когда она попросила меня отслужить у ней молебен. Я знаком не с одной Ставровской; кроме нее я знаю некоторых других прихожанок, как то Алимову Ольгу Васильевну, Сикотову Александру Петровну, Гусеву Надежду Ивановну, Александрову Александру Николаевну. Все эти гражданки, равно как и зубной врач Данишевский, и дьякон Лебедев, принимали вместе со мной в прошлом году, в июне м(еся)це участие в паломничестве в Серафимовскую (Саровскую) пустынь и в Дивеевский монастырь.

Подобное же паломничество имело место в 1922 году; в нем принимали участие Сикотова, Алимова, Покровская Татьяна Васильевна и Медведь Анна Николаевна. С последней я познакомился на беседах, устраиваемых в 1920 году ее мужем, Романом Медведем, в его церкви. На этих беседах выступал и я.

Часть прихожанок моей церкви были знакомыми Ставровской, о чем я знаю, т(ак) к(ак) они иногда собирались у нее для слушания молебнов, которые я служил. Иногда мной с собравшимися велись беседы на чисто религиозные темы.

Из списка таких знакомых я знаю: Аматову Надежду Ивановну, Марию Николаевну Пигаревскую, Александру Александровну Яковлеву, Евгению Александровну, фамилию не помню, Шатохину Ольгу Николаевну, Маргариту Абрикосову, жену Медведя и других, которых не припомню. Чтобы эти лица собирались у кого-либо другого из них, кроме Ставровской, не знаю.

На этих беседах бывал о. Николай, настоятель церкви Бориса и Глеба.

Из других лиц, знакомых Ставровской, знаю Попова Ивана Васильевича, профессора-церковника, и епископа Богородского Платона. Знала ли Ставровская раньше профессора Дмитриевича, приехавшего из Сербии, кажется, в 1922 году, не знаю, думаю, что нет.

Поводом, заставившим меня явиться с Дмитриевичем к Ставровской для переговоров по делу нашей церкви, было то, что я считал разговор в церкви неудобным, а к себе на квартиру старался никого не водить. Говоря со мной, Дмитриевич ставил передо мной некоторые другие вопросы, которых не припомню. Знаю только, что он говорил со мной о большей посещаемости церквей в СССР, чем в Сербии.

Был ли Дмитриевич у б(ывшего) сербского консула Блидина, прихожанина нашей церкви, не знаю. Что касается поминовения царей в нашей церкви, то принципиально это не допускалось. Разве только, если в поминании написано, что дьякон иногда поминал Александра II или III-го. Я с своей стороны таких упущений не припомню, разве только по рассеянности.

Показание мне прочитано и с моих слов записано правильно.

Добавление:

Показав список лиц, бывших у Ставровской, я думаю, что исчерпан круг ее знакомств, мне известный, и других лиц, у нее бывших, я не знаю.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о продлении срока содержания под стражей по делу № 31968

Августа « » дня, 1925 года, я, Уполномоченный 6-го отделения СООГПУ КАЗАНСКИЙ А.В., рассмотрел следственное производство по делу № 1968 на граждан: СТАВРОВСКУЮ Александру Васильевну, дочь капитана, 52 лет, по профессии канцеляристку, КРИВОЛУЦКОГО, Владимира Владимировича, бывшего офицера, дворянина, 37 лет, по профессии военного, по роду занятий попа, и БИТЮКОВА Сергея Михайловича, происходящего из мещан г. МОСКВЫ, по профессии бухгалтера, бывшего одно время управляющим Озерской мануфактуры, в настоящее время попа. Все перечисленные лица находятся в Бутырской тюрьме, будучи арестованными 28 апреля 1925 года.

По рассмотрении нашел, что дело возникло на основании поступивших в 6-е отделение СООГПУ сведений, что все перечисленные лица ведут в своей церкви, членами которой состоят, антисоветскую агитацию и пропаганду, в направлении, предусмотренном статьей 73 Уг(оловного) К(одекса). Ввиду незаконченности следствия, 29 июня сего года было возбуждено ходатайство пред президиумом ВЦИК о продлении срока содержания под стражей вплоть до 29 июля с.г.

Однако, в означенный срок дела следствием закончить не удалось, так как в самое последнее время обвиняемые дали показания, дающие основание подозревать, что они являлись членами антисоветской группировки, имевшей регулярные собрания, проходившие по определенному плану и касавшиеся политической жизни СССР, причем отдельные члены этой группировки связались с сербами.

На основании вышеизложенного ПОСТАНОВИЛ:
войти с ходатайством пред Президиумом ВЦИК о продлении срока содержания под стражей всех перечисленных выше лиц по 29 августа сего года.

Уполномоченный 6-го отделения СООГПУ
/Казанский/

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

ао-5 К/оа 2730

«УТВЕРЖДАЮ»

Зам. Министра

Госбезопасности СССР

«АРЕСТ САНКЦИОНИРУЮ»

Генеральный Прокурор Союза ССР

Действит(ельный)Госуд(арственный)

Советн(ик) Юстиции

Генерал-лейтенант

ОГОЛЬЦОВ

«16 апреля» 1946 года

ГОРШЕНИН

«16 апреля» 1946 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(на арест)

«15 апреля 1946 года, гор. Москва»

Я, пом(ощник) нач(альника) 3 Отделения 1 Отдела 2 Управления МГБ СССР — подполковник ЗАХАРОВ, рассмотрев материалы в отношении ТЕПНИНОЙ Марии Витальевны, 1904 г.р., уроженки гор. Ленинграда, из дворян, русской, гр(аждан)ки СССР, беспартийной с высшим образованием, работающей зубным врачом Рублевской больницы, проживающей по адресу Рублевское шоссе, Лесной поселок, дом № 4, кв. 1, —

НАШЕЛ

Имеющими в МГБ СССР материалами устанавливается наличие действующего в Москве антисоветского подполья из числа реакционной интеллигенции и церковников.

Участницей этого подполья является ТЕПНИНА Мария Витальевна, в отношении которой допрошенная МГБ СССР заявительница ВЕЛИЧАЙ О.Н., являющаяся одной из участниц подполья, на допросе от 30 марта 1946 года показала:

«...Мне лично известны следующие участники организации, с которыми приходилось непосредственно сталкиваться по совместной антисоветской работе:

...5. ТЕПНИНА Мария Витальевна, из дворян, работает зубным врачом Рублевской больницы, проживает в Рублеве, настроена резко антисоветски, являлась участницей происходивших на квартире РАГОЗИНОЙ сборищ членов организации...

...В 1932 году со слов РАГОЗИНОЙ Н.Л. и КОРНЕЕВОЙ О.Л. мне было лишь известно, что организация эта является монархической и состоит из старой интеллигенции, главным образом, из верующих лиц. В тот период времени я лично с организацией связана не была и знала о ее работе только со слов вышеперечисленных.

В 1939 году, когда я непосредственно связалась с этой организацией и принимала участие в ее работе, я узнала в деталях ее программные установки. Основными программными вопросами этой организации были — свержение советской власти, восстановление самодержавия, восстановление частной собственности, роспуск колхозов. При этом участники организации ориентировались на победу фашистской Германии в войне с Советским Союзом.

Практическая работа указанной мной контрреволюционной организации сводилась к тому, что ее участники под видом распространения религиозных убеждений систематически проводили антисоветскую пропаганду, обрабатывали и вербовали в организацию новых членов. Кроме того, организация занималась сбором сведений о политических настроениях в среде колхозников, рабочих и остального населения. Мне известно, что собираемые сведения и, в частности мною, передавались РАГОЗИНОЙ»...

ВЕЛИЧАЙ также показала, что активной участницей названной организации является родная сестра ТЕПНИ-

НОЙ М.В. — ТЕПНИНА Галина Витальевна (приемная дочь РАГОЗИНОЙ Н.Л.), которая выполняла роль связника, ее квартира являлась местом сборищ участников организации и укрытия нелегалов — руководителей подполья.

В настоящее время роль связистки выполняет ТЕПНИНА М.В.

При встрече с ВЕЛИЧАЙ О.Н. в марте 1946 г. ТЕПНИНА М.В. подтвердила наличие действующего в настоящее время антисоветского подполья.

Известно, что в 1942 г. ТЕПНИНА имела встречи с одним из руководителей подполья, нелегалом КРИВОЛУЦКИМ на квартире своей сестры ТЕПНИНОЙ Галины и участников организации КОРНЕЕВЫХ.

На основании вышеизложенного, руководствуясь ст. 158 УК РСФСР, —

П О С Т А Н О В И Л:

ТЕПНИНУ Марию Витальевну подвергнуть аресту и обыску.

Пом. нач. 3 отд. 1 отдела 2 Упр. МГБ СССР
подполковник

ЗАХАРОВ

«СОГЛАСНЫ»

Зам. нач. 1 отдела 2 Упр. МГБ СССР
полковник

МАТУСОВ

Начальник 2 Управления МГБ СССР
генерал-лейтенант

ФЕДОТОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОЙ ТЕПНИНОЙ МАРИИ ВИТАЛЬЕВНЫ

17 апреля 1946 г.

Вопрос: Вы арестованы за проведение организованной антисоветской работы. Предлагаем вам рассказать об этом.

Ответ: Признаюсь, что я на протяжении ряда лет являлась участницей антисоветской организации церковников.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы были вовлечены в эту антисоветскую организацию?

Ответ: В 1934 году или 1935, точно не помню, вначале я познакомилась с участницей организации Рагозиной Натальей Леонидовной, проживающей в Москве по улице Кирова дом 34, кв. 17, работающей бухгалтером в каком-то советском учреждении. После, в те же годы, на квартире Рагозиной я познакомилась с другим участником организации — священником по имени Владимир (Криволуцким. — *С.Б.*)¹, проживающим за 100-километровой зоной от Москвы и приезжавшим в Москву нелегально. От Рагозиной я также узнала об участии в организации бывшего священника Крючкова Дмитрия Ивановича², ныне проживающего за Москвой, станция Томилино, Казанской дороги в одном из переулков Некрасовской улицы.

Вопрос: Кем конкретно вы были вовлечены в антисоветскую организацию?

Ответ: Меня никто не вовлекал. По своим убеждениям я находилась в оппозиции к церковному течению митрополита Сергия (Страгородского. — *С.Б.*) и мои взгляды совпадали с настроениями моих единомышленников: Рагозиной, отцом Владимиром (Криволуцким. — *С.Б.*), отцом Бочаровым (иеромонахом Иераком. — *С.Б.*)³ и Крючковым (отцом Димитрием. — *С.Б.*), поэтому я примкнула сама к этой организации.

Вопрос: Какое положение вы занимали в организации?

Ответ: Я являлась рядовой участницей организации, руководящего положения не занимала. Иногда мне приходилось выполнять роль связника.

Вопрос: Уточните, между кем вы осуществляли связь и в чем заключалась эта связь?

Ответ: Точно не помню, но примерно за два года до Отечественной войны 1941 года, будучи в Болшево под Москвой, я имела поручение от священника-нелегала Бочарова Иеракса известить его духовную дочь по имени Мария Николаевна, фамилию не знаю, проживающую в Самарском переулке дом 5, квартира № 11, не помню, чтобы она приезжала к нему в Болшево.

Вопрос: С какой целью вызвал Бочаров к себе в Болшево Марию Николаевну?

Ответ: Как мне сказал Бочаров, Мария Николаевна должна приехать к нам для принятия причастия. Были ли какие-либо другие причины этого вызова, я лично не знаю.

Вопрос: Кто такой Бочаров Иеракс?

Ответ: Как я уже показала выше, Бочаров являлся священником-нелегалом, до 1933–1934 годов служил священником в Москве, в церкви на Солянке 4 вместе с Крючковым, а после закрытия церкви, вплоть до ареста находился на нелегальном положении и занимался богослужением в подполье, то есть отправлял религиозный культ нелегально в частных квартирах верующих. Жил он и был арестован в Болшеве, в дачном доме в квартире своей духовной дочери Нины Владимировны (Трапани. — С.Б.)⁴, работавшей бухгалтером в Москве.

Вопрос: С какой целью вы посещали Бочарова в Болшево?

Ответ: Я приезжала к Бочарову исповедоваться, причащаться и два раза присутствовала у него на богослужении в квартире Трапани.

Вопрос: Откуда вам стало известно впервые, что Бочаров находится в нелегальном положении и является участником церковного подполья?

Ответ: Мне об этом сообщила Трапани Нина Владимировна еще до войны 1941 года, года за два.

Вопрос: Как давно вы знакомы с Трапани?

Ответ: Даты нашего знакомства не помню. Мы познакомились с ней в церкви на Солянке, потом встречались на улице в Москве и один раз я была у нее на квартире. Таким образом наше знакомство укрепилось. Мы с ней вместе присутствовали на богослужениях Бочарова Иеракса у нее на даче.

Вопрос: Где в настоящее время находятся Бочаров и Трапани?

Ответ: Оба они во время Отечественной войны арестованы органами министерства государственной безопасности и ныне отбывают наказание в исправительно-трудовых лагерях — Бочаров где-то в Сибири, и Трапани в Рыбинске.

Вопрос: Откуда вам об этом известно?

Ответ: Мне сообщила эти сведения сестра Трапани Нины — Трапани Варвара Владимировна, проживающая в Москве, она имеет с ними обоими переписку.

Вопрос: А вы имели переписку с Трапани и Бочаровым?

Ответ: Нет, не имела.

Вопрос: За что арестованы и осуждены Бочаров и Трапани?

Ответ: Причины ареста их мне неизвестны, но как я сама знала и думаю, что Бочаров был арестован как священник-нелегал, а Трапани как его укрыватель.

Допрос окончен в 4 часа 55 минут 18.IV-1946 года с перерывом от 16.30 до 23 часов 17.VI-1946 года.

Протокол мною прочитан. Ответы записаны с моих слов правильно. (Подпись).

Допросил следователь XI отдела 2 упр. МГБ СССР подполковник (подпись) Набатов.

II

Протокол допроса

Арестованной Тепниной Марии Витальевны от 19 апреля 1904 года.

Тепнина М.В., 1904 года рождения, уроженка г. Ленинграда, русская, гражданка СССР, беспартийная со средним образованием, до ареста зубной врач Рублевской больницы.

Допрос начат в 12 час. 30 мин.

Вопрос: Каково ваше отношение к Советской власти?

Ответ: Я не признаю марксистского мировоззрения и его материальной сущности. Я стою за признание идеалистического воззрения и его метафизического миропонимания.

Вопрос: Следовательно, вы отрицательно относитесь к Советской власти?

Ответ: Нет, я не признаю марксистского учения.

Вопрос: На допросе от 17 апреля 1946 года вы показали, что являетесь участницей антисоветской организации. Назовите всех ее участников?

Ответ: Мне известны следующие участники организации:

1. Бочаров Иеракс, около 60 лет, иеромонах, служил священником в Сербском подворье на Солянке в 1932–1933 годах. Он находился на нелегальном положении, скрываясь от репрессий органов Советской власти, являлся руководителем подпольной церкви в Болшево. В годы Отечественной войны Бочаров арестован органами МГБ и ныне отбывает наказание в исправительно-трудовых лагерях.

2. Священник-нелегал по имени Владимир (Кривоуцкий. — С.Б.), фамилию и отчество не знаю, вернувшийся из ссылки по отбытии наказания, находится нелегально в Москве и занимался подпольным отправлением религиозного культа.

3. Битюгов (Битюков. — С.Б.) Серафим, архимандрит, проживал в городе Загорске Московской области на нелегальном

положении, скрываясь в квартире Гришановой Ксении, являлся руководителем подпольной церкви (умер в 1942 г.)

4. Крючков Дмитрий Иванович, 72 года, бывший священник, находящийся в ссылке. В настоящее время проживает под Москвой, станция Томилино, работает садовником.

5. Рагозина Наталия Леонидовна, проживающая в Москве с моей сестрой Галиной, по ул. Кирова, д. 34, кв. 17, работала бухгалтером, в 1942–1943 годы умерла.

6. Трапани Нина Владимировна, работала в Москве бухгалтером, являлась духовной дочерью Бочарова Иеракса. Арестована органами МГБ в годы Отечественной войны.

7. Ее сестра Трапани Варвара Владимировна, около 50 лет, работала бухгалтером в Москве, живет в районе улицы Домниковки.

8. Гришанова Ксения, монашка, проживала в Загорске, ныне отбывает наказание в исправительно-трудовых лагерях.

9. Василевская Вера Яковлевна около 45 лет, по национальности еврейка, приняла православную веру 10 лет тому назад и крещена Битюговым (Битюковым — С.Б.), проживает в Москве — Большая Серпуховская улица, 38, работает психологом в какой-то консультации.

10. Моя родная сестра Тепнина Галина Витальевна, инвалид II группы, проживает в Москве по улице Кирова, дом 34, кв. 17.

11. Сахарнова Ольга Илиодоровна, 60–62 года, работает в Москве счетным работником, живет с моей сестрой Галиной в одной комнате.

Вопрос: Кто являлся руководителем вашего антисоветского подполья?

Ответ: Не знаю.

Вопрос: Перечислите всех нелегалов, проживающих в Москве и Московской области, которые входили в подпольную организацию?

Ответ: Я знала как нелегалов — священников: Битюгова (Битюкова. — С.Б.) Серафима, Бочарова Иеракса и священника по имени Владимир (Криволицкий. — С.Б.). Больше я никого не знаю.

Вопрос: Почему Битюгов, Бочаров и Владимир (Криволицкий. — С.Б.) скрывались от органов Советской власти?

Ответ: Они боялись ареста за свою подпольную работу церковников.

Вопрос: Зная о том, что Битюгов, Бочаров и Владимир (Криволуцкий. — С.Б.) находятся на нелегальном положении, в подполье, скрываются от органов Советской власти, почему вы не заявили о них местным властям?

Ответ: Я считала такой поступок предательским, ибо сочувствовала им — Битюгову, Бочарову и Владимиру (Криволуцкому. — С.Б.).

Вопрос: Вы назвали священника-нелегала по имени Владимир (Криволуцкий. — С.Б.). Когда, где и при каких обстоятельствах вы познакомились с ним?

Ответ: Владимира (Криволуцкого. — С.Б.) я знала примерно с 1926 года как священника Сербского подворья, а личное знакомство с ним я установила в 1933–1934 году, после его возвращения из ссылки в его квартире в Москве в районе улицы Плющиха. После не менее 5 раз я встречалась с ним в квартире Рагозиной Натальи Леонидовны, а затем раза 4 в Лосиноостровске (г. Бабушкин) в квартире Корнеевых⁹.

Вопрос: С какими целями вы встречались с нелегалом Владимиром (Криволуцким. — С.Б.)?

Ответ: Я исповедовалась и причащалась у него, а иногда эти встречи носили случайный характер.

Вопрос: Когда у вас была последняя встреча с Владимиром (Криволуцким. — С.Б.) — священником-нелегалом?

Ответ: В 1942 или 1943 году.

Вопрос: Во время встреч с Владимиром (Криволуцким. — С.Б.) вы имели с ним беседы?

Ответ: Да, имела.

Вопрос: На какие темы?

Ответ: Все наши беседы с Владимиром (Криволуцким. — С.Б.) носили чисто религиозный характер. Он расспрашивал меня о моей материальной и духовной жизни, а я ему отвечала на вопросы. Мы также взаимно высказывали друг другу о своих христианских обязанностях к церкви.

Вопрос: А какие антисоветские беседы у вас были?

Ответ: На политические темы мы с Владимиром (Криволуцким. — С.Б.) не беседовали.

Вопрос: Ложь. Вы скрываете правду от следствия. По этому вопросу вы еще будете допрошены, а теперь скажите, где сейчас находится священник-нелегал Владимир (Криволуцкий — С.Б.)?

Ответ: Местопребывание Владимира (Криволицкого. — С.Б.) в данное время неизвестно, так как с 1943 года с ним не встречалась.

Вопрос: Кто такие Корнеевы, о которых вы показали выше?

Ответ: Корнеевы — близкие родственники Рагозиной Натальи Леонидовны: Корнеева Ольга Леонидовна родная ее сестра, Корнеев Иван Алексеевич и Корнеева Вера Алексеевна — племянники. Вся семья Корнеевых религиозна, политических убеждений не знаю.

Вопрос: Неправда. Вы были тесно связаны по своей преступной работе с семьей Корнеевых и прекрасно знаете не только о их настроениях и вражеской работе против Советской власти. Предлагаем рассказать об этом.

Ответ: Политических убеждений Корнеевых я не знаю и по преступной работе против Советской власти с ними связана не была.

Вопрос: С какой целью посещал семью Корнеевых и Рагозиной священник-нелегал Владимир (Криволицкий. — С.Б.)?

Ответ: Как в квартире Рагозиной в Москве, так и в Лосиноостровске в квартире Корнеевых, видимо, скрывался от органов Советской власти. Там же он совершал и религиозные подпольные обряды. Другие цели мне неизвестны.

Допрос окончен в 17 час. 00 мин.

Протокол мною прочитан. Ответы записаны с моих слов правильно.

Допросил следователь XI отдела 2 Упр. МГБ СССР подполковник Набатов.

III

Протокол допроса арестованной Тепниной Марии Витальевны от 20 апреля 1946 года.

Тепнина М.В., 1904 года рождения, уроженка г. Ленинграда, русская, гражданка СССР, беспартийная, образование среднее, до ареста — зубной врач Рублевской больницы.

Допрос начат в 13 час. 05 мин.

Вопрос: Когда вам впервые стало известно о существовании антисоветской подпольной организации, участницей которой вы являлись?

Ответ: Приблизительно в 1933 году.

Вопрос: От кого вам стало известно о ней?

Ответ: О том, что существует нелегальная организация, мне сообщила Рагозина Наталья Леонидовна, а после в том же году подтвердила это Трапани Нина Владимировна.

Вопрос: Кем вы были вовлечены в это антисоветское подполье?

Ответ: Моим духовным отцом иеромонахом-нелегалом Бочаровым Иераком.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах он вас привлек в подполье?

Ответ: Примерно в 1933 или в 1934 году я узнала от Рагозиной или Трапани, точно сейчас не помню, что Бочаров Иерак находится на нелегальном положении и скрывается от органов Советской власти в городе Лосиноостровске в доме Юрьевых. Вскоре у меня там было свидание с Бочаровым.

В беседе со мной на тему об отношении духовенства к Декларации митрополита Сергия (Страгородского. — С.Б.)¹⁰, в которой он призывал помянуть во время богослужения о здравии Советскую власть, Бочаров заявил, что он отрицательно относится к Декларации Сергия и становится в оппозицию. Покидая Бочарова, я услышала, что он выразил желание встречи со мной и в дальнейшем.

Во время моих последних посещений Бочарова я у него неоднократно исповедовалась и причащалась, а также иногда присутствовала на нелегальных богослужениях. В результате всех этих встреч с Бочаровым и бесед с ним и Рагозиной, мне начали давать отдельные поручения, которые я охотно выполняла и таким образом постепенно оказалась втянутой в это антисоветское подполье, выполняя в нем роль связника.

Вопрос: Уточните, какую конкретную работу вы выполняли в качестве связника?

Ответ: От Бочарова Иеракса я имела поручения оповещать его духовных дочерей о явке к нему. Рагозина мне поручала раза четыре отвозить деньги Бочарову суммами до 70 рублей каждый раз и два раза я отвозила продуктовые посылки семье священника Владимира (Криволуцкого. — С.Б.), находившегося в ссылке, для отправки ему, а также передавала этой семье и деньги на расходы по пересылке этих посылок Владимиру (Криволуцкому. — С.Б.). Других поручений не помню.

Вопрос: Кто являлся казначеем вашей антисоветской организации?

Ответ: Не знаю, но полагаю, что казначеем организации была Рагозина Наталья Леонидовна, ибо она каждый раз выдавала мне лично деньги для вручения Бочарову Иераксу и семье ссыльного Владимира (Криволуцкого. — С.Б.), она мне вручала продуктовые посылки для семьи Владимира, и она же собирала все материальные пожертвования от участников организации.

Вопрос: Откуда поступали средства для вашей антисоветской организации?

Ответ: Источники этих средств мне неизвестны. Я знаю только то, что отдельные участники подполья делали добровольные пожертвования из своих личных сбережений и продуктами.

Вопрос: Для какой цели выдавались деньги нелегалу Бочарову?

Ответ: Для личного существования Бочарова в подполье.

Допрос окончен в 17 час. 00 мин. Протокол мною прочитан. Ответы записаны с моих слов правильно. Допросил следователь XI отдела 2 Упр. МГБ СССР подполковник Набатов.

IV

Протокол допроса арестованной Тепниной Марии Витальевны от 21 апреля 1946 года.

Тепнина М.В., 1904 г.рождения, уроженка г. Ленинграда, русская, гражданка СССР, беспартийная, образование среднее, до ареста — зубной врач Рублевской больницы.

Допрос начат в 00 час. 05 мин.

Вопрос: На предыдущем допросе вы назвали участницу антисоветского подполья Рагозину Наталью Леонидовну. Как давно вы с ней были знакомы?

Ответ: С Рагозиной я познакомилась через мою сестру Тепнину Галину Витальевну, примерно в 1926 году в церкви Сербского подворья.

Вопрос: Что вам известно о Рагозиной?

Ответ: Наталья Леонидовна Рагозина, одинокая с молодых лет, происходит она из дворян или купеческой семьи, дочь врача, очень религиозная, жила в семье своей сестры Корнеевой

Ольги Леонидовны в собственной даче в Лосиноостровске (г. Бабушкин под Москвой). В годы НЭПа Рагозина имела в Москве по улице Кирова дом № 34, кв.17, где теперь живет моя сестра, собственную кустарную мастерскую по ремонту примусов и керосинок). Последние годы до смерти она работала бухгалтером. С 1930 года с Рагозиной вместе жила моя сестра Тепнина Галина. Рагозина к Советской власти была настроена отрицательно и иногда в беседах со мной высказывала антисоветские настроения по ряду вопросов политики коммунистической партии и Советского правительства.

Вопрос: Кто являлся казначеем антисоветского подполья после смерти Рагозиной?

Ответ: На этот вопрос ответить затрудняюсь, но посылки для ссыльного иеромонаха Бочарова Иеракса и сосланной Трапани Нины Владимировны отправляла Трапани Варвара Владимировна и один раз моя сестра Галина отвозила посылку продуктовую для священника-нелегала Владимира (Криволуцкого. — С.Б.).

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах ваша сестра Тепнина Галина сблизилась с Рагозиной?

Ответ: Знакомство Галины с Рагозиной произошло в 1920-х годах на почве религиозных убеждений. Вместе посещали церковь, там и познакомились. А в 1930 году Галина перешла на постоянное жительство к Рагозиной, с которой жила до ее смерти.

Вопрос: До 1930 года где проживала ваша сестра Галина?

Ответ: Она все время находилась на иждивении и жила вместе со мной и родителями в нашей семье.

Вопрос: В связи с чем Галина ушла от родителей на жительство к Рагозиной?

Ответ: Действительные причины ее ухода из нашей семьи мне неизвестны, но я знаю, что она накануне своего ухода от нас, на почве своей болезни — психоза, резко поссорилась с родителями и ушла из дома совсем к Рагозиной. Галина с детства страдает нервно-психическим заболеванием и по этой причине не могла работать, ныне она инвалид II группы.

Вопрос: Какое положение занимала в антисоветском подполье ваша сестра Тепнина Галина?

Ответ: Как я знаю, Галина использовалась в качестве связника, ибо в силу своей болезни она руководящей работы выполнять в подполье не могла.

Вопрос: Кто являлся духовным отцом Галины?

Ответ: Духовным ее отцом был священник-нелегал Криво-
лукский Владимир, а духовной наставницей — Рагозина Наталья
Леонидовна.

Вопрос: Кроме связника, еще какую антисоветскую работу
выполняла Галина в вашей организации?

Ответ: Проводила ли Галина какую другую антисоветскую
работу, мне неизвестно. Верно, неоднократно, безо всяких при-
чин ругала коммунистов и Советскую власть, но я полагаю, что
это она позволяла в силу своего болезненного состояния. Ее
каждая мелочь раздражала, а благодаря этому она воспринимала
любое мероприятие Советской власти враждебно.

Допрос окончен в 16 час. 45 мин. Протокол мною прочитан.
Ответы записаны с моих слов правильно. Допросил следователь
XI отдела 2 Упр. МГБ СССР подполковник Набатов.

V

Протокол допроса арестованной Тепниной Марии Витальевны
от 22 апреля 1946 года.

Тепнина М.В., 1904 года рождения, уроженка г.Ленинграда, рус-
ская, гражданка СССР, беспартийная, образование среднее, до
ареста — зубной врач Рублевской больницы.

Допрос начат в 12 час 10 мин.

Вопрос: Какими способами конспирировалось ваше антисо-
ветское подполье?

Ответ: Каждый участник организации был предупрежден о
том, чтобы никогда, никому и ни при каких обстоятельствах не го-
ворить о существовании подполья, при посещении нелегалов быть
осмотрительными, а перед входом в помещение, где укрывались
нелегалы, посетитель обязан был постучать в дверь или стенку тре-
мя ударами — это был условный знак, что пришел свой человек.

Вопрос: А какие другие способы конспирации применя-
лись?

Ответ: При ведении переписки участников организации с
нелегалами-руководителями письма посылались только нароч-
ными. Письма посылались обезличенными, то есть в них не ука-
зывалось лицо, к кому оно обращено, а также не указывается и
автор письма. Другие способы конспирации мне неизвестны.

Вопрос: У вас при обыске на квартире изъято такое письмо, которое вам предъявляется. Скажите, кто являлся автором этого письма.

Ответ: Предъявленное мне письмо принадлежит священнику-нелегалу Владимиру Криволуцкому, которое мне было вручено Сахарновой Ольгой Илиодоровной.

Вопрос: На допросе от 19 апреля 1946 год вы назвали участницу антисоветской организации Василевскую Веру Яковлевну. Какое положение она занимала в организации?

Ответ: Василевская являлась рядовой участницей организации. Выполняла ли она какие-либо обязанности по подполью, мне неизвестно.

Вопрос: Василевская являлась рядовой участницей организации. Кто являлся ее духовным отцом?

Ответ: Архимандрит Битюгов (Битюков. — С.Б.) Серафим, скрывавшийся в г. Загорске Московской области у Гришановой Ксении, бывшей монахини, арестованной в 1943 году. Битюгов (Битюков. — С.Б.) умер в 1942 году.

Вопрос: А после смерти Битюгова (Битюкова. — С.Б.)?

Ответ: После смерти Битюгова (Битюкова. — С.Б.) Василевская духовного отца не имела. Она для исповеди и причастия ходила в церковь.

Вопрос: Вам часто приходилось бывать вместе с Василевской на нелегальных сборищах подполья?

Ответ: Нет, не приходилось. Мы вместе с Василевской бывали на богослужениях в церкви. До 1942 года, то есть до смерти Битюгова (Битюкова. — С.Б.), Василевская ездила к последнему в Загорск.

Вопрос: А вы лично присутствовали на подпольных богослужениях Битюгова (Битюкова. — С.Б.)?

Ответ: Нет, не присутствовала.

Вопрос: Как часто встречались с ним за время нахождения его на нелегальном положении?

Ответ: Никогда не встречалась. В 1941 году, уезжая в Загорск с целью подыскать комнату для эвакуации из Москвы моей младшей сестры Каменевой с детьми, я получила тогда от Василевской адрес в доме Корнеевых в г. Лосиноостровске. Я начала посещать дом Корнеевых, и таким путем познакомилась с ними.

Вопрос: Посещая дом Корнеевых, вам приходилось там встречаться с иностранцами?

Ответ: Нет, не приходилось.

Вопрос: А что вам известно о связи Корнеевых с иностранцами?

Ответ: Была ли связь у Корневых с иностранцами, я не знаю. Однако должна заявить, что будучи с Корнеевыми и находясь у них в доме в Лосиноостровске, я слышала их семейный разговор о том, что иногда они пользовались колодцем англичан, проживавших по соседству с Корнеевыми. Кроме того, один раз, в 1932–1933 годах я возвращалась дачным поездом из Лосиноостровска в Москву, со мной в одном вагоне ехала Корнеева Вера Алексеевна с девушкой лет 14–15. На мой вопрос, кто эта девушка, Вера Корнеева ответила, что девушка является их соседкой, англичанкой.

Вопрос: Что вам еще рассказала Корнеева Вера об англичанах, проживающих по соседству с ними?

Ответ: Больше об англичанах у нас разговора не было.

Вопрос: На допросе от 19 апреля 1946 года вы назвали участника антисоветского подполья Крючкова Дмитрия Ивановича. Когда впервые вы установили с ним связь?

Ответ: Примерно в 1930 году. Тогда Крючков служил священником в церкви Сербского подворья. Я посещала эту церковь как верующая.

Вопрос: После возвращения из ссылки Крючкова вы встречались с ним?

Ответ: Да, встречалась.

Вопрос: Где происходили ваши встречи?

Ответ: По месту жительства Крючкова, станция Томилино.

Вопрос: Какой характер носили ваши встречи?

Ответ: Первый раз я приезжала к Крючкову за семенами цветов, а второй раз исповедовалась и причащалась у него в квартире.

Вопрос: С какой целью вы посещали церковь, если церковь направления патриарха Сергия (Страгородского. — С.Б.) не признаете, исповедуетесь и причащаетесь у священников-нелегалов?

Ответ: Церковь я посещаю как верующая, а исповедовалась и причащалась у Крючкова в порядке частного исключения.

Допрос окончен в 5 час. 00 мин. Протокол мною прочитан. Ответы записаны с моих слов правильно. Допросил: следователь XI отдела 2 Упр. МГБ СССР подполковник Набатов.

VI

Протокол допроса арестованной Тепниной Марии Витальевны от 24 апреля 1946 года.

Тепнина М.В. 1904 года рождения, уроженка г. Ленинграда, русская, гражданка СССР, беспартийная, образование среднее, до ареста зубной врач Рублевской больницы.

Допрос начат в 23 час. 40 мин.

Вопрос: Вам предъявляются анонимные письма в количестве четырех штук, изъятые при обыске у вас на квартире. Скажите, кто является автором их?

Ответ: С предъявленными мне четырьмя письмами анонимными ознакомилась. Автором этих писем-записок является священник-нелегал Криволуцкий Владимир.

Вопрос: Для кого Криволуцкий Владимир написал эти письма-записки?

Ответ: Все четыре письма написаны для меня.

Вопрос: Почему Криволуцкий писал вам письма анонимными?

Ответ: В целях сохранения конспирации, ибо Криволуцкий находился на нелегальном положении и являлся одним из руководящих участников антисоветского подполья.

Вопрос: Каким способом вы получали эти письма от Криволуцкого?

Ответ: Все письма от Криволуцкого я получала через Сахарнову Ольгу Илиодоровну.

Вопрос: Кто такая Сахарнова?

Ответ: Сахарнова Ольга Илиодоровна, около 60 лет, участница антисоветского подполья, духовная дочь Криволуцкого Владимира, работала счетным работником в бухгалтерии какой-то фабрики. После смерти Рагозиной Наталья Леонидовны перешла на жительство к моей сестре Тепниной Галине — улица Кирова, д. 34, кв. 17.

Вопрос: Какое положение занимала Сахарнова в вашем антисоветском подполье?

Ответ: Сахарнова являлась связником организации. Она все письма от нелегала Криволуцкого Владимира получала для вручения адресатам, в частности, для меня.

Вопрос: А вы писали письма нелегалам?

Ответ: Да. Я вела переписку только с Криволуцким Владимиром.

Вопрос: Вы Криволуцкому писали письма анонимным порядком?

Ответ: Да, анонимным, ибо условия конспирации этого требовали.

Вопрос: Каким способом вы отправляли свои письма Криволуцкому?

Ответ: Я, как и Криволуцкий, передавала письма через Сахарнову Ольгу Илиодоровну.

Вопрос: Какого содержания были ваши письма?

Ответ: В своих письмах я сообщала Криволуцкому сведения о моей личной жизни и жизни моих ленинградских знакомых, а также просила Криволуцкого оказать мне и моим знакомым духовную помощь молитвой.

Вопрос: А по вопросам деятельности вашего антисоветского подполья вы писали?

Ответ: Не помню. Мне кажется, что я написала в одном из писем Криволуцкому о месте отбывания наказания Бочарова Иеракса и Трапани Нины Владимировны.

Вопрос: Назовите ваших знакомых единомышленников в Ленинграде.

Ответ: В Ленинграде моими знакомыми являются:

Мемнова Нина Аполлоновна, 25 лет, работала медсестрой в детской больнице, умерла в 1937 году.

Середа Наталия Викторовна, 42 года, уроженка г. Ленинграда, работала чертежником-конструктором на заводе «Электросила».

Две сестры — Надежда 35 лет и Вера 42 года, фамилий я их не помню, проживали в Лигове под Ленинградом. Надежда работала копировщицей на заводе «Электросила», а Вера в какой-то артели.

Иговская Анна Сергеевна 39 лет, уроженка г. Ленинграда, работала в одной из библиотек.

Наталья Владимировна, фамилии не помню, 23 года, была подростком, училась в средней школе, жила при родителях.

Толмачева Антонина, отчества не помню, 25 лет, учащаяся средней школы, а после училась на курсах медицинских сестер.

Фадеева Вера Николаевна, 39 лет, работала преподавателем математики Ленинградского университета.

Скиргайло Ядвига Владиславовна, около 50 лет, по национальности полька, работала в какой-то артели. Все перечислен-

ные мною лица являются весьма религиозными, с которыми я сблизилась на общности наших убеждений.

Вопрос: Кого из указанных лиц вы вовлекли в свое антисоветское подполье?

Ответ: Никто из названных мною лиц участниками подполья не являются.

Допрос окончен в 5 час. 10 мин. 25 апреля 1946 г. Протокол мною прочитан. Ответы записаны с моих слов правильно.

Допросил следователь XI отдела 2 Упр. МГБ СССР подполковник Набатов.

VII

Протокол допроса арестованной Тепниной Марии Витальевны от 26 апреля 1946 года.

Тепнина М.В. 1904 года рождения, уроженка г.Ленинграда, русская, гражданка СССР, беспартийная, со средним образованием, до ареста — зубной врач Рублевской больницы.

Допрос начат в 0.00 час. 10 мин.

Вопрос: Вы намерены теперь рассказывать правдиво о вражеской работе антисоветского подполья, участницей которого вы являлись?

Ответ: Все известное мне о подполье я рассказала следствию на предыдущих допросах, и больше мне сказать нечего.

Вопрос: Неправда. Следствие располагает бесспорными данными, что ваша антисоветская организация, прикрывающаяся религиозностью, проводила конкретную работу против Советской власти. Ваше заpiresательство бесцельно. Предлагаем рассказывать правдиво.

Ответ: Сознывая бесполезность моего дальнейшего заpiresательства, я решила быть правдивой и рассказать о всех известных мне фактах антисоветской деятельности нашего подполья.

Вопрос: Рассказывайте.

Ответ: После того, как митрополит Сергей (Страгородский. — С.Б.) обратился к духовенству с Декларацией о признании Советской власти и поименованию ее во время отправления религиозного культа, реакционная часть духовенства восприняла эту декларацию отрицательно и стала в оппозицию к Сергию, отказавшись служить в возглавляемых Сергием церквях.

Оппозиция образовала антисоветское подполье для дальнейшей борьбы против признания Советской власти безбожной.

Вопрос: Какие политические цели ставило перед собой антисоветское подполье?

Ответ: Конечной целью наше подполье считало необходимо изменение существующего строя в СССР.

Вопрос: Каким путем?

Ответ: Среди участников организации высказывались различные мнения по этому вопросу и признавалась любая ситуация, лишь бы она могла привести наше подполье к желаемой цели. В частности, в годы Отечественной войны (1941–1945 годов) подполье рассчитывало на победу Германии в войне против Советского Союза, об этом участники организации высказывали свои суждения на собраниях.

Вопрос: Вам приходилось участвовать на собраниях?

Ответ: Да, приходилось, но не более двух-трех раз.

Вопрос: Уточните, где, когда и какой характер носили эти собрания?

Ответ: В первые месяцы войны в 1941 году я присутствовала на собрании участников подполья в Болшево под Москвой на даче у Трапани, где кроме меня были: иеромонах-нелегал Бочаров Иеракс, Трапани Нина Владимировна и, кажется, Трапани Варвара Владимировна, а возможно, была кто-либо другая из женщин, не помню. На этом собрании Трапани Нина Владимировна информировала присутствующих о том, что якобы ей известно из рассказов многих людей, прибывших с оккупированной немцами территории, что немцы зверства чинят только по отношению комиссаров, коммунистов, евреев и руководителей Советских органов, а над остальным советским населением этих зверств, якобы, не чинят, наоборот, немцы как бы создали исключительно хорошие условия в жизни населения, открыли частную торговлю, продуктов появилось в изобилии, закрытые церкви при Советской власти немцы открывают, церковную деятельность широко поощряют.

На основе этой информации присутствовавшие на собрании в результате обмена мнениями пришли к заключению, что победа немцев над Советскими войсками желательна, и считали, что при немцах в случае их победы наша организация выйдет из подполья и займет свое место и церковное наше течение восторжествует.

Второй раз я присутствовала на сборище в 1942 году в Лосиноостровске в доме Корнеевых. На этом сборище присутствовали: священник-нелегал Криволуцкий Владимир, Корнеев Иван Алексеевич, Рагозина Наталья Леонидовна и я — Тепнина. На сборище говорили о хорошем поведении немцев с советским населением в оккупированных советских районах. Что же касается сообщений «Совинформбюро» относительно немцев, то мы рассматривали это как частные редкие случаи. Вообще мы пришли к выводу, что немцы отступают от Москвы временно и должны возвратиться.

Вопрос: Как ваше подполье в этот раз на сборище рассматривало для себя этот приход немцев?

Ответ: На этом сборище так же, как и в Болшево, участники подполья считали победу немцев над Советским Союзом как благотворное условие для нашей организации.

Вопрос: Еще на каких сборищах участников подполья вы присутствовали?

Ответ: Кроме вышесказанного, в конце 1941 года или начале 1942 года, будучи на квартире моей единомышленницы Василевской Веры Яковлевны, в частной беседе в присутствии Мень Елены Семеновны, Василевская мне сообщила, что она сама или двоюродная сестра Мень, точно не помню, были в Загорске Московской области, и там во время сборища в доме Закатовых или в каком другом месте, но в присутствии Закатовой, высказывались пораженческие настроения. Василевская мне заявила, что загорская подпольная группа наших единомышленников живет в радостном ожидании скорого прихода немцев. Больше нигде на сборищах я не участвовала.

Вопрос: Кто такая Закатова и что вам о ней известно?

Ответ: С Закатовой я лично незнакома, но слышала о ней как об участнице подполья.

Вопрос: Назовите всех известных вам участников антисоветского подполья в городе Загорске.

Ответ: Кто в данное время является участником подполья в Загорске, я не знаю, но в первые годы войны таковыми были: архимандрит-нелегал Битюгов Серафим, монашка Гришанова Ксения, Василевская Вера Яковлевна, Мень Елена Семеновна. Больше никого не знаю.

Вопрос: Какой государственный строй признавался вашей антисоветской организацией?

Ответ: Признавался всякий любой другой строй, кроме Советского, начиная от буржуазно-демократического до монархического, лишь бы он соответствовал интересам организации. Конкретная форма государственного строя в моем присутствии не обсуждалась. Возможно, об этом знали только руководители подполья.

Вопрос: Кем возглавлялось все ваше антисоветское формирование?

Ответ: На этот вопрос я ответить затрудняюсь. Знаю одно, что руководители подполья ориентировались на митрополита Кирилла (Смирнова. — С.Б.).

Вопрос: Где в данное время находится Кирилл (Смирнов. — С.Б.)?

Ответ: Раньше он находился в ссылке, а где сейчас — не знаю.

Вопрос: Как были распределены обязанности между участниками антисоветского подполья на случай победы немцев?

Ответ: Были ли распределены обязанности между участниками нашего подполья, я не знаю, и о моих обязанностях на такой случай мне никто не говорил.

Допрос окончен в 5 час. 10 мин. Протокол мною прочитан. Ответы записаны с моих слов правильно. Допросил следователь XI отдела 2 Упр. МГБ СССР подполковник Набатов.

VIII

Протокол допроса арестованной Тепниной Марии Витальевны от 27 апреля 1946 года.

Тепнина М.В., 1904 года рождения, уроженка г.Ленинграда, русская, гражданка СССР, со средним образованием, беспартийная, до ареста — зубной врач Рублевской больницы.

Допрос начат в 00 час. 05 мин.

Вопрос: При обыске у вас на квартире изъята рукопись, обеличенная и без подписи автора, датированная 13 июня 1945 года. Вам предъявляется эта рукопись. Ознакомьтесь с ней и скажите, кому принадлежит она и для чего предназначалась?

Ответ: С рукописью ознакомилась. Она принадлежит мне и мною написана лично для того, чтобы послать письмо в Ленинград своей знакомой Дубининой, но письмо это я не закончила и никуда не посылала.

Вопрос: Содержание письма состоит в том, что вы пишете: война закончена, но желаемого результата для вас не наступило, надежда была тщетной. Что вы хотели сказать Дубининой содержанием этого текста?

Ответ: Содержание вышеназванной рукописи заключается в том, что я хотела сообщить свое мнение Дубининой, что хотя война и закончена, но как мы считали, должно бы наступить улучшение материального положения для населения нашей страны, но этого не произошло и наши надежды были напрасными.

Вопрос: А не другой политический смысл был заложен в содержании указанного текста письма?

Ответ: Нет, другого смысла этот текст не имел.

Вопрос: Кто такая Дубинина?

Ответ: Дубинина Вера Ивановна 37–38 лет, жительница Ленинграда, адреса не помню, где сейчас работает — не знаю. Познакомилась с ней через свою подругу Мемнонову Нину Павловну в 1936 году.

Вопрос: Какой характер носило ваше знакомство?

Ответ: Близкого знакомства между нами не было, но иногда мы переписывались с ней.

Вопрос: Как давно вы знакомы с Мемноновой?

Ответ: Познакомилась с ней я в Ленинграде в 1935 году на почве общности наших религиозных убеждений. Она умерла в 1937 году.

Вопрос: В связи с чем вы ездили в Ленинград?

Ответ: Я проводила свои отпуска в Ленинграде у моих родственников, так и познакомилась с Мемноновой.

Вопрос: Следствие предъявляет вам рукопись — список лиц с указанием в нем суммы денег. Что это за список?

Ответ: Предъявленный мне на одном листе список является подписным листом, который написан мною собственноручно в 1914–1915 годах, когда я училась в Тамбове в частной женской гимназии Пташник.

Вопрос: Что за люди, поименованные в этом списке?

Ответ: Все лица, указанные в списке, являлись гимназистами одной со мной гимназии.

Вопрос: Для какой цели вы производили сбор добровольных пожертвований?

Ответ: За давностью времени не помню.

Вопрос: Для чего вы хранили этот список теперь?

Ответ: Полагаю, что список этот находился в какой-нибудь папке и случайно сохранился до настоящего времени.

Вопрос: А не является ли названный выше список подписным листом для сбора пожертвований на содержание участников вашей антисоветской организации, находящихся на нелегальном положении?

Ответ: Нет. Это подписной лист составлен мною лично еще в гимназические годы.

Вопрос: Вам приходилось производить сборы добровольных пожертвований для вашего антисоветского подполья?

Ответ: Нет, не приходилось.

Вопрос: А пожертвования вносили для организации?

Ответ: Пожертвований для организации я не делала, но оказывала иногда материальную помощь иеромонаху-нелегалу Бочарову Иераксу, а позднее священнику-нелегалу Криволуцкому Владимиру.

Вопрос: Из каких источников состояли средства вашей организации?

Ответ: Не знаю.

Допрос окончен в 5 час. 05 мин. Протокол мною прочитан. Ответы записаны с моих слов правильно. Допросил следователь XI отдела 2 Упр. МГБ СССР подполковник Набатов.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу № 8303 по обвинению Криволуцкого В.В., Романовского Л.С., Фуделя С.О., Закатовой М.А., Криволуцкого И.В., Корнеевой В.А., Тыминской М.А., Литвиненко П.Г., Тепниной М.В., Габрияник А.И., Крючкова Д.И., Некрасова Л.С., Андреевой Д.К., Сахарновой О.И. — всех в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10, часть II.

В период с марта по май 1946 г. Управлением МГБ СССР за антисоветскую работу были арестованы нелегалы священники Криволуцкий В.В., Габрияник А.И. и их единомышленники: капитан Красной Армии Романовский С.В., секретарь кафедры Военного института иностранных языков Фудель С.О., ретушер артели «Фото» в г. Пушкино Закатов М.А., студент авиаинститута Криволуцкий И.В., педагог 442 школы г. Москвы Литвинен-

ко П.Г., зубной врач Рублевской больницы Тепнина М.В. и другие — в количестве 17 человек.

Произведенным по делу расследованием вскрыто действовавшее в Москве и возглавлявшееся нелегалами священниками антисоветское церковное подполье, участники которого, будучи враждебно настроены к советской власти и не признавая легальную церковь, создавали на квартирах своих единомышленников подпольные церкви, где кроме тайных богослужений проводили антисоветскую агитацию.

В период Отечественной войны участники подполья, считывая на поражение Советского Союза, разрабатывали планы своей практической деятельности при немцах и активизировали враждебную работу, продолжая вести до последнего времени...

В отношении арестованного по данному делу нелегала священника Габрияника А.И. следствием установлено, что к антисоветскому подполью он примкнул в 1942 г., когда установил преступную связь с руководителем названного подполья архимандритом Битюговым. В том же 1942 г. Габрияник по указанию Битюгова перешли на нелегальное положение и занялся подпольной антисоветской церковной деятельностью. Возглавив подпольную группу, Габрияник на квартирах своих сообщников проводил тайные моления и враждебную агитацию.

Во время войны Габрияник имел встречи в Загорске с Битюговым, вместе с которым ориентировались на поражение Советского Союза и ожидали прихода немцев. Кроме того, в тот же период Габрияник установил преступную связь с нелегалом священником Криволицким В.В. Находясь на нелегальном положении, Габрияник скрывался на квартирах своих сообщников в Москве и в г. Загорске. В 1946 г. Габрияник, продолжая находиться на нелегальном положении, стал расширять круг своих единомышленников из числа некоторой части верующих и монашеского элемента, устраивая при этом подпольные сборища.

Изобличаются Криволицкий В.В. ... и Габрияник Алексей Иванович 1895 г. уроженец дер. Манчицы, Гродненской обл., русский, гражданин СССР, беспартийный, дважды судим за антисоветские преступления, в момент ареста находился на нелегальном положении, тайный священник...

Оба — в том, что, являясь участниками антисоветского церковного подполья и будучи тайными священниками, ор-

ганизовывали подпольные церкви, где кроме богослужений проводили враждебную агитацию, т.е. оба в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10, часть II УК РСФСР.

Изобличается Габрияник показаниями арестованных Криволуцкого В.В., Закатовой М.А., Фуделя С.О., осужденного Бочарова, очными ставками с Криволуцким В.В., Фуделем С.О., а также свидетельскими показаниями Булыга А.В., Меньших С., Фудель В.М.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР и приказом НКВД СССР за № 001613 от 1941 г., следственное дело № 8303 по обвинению Криволуцкого В.В. и др. в количестве 17 человек направить на рассмотрение Особого совещания, предложив применить меру уголовного наказания в отношении: Криволуцкого В.В. — 10 лет ИТЛ, Романовского Н.С. — 8 лет ИТЛ, Корнеева И.А. — 7 лет тюрьмы, Арцыбушева А.П., Закатовой М.А., Некрасова Л.С. — по 6 лет каждому, Жилиной-Евзович Т.Е., Корнеевой В.А., Андреевой Л.Е. и Тепниной М.В. — по 5 лет ИТЛ каждой, Габрияника А.И. — 4 года тюрьмы и Криволуцкого И.В. — 3 года ИТЛ. Учитывая преклонный возраст и состояние здоровья, предлагается применить в отношении Крючкова Д.И., Тыминской М.А. и Фудель С.О. по 5 лет ссылки каждому, Сахарновой О.И. — 3 года ссылки, Литвиненко П.П. ограничиться зачетом отбытия ею срока в предварительном заключении.

Нач. 2 Отд. Следователь 2 Гл. Упр.

подполковник Маклаков.

Зам нач. Отдела «О» МГБ СССР

подполковник Бартошевич.

Публикация доктора исторических наук
С.С. Бычкова

Связь времен

Письма протоиерея Александра Меня

писателю М.А. Поповскому

Марк Александрович Поповский (1922–2004) родился в еврейской семье, которая, по его словам, «кинулась в революцию». Отец, Александр Данилович Поповский (1897–1982), позже стал известным советским писателем, драматургом и популяризатором науки, автором биографических книг об ученых. Начинал как следователь одесского трибунала в 1920-х годах. Мать — научный работник, кандидат наук, член партии с 1937 года. Находясь в США, Марк Поповский вспоминал о годах детства и юности, прожитых в СССР: «Это была трагическая жизнь. Это была нищая жизнь. Я родился в голоде. Если бы не приплыл корабль из Америки в 22-м году, когда я родился, я бы просто умер с голоду, потому что моим родителям нечем было меня кормить. Я голодал в 30-е годы, я голодал в 40-е годы, после войны. Я прошел всю войну, перенес блокаду ленинградскую, бедствовал 6 лет после войны — просто голодал. Когда я стал журналистом, писателем и членом Союза писателей, я постоянно испытывал давление и удары этой системы»¹. С родителями Марк Поповский разорвал отношения в семидесятые годы, когда активно начал заниматься правозащитной деятельностью.

Поповский учился в Военно-медицинской академии. С первых дней — участник Великой Отечественной войны. На фронте был медиком. В 1952 году заочно окончил филологический факультет МГУ. Жил в Москве. В СССР вышли 14 его книг, посвященных, в основном, деятелям науки. Автор художественных биографий ученых Вавилова, Хавкина и других. Был членом Союза писателей (1961–1977), а также Союза журналистов (1957–1977) СССР. Ученый-медик из Самарканда Петр Лернер, друживший с Поповским, вспоминал: «...далеко не всегда Марк Поповский соблюдал внешнюю лояльность. Он часто выступал в различных правозащитных организациях. Был одним из тех, кто подписал письмо в Президиум XXII съезда КПСС в защиту Ю. Даниэля и А. Синявского, подписал петицию в Президиум Верховного Совета СССР с предложением принять закон о сво-

боде распространения, сбора и использования информации. В мае 1967 года он подписал известное письмо 80-ти IV съезду советских писателей в поддержку А. Солженицына. Неоднократно выступал с требованием свободы печати в СССР. В марте 1977 года объявил о выходе из Союза писателей и создании агентства печати «Марк Поповский-Пресс» для снабжения западной прессы неподцензурной информацией»².

В 1970-е годы собирал библиотеку самиздата. С 1977 года снабжал западные газеты и радиостанции информацией о жизни в СССР. Пережил обыск, несколько допросов. Эмигрировал осенью 1977 года, обосновавшись в США. Жил в Нью-Йорке, в Манхеттене. Сотрудничал с радиостанцией «Свобода», газетами «Новое русское слово», «Панорама», литературными журналами. Был одним из основателей Клуба русских писателей Нью-Йорка и вице-президентом организации «Писатели в изгнании» американского отделения ПЕН-клуба.

Его труд о владыке Луке был первоначально издан в Париже в 1979 году. В России книга была опубликована в журнале «Октябрь» в 1990 году и лишь в 2002 году отдельным изданием почему-то, как отметили издатели, «с незначительными сокращениями». Вряд ли эти сокращения были согласованы с автором. В интервью радио «Свобода» в 2002 году Поповский говорил: «...У меня нет чувства раздражения, ненависти, злобности против кого бы то ни было лично. Но дело в том, что не все знают главный тон, что ли, всей моей жизни. Он заключается в том, что я выше всего ставлю нравственные проблемы. Я считаю, что действия советской власти не тем плохи, что созданы колхозы или военизирована вся страна, а в том, что деморализовано общество. И все мои книги, и издававшиеся в Советском Союзе, и те, которые я писал тайком, и те, которые удалось напечатать здесь, и все мои очерки, они все — разговор на одну тему: как себя ведет человек в роковых обстоятельствах и как следовало бы ему себя вести. Вот этот вот максимализм мой нравственный может людям казаться проявлением моего жесткого характера. Но на самом деле я отстаиваю свои нравственные позиции в этом мире, считая их самым важным для человека»³.

Ему пришлось нелегко в эмиграции: «Я сменил 8 профессий в этой стране. И среди этих профессий были и заместитель главного редактора журнала, и уборщик мусора, и радиожурналист, и много других профессий. Я к этому относился довольно спокойно, потому что, возвратясь домой, я садился за письменный

стол и оставался тем, кем был, — литератором, профессиональным литератором. Поэтому тот опыт, который я получил в Америке, он благодетелен. Я просто научился быть самим собой, не страдая от того, что в данный момент мне надо убирать мусор или сидеть в качестве швейцара в подъезде дома»⁴.

Он появился в Новой Деревне в начале 70-х годов. В этот период Поповский заканчивал работу над книгой об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком). Знакомство с отцом Александром произошло благодаря историку Русской Церкви и диссиденту А.Э. Краснову-Левитину. В 1969 году М. Поповский оформил Краснова-Левитина как своего литературного секретаря, поскольку ему грозил срок «за тунеядство». К отцу Александру Поповский обратился с просьбой проконсультировать его — реалии советской церковной жизни были для него *terra incognita*. Отец Александр охотно откликнулся, поскольку еще в 1961 году побывал в Симферополе у ослепшего к тому времени владыки.

В предисловии к публикации книги Поповского о владыке Луке в журнале «Октябрь» отец Александр Мень писал: «...началась его эпопея по созданию книги “Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга”. Говорю “эпопея”, потому что писатель не только лично успел встретиться со своим героем, но объехал все места его жизни, медицинской практики, ссылок, собирал устные рассказы и доподлинные документы. Обо всем этом он подробно рассказывает в книге».

Создавая ее, он стремился быть предельно честным, отделять вымысел от реальности, не превращать героя в «икону». Изобразить его живым в контексте мучительной и тягостной эпохи 20-х годов и сталинщины. Впрочем, его неизбежные экскурсы в историю Церкви не могли быть полными и достаточно объективными. Препятствием служили лакуны в этой истории советского периода и сама позиция автора, смотревшего на Церковь «извне». Правда, знавшим его Поповский признавался, что книга, вернее, ее герой, как-то незаметно приблизили его к духовным проблемам. Это ощущается по мере развития повествования.

Когда труд был завершен, стало со всей очевидностью ясно, что напечатать его у нас невозможно. А к тому времени в сознании автора «Жизнь и житие» превратилась в некий центр его творчества, почти в главное дело жизни. Но этого мало. Другая «центральная» для творчества Поповского биография, книга о Вавилове, хотя и вышла, однако в урезанном виде. Ведь тогда

не решались открыто признать, что великий генетик, гордость русской науки, умер от истощения и холода в тюрьме.

В итоге две повести об удивительных судьбах определили и судьбу их создателя. Марк Поповский эмигрировал. Он смог наконец увидеть свои труды опубликованными, но, увы, они не дошли до тех, кому предназначались. Между тем климат в стране менялся. Еще даже до перестройки вышло несколько статей о Войно-Ясенецком. Появляются они и сейчас. Но они не могут заменить обширной документальной повести Поповского. Ее публикация в журнале «Октябрь» — настоящее событие»⁵.

Позже Поповский вспоминал: «Собирать материалы к биографии владыки Луки я начал в 1957 году. Следующие тринадцать лет ушли на опрос более чем ста пятидесяти его современников, родственников, коллег. За эти годы удалось объехать двенадцать городов и сел, куда судьба заносила моего героя (от Ташкента и Симферополя до Красноярска и Туруханска). К работе над первой главой приступил в 1970 году. Надо заметить: сбор такого материала требовал особой осторожности... Все пять лет, пока писалась эта книга, моим консультантом и просветителем в вопросах, связанных с Православием, оставался священник подмосковной церкви отец Александр Мень...»⁶ Он внимательно читал главы будущей книги Поповского и делал необходимые поправки. Позже, уже в 1989 году, когда в журнале «Октябрь» готовили к публикации книгу Поповского о владыке Луке, к тому времени уже вышедшую в Париже, отец Александр по просьбе поэта Вадима Перельмутера написал краткое предисловие. В нем отметил капитальный труд, который проделал Поповский и влияние личности покойного епископа на писателя.

Мне посчастливилось быть связным между Поповским и отцом Александром. По мере готовности я забирал в Москве готовые главы и отвозил их в Семхоз или в Новую Деревню. Он прочитывал их, делал необходимые замечания и отдавал мне. Бывая в Москве, иногда встречался с писателем. За это время я подружился с Марком. Подобно Надежде Мандельштам, он был колочим, взрывным человеком. Помню, как он рассказывал мне, почему не смог ужиться с первой женой. «Я кричу, и она кричит», — жаловался он. «А теперь? — спрашивал я. «А теперь все по-другому. Я кричу — она молчит. Но когда я смолкаю, начинает кричать она». Во второй половине 70-х атмосфера в СССР стала безнадежной: надежд на то, что работы Поповского когда-то бу-

дут опубликованы, не оставалось. Завершив работу над книгой о владыке Луке, он начал работать над следующей — «Управляемая наука». И хотя она была посвящена судьбе советской науки и ее деятелям и не имела никакого отношения к Церкви, он также отсылал готовые главы отцу Александру. Тогда он погрузился в углубленное чтение Салтыкова-Щедрина и сопровождал каждую главу новой книги эпиграфом из его произведений. Мы продолжали регулярно встречаться. Тогда-то под впечатлением от еженедельных встреч с ним я написал эпиграмму:

«Поповский мрачен был зело.

Он изливал на ближних зло.

Кричал он, мрачен и свиреп,

Что корень всехних зол — Совдеп!»

Отец Александр тогда не мог упомянуть, что именно он помог Поповскому переправить рукопись о владыке Луке в Париж, как, впрочем, и другие его книги. Поповский передал вместе с рукописью около 200 уникальных фотографий, которые должны были проиллюстрировать книгу. Но при пересылке они были потеряны. Помню, как экспансивный, невысокий, лысый Марк негодовал и потрясал руками. Какие гневные филиппики изливались из его уст. Его гнев и горе понять можно — у него не осталось копий. Мы в новодеревенском приходе одни из первых получили книгу о владыке Луке.

Я считал и до сих пор считаю, что в области православной русской агиографии XX столетия существуют два шедевра — книга архимандрита Софрония (Сахарова) о старце Силуане и книга Поповского о владыке Луке. Кстати, благодаря усилиям агиографов и старец Силуан, и владыка Лука причислены к лику святых. Позже, в 2002 году, Поповский вспоминал: «...последние семь лет пребывания в России до выезда в эмиграцию прошли под сильным влиянием моего друга, отца Александра Меня. Он знал, что я неверующий, из семьи неверующих, что полтора десятка моих книг, вышедших на родине, посвящены людям и проблемам биологической и медицинской науки и носят сугубо материалистический характер. Он не пытался меня в чем-то переубеждать, что-то мне проповедовать. И тем не менее, по мере работы над книгой о владыке Луке мое видение мира менялось. Помню, как в 1972 году, прочитав третью и четвертую главы моей книги, отец Александр мягко пошутил: “Эволюционируете, сударь”. Я действительно стал как-то по-иному видеть и

понимать поведение моего литературного героя»⁷. Поповский принял крещение, но уже в эмиграции, в США. Причем у баптистов. Шел к этому, начиная с Москвы, трудно и долго. И отец Александр не считал возможным подталкивать его. И в этом случае он «убирал когти».

Я вновь встретился с Марком Поповским в мае 2002 года в нью-йоркском православном приходе моего друга, священника Михаила Аксенова-Меерсона. Он подошел ко мне после литургии и представился. Я обнял его и попытался напомнить о наших встречах в Москве. Увы, он ничего не помнил. Склероз начисто изгладил из его памяти все бывшее. Второй раз мы встретились в сентябре 2003 года, опять-таки в приходе отца Михаила. Он подошел ко мне и осторожно спросил: «Мы знакомы?» Я опять напомнил ему, кто я и где мы встречались. Он с горечью сказал: «Ничего не помню». Прихожане отца Михаила относились к нему с любовью и пониманием. Они провожали его до храма и после богослужений домой, боясь, что он может заблудиться. Выглядел он очень одиноким. Скончался Марк Поповский в Великий четверг 2004 года.

Приношу благодарность за помощь хранителю Бахметьевского архива Колумбийского университета Татьяне Чеботаревой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Радио «Свобода», «Марк Поповский. Портрет на фоне 80-летия», автор Владимир Морозов, ведущий Иван Толстой. Опубликовано 16.04.2002.

² Лернер Петр Михайлович, «Поповский Марк Александрович. К 90-летию со дня рождения», сервер «Заграница».

³ Радио «Свобода», «Марк Поповский. Портрет на фоне 80-летия», автор Владимир Морозов, ведущий Иван Толстой. Опубликовано 16.04.2002.

⁴ Там же.

⁵ Мень, протоиерей Александр, «Культура и духовное возрождение», М.1992, статья «Предисловие к книге М.А. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга», с. 438–439.

⁶ Поповский М.А. Послесловие к книге «Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга», СПб: Сатис, 2013, с. 416. Издатели не только сочли возможным внести сокращения в труд Поповского, не удосужившись согласовать их с автором или хотя бы отточиями обозначить их, но изменили и название книги. Естественно, подверглось сокращениям и Послесловие автора.

⁷ Там же, с. 416.

Письма протоиерея Александра Меня

1.

Дорогой Марк!

Поздравляю вас с праздником Пасхи! Очень рад за вас, за вашу духовную жизнь. Я всегда верил, что Господь призывает вас к Себе и не торопил событий. «Он — свет наш». Моя жизнь идет по-прежнему, но дышать стало легче. Спасибо за все.

Ваш прот. АМень (март 1989)

2.

Дорогой Марк Александрович!

Спасибо за письмо. Я уже выполнил вашу просьбу о предисловии¹, сделал это с большим удовольствием. Если оно выйдет, мы будем вновь с вами связаны — уже литературно. Не могу не нарадоваться, что Вы так органично вошли в жизнь христианской общины². Поистине Лука³ за Вас молился. Разумеется, хотел бы Вас повидать. Я уже был в Польше, Зап. Берлине, Италии. Препятствие одно: нехватка времени. Уроки в школе, лекции в институте (по Библии), по три общедоступные лекции в неделю для «масс»⁴. И кроме того, служба, работа за столом (за это время опубликовался в 20-ти советских изданиях). За все это благодарю Бога ежедневно, хочу максимально использовать оставшиеся годы. Работа моя по-прежнему миссионерская. Дети уже взрослые. Растут внуки. В нашем приходе сменилось третье поколение. Все это, учитывая прошлые невзгоды, настоящее чудо Господнее. Дожить не рассчитывал. Но когда-нибудь, надеюсь, Господь приведет меня и к Вам в Штаты. А может быть, и Вы побываете здесь. Буду счастлив повидать Вас. Поклон Вашим. Пишите обязательно. С любовью во Христе.

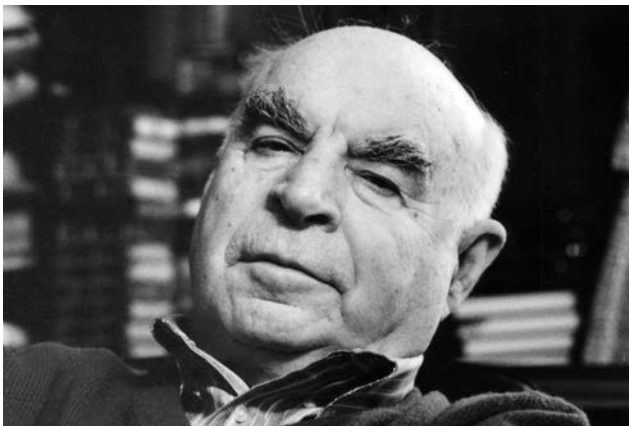
Протоиерей Александр Мень (28 января 1990 г.)

¹ Отец Александр написал предисловие к моей книге «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга», опубликованной в журнале «Октябрь» № 2–4 за 1990 год. — *Прим. М.А. Поповского.*

² Речь идет о церкви Евангельских христиан, которую я посещаю в течение 10 лет в Нью-Йорке. — *Прим. М.А. Поповского.*

³ Отец Александр упоминает архиепископа Луку Войно-Ясенецкого.

⁴ Отец Александр выступает по телевидению. — *Прим. М.А. Поповского.*

Писатель Марк Поповский

3.

Дорогой Марк Александрович!

Спасибо за поздравление. Стихотворение прекрасное¹. Прочту его в церкви. Для меня была большая радость встретиться с вами вокруг Луки. Надеюсь, книга будет напечатана, сейчас многие читают. Я бы никогда не поверил, если бы мне десять лет назад сказали бы, что смогу опубликоваться в 20-ти периодических советских изданиях. Я не знаю, дойдет ли до вас сборник «На пути к свободе совести» (на английском и русском языках)². Там есть мой очерк о религии и сталинщине. Что касается А.Д.³, то вы правы. Он был ярчайшим представителем «анонимного» христианства. Мы служили о нем несколько раз панихиду. Сейчас я подготовил большой Словарь⁴ с портретами по Библии: переводчики, толкователи, Библия в культуре и т.д. Пытался отдать Словарь в качестве диссертационной работы в Академию⁵, но им это непривычно. Надеюсь все же напечатать... Если сможете найти что-то для нашей приходской библиотеки — буду благодарен (особенно нужна детская Библия).

Обнимаю.

Ваш во Христе протоиерей А. Мень (27 февраля 1990 г.)

¹ Мое стихотворение о Христе, написанное в 1985 году. — *Прим. М.А.Поповского.*

² Сборник «На пути к свободе совести», М.: Прогресс, 1989.

Прот. Александр Мень с Сергеем Бычковым. 30 декабря 1985 г.

³ Речь идет об Андрее Дмитриевиче Сахарове.

⁴ Речь идет о шеститомном «Словаре по библиологии».

⁵ Этот Словарь отец Александр представил в Ленинградскую духовную академию на соискание звания доктора богословия. Один из студентов Ленинградской духовной академии позже вспоминал: «... протоиерей Александр Мень представил в Ленинградскую Духовную академию на соискание докторской свою Библейскую энциклопедию. Знакомился с ней и писал отзыв протоиерей Георгий Тельпис, и степени его ядовитого сарказма не было пределу: “Конечно же, мы ее отклонили, поскольку один человек столько написать и столь грамотно составить физически неспособен!”» Ректором Ленинградской духовной академии был тогда протоиерей Владимир Сорокин.

Официально же отцу Александру отказали по той причине, что еще не было прецедента присуждения степени доктора богословия за Словарь. Он был издан в Москве фондом имени протоиерея Александра Меня в 2002 году в трех томах.

4.

Дорогой Марк Александрович!

Очень тронут был вашим письмом. Действительно, какие-то незримые нити связывали и связывают нас. Это вдохновляло меня, когда я предварял несколькими, вынужденно скупыми строками Ваш труд, изданный в «Октябре». Буду очень рад написать расширенное предисловие к книге, когда ее подготовят к отдельному изданию. Наконец-то оно

выйдет со столь необходимыми фотографиями¹. Как незаметно летит время! Но вечно остается то, что над временем. И я надеюсь, что Вы все еще напишите что-то важное, хотя, конечно, книга о Луке — Ваш шедевр, так сказать, вершина!²

Я благодарю Бога за то, что предоставляются все новые возможности для свидетельства. Сейчас мне дают ежемесячные радиопередачи для детей и юношества. Уже несколько передач вышло в эфир. Трудно поверить!

Большое спасибо за книги. Наша приходская библиотека только формируется. И за все, что только возможно, скажем спасибо! В частности я знаю, что протестантские издательства печатают много книг на русском языке. Все они для нас будут полезны (Льюис, Поллак и др.)³. Особенно была бы важна «Библия для детей» (автор не указан, обложка белая). И еще просьба. Если возможно. Мне хотелось бы иметь воспоминания А. Белого о Штейнере и письма к Гиппиус, которые издала Темира Пахмусс под названием: *Temira Pachmuss. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippius. München, Wilhelm Fink Verlag, 1972, p. 76.*

Да укрепит Вас Господь. Привет всем братьям во Христе.
Ваш прот. АМень (1 апреля 1990 г.)

¹ Когда отец Александр пересылал рукопись Поповского о владыке Луке в Париж Никите Струве, к ней прилагались 200 фотографий самого владыки, его семьи, друзей и сподвижников. Они были утеряны.

² Сам М.А. Поповский столь же высоко оценивал свой труд о владыке Луке. Незадолго до смерти признавался: «Пожалуй, самое главное из того, что я сделал в своей жизни, это то, что я написал книгу “Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга”. И в связи с этой книгой принял Господа. Я — христианин».

Существует иная точка зрения. Некий Владимир Лисичкин, выдающий себя за «внучатого племянника» владыки Луки, в своей книге «Лука — врач возлюбленный» пишет: «Строго говоря, до выхода этой книги не было ни одной строго биографической, основанной на реальных документах, книги. Претендующую на биографию полуполюгенду, полупасквиль “Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга” М. Поповского нельзя назвать биографической книгой по трем причинам. Во-первых, она замышлена и исполнена как инструмент антисоветской пропаганды, как по стилю, так и по содержанию. Тенденциозность изложения материала прослеживается в каждой главе. Во-вторых, она написана М. Поповским как заказ международной организации ИМКА — лютого врага Русской Православной Церкви.

...Единственно, чем полезна книга Поповского, так это публикацией выдержек из писем Святителя своим детям....». Книга настолько полюбилась Издательскому совету РПЦ, что была им еще и переиздана.

Лисичкин В. «Лука — врач возлюбленный. Жизнеописание святителя и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого)». М.: Издательство Московской Патриархии, 2009, 2013.

³ Отец Александр упоминает издания, которые выходили в Чикаго в христианском издательстве, основанном известным протестантским пастором Михаилом Моргулисом.

5.

Дорогой Марк Александрович!

Получил ваше письмо и книги для библиотеки. Большое спасибо! Мне совестно, что я просил Вас о тех дорогих книгах (я не знал, что они так дороги!). Бросьте это! К сожалению, мне слишком поздно сказали о предисловии к Вашей книге (в отдельном издании), а я уезжаю в Италию. Но я немного расширил то — журнальное¹. Думаю, это подойдет. Рад за Вашу общину. Да благословит вас всех Господь! Хотел бы приехать к Вам, но пока не пускают церковные и литературные труды. Но потом, если Бог даст...

Обнимаю сердечно. Спасибо.

Ваш прот. АМень (июнь 1990 г.)

На открытке картина Оскара Рабина «Rue Saint Denis».

¹ Отдельное издание книги М.А. Поповского о владыке Луке так и не увидело свет в 90-е годы.

6.

Дорогой Марк!

Огромное спасибо за книги. Все дошло. Молюсь за Вас. Помню с любовью. Пусть Ваши труды волеются в общее христианское дело¹.

Обнимаю.

Прот. АМень. (25 августа 1990 г.)

¹ Отец Александр был убит рано утром в воскресенье 9 сентября возле своего дома в Семхозе (Московская обл., Загорский р-н.). Зарублен топором. Ему шел 56-й год. — *Прим. М.А. Поповского.*

Митрополит Антоний Сурожский

Встреча*

Слово, произнесенное в Шартрском соборе

Прежде всего хочу сказать вам, что для меня большая радость — находиться сегодня в этом соборе, месте, которое на протяжении многих веков, еще до того, как стать местом паломничества христиан, было местом встречи людей, которые верили в Бога и приходили сюда за вдохновением от Бога.

В свете Евангелия, которое вы только что слышали, прослушали, я хотел бы поговорить на тему *встречи* — потому что эта тема очень важна не только в настоящем опыте христианского мира, но она также является одной из важнейших основ всего евангельского повествования, всей истории человечества.

Сегодня, в свете опыта, который мы проживаем из дня в день, из века в век, мы все более убеждаемся, что все Евангелие, весь евангельский опыт есть встреча — непрерывная встреча, встреча, которая является спасением и судом одновременно.

Но и вне Евангелия Божий акт творения — первая встреча: желаемое Богом, вызванное Богом к существованию, Творение возникает из небытия. Творение в изумлении оказывается лицом к лицу с Создателем, каждая тварь встречается со всеми Божьими созданиями. Какое изумление, какая радость! Это начало становления, которое в конечном итоге приведет к тому, что *Бог будет все во всем* (1 Кор 15:28), а человек, как говорит апостол Петр в своем Соборном послании, станет причастником Божественной жизни (ср. 2 Пет 1:4).

Это первая встреча является началом пути, ведущего к последней встрече, которая будет уже не встречей лицом к лицу, но сопричастием, совершенным, чудесным союзом, который приведет нас к полноте, к исполнению.

* Шартрский собор, 1970. Пер. с фр. Людмила Фирсова под ред. Елены Майданович.

И потом, когда человек отвернулся от своего Создателя, когда он оказался одиноким в мире, который предал, предав своего Бога, встреча продолжалась, но уже по-новому: Бог посылал Своих пророков, святых, Судей, Своих ангелов — чтобы указать нам обратную дорогу.

И когда настало время исполнения, главная встреча, Великая Встреча, истинная встреча осуществилась в Воплощении Христа. Бог стал человеком. Он жил среди нас во плоти: Бога можно было видеть, созерцать, прикасаться к Нему. Он исцелял больных. Слова, которые Он произнес и которые мы повторяем сейчас, сошли с Его уст и дали Жизнь, жизнь новую, жизнь вечную!

А рядом с Ним люди — мужчины, женщины, дети — начали встречаться совершенно по-новому. Они виделись и раньше, но в присутствии Живого Бога, ставшего человеком, они стали прозреть друг друга так, как не могли себе никогда представить.

Суд — и Спасение одновременно.

И вот уже который век длится наша встреча. Как и раньше, мы стоим лицом к лицу с нашим Богом. Как и раньше, среди нас присутствует Бог, Который возжелал стать человеком. Как и раньше, изо дня в день, из часа в час люди встречаются лицом к лицу, но по-новому, если только они признали в Иисусе из Назарета Сына Божия и через Него прозрели Бога Отца. Эта встреча продолжается, однако мы так мало осознаем ее важность, ее огромные возможности и ее требования.

И сегодня вечером, когда мы, разделенные христиане, встретились лицом к лицу с нашим Богом, с Богом, Которому мы поклоняемся, Которому хотим служить, с Богом, Который является нашим Учителем и нашим Господом, я хотел бы поговорить с вами об условиях успешной встречи и ее требованиях — ибо они велики!

Встреча — редкость, если употребить это слово во всей полноте его значения. Мы постоянно пересекаемся друг с другом. Мы постоянно сталкиваемся друг с другом. Мы также постоянно проходим мимо друг друга. Если подумать о прошедшем дне, сколько людей прошли рядом с нами, не видя нас, и сколько прохожих мы увидели, даже не заговорив с ними.

Однако каждый из них являл собой присутствие, образ Живого Бога, который встретился вам, которого, возможно

послал вам Сам Бог, чтобы сообщить вам нечто, или которого Бог послал вам, чтобы вы одарили его состраданием, любовью, пониманием. Чтобы встреча состоялась, недостаточно, чтобы случай свел нас и мы пересеклись на улице или вообще в жизни: надо, чтобы мы научились смотреть друг на друга, видеть друг друга, смотреть внимательным взглядом, стремясь уловить черты лица, его выражение, прочесть, о чем говорят глаза. Нам надо научиться не только в личностном плане, по отношению друг к другу, но и между общинами смотреть друг на друга, и порою всматриваться долго, глубоко, спрашивая себя: кто перед нами?

Наши христианские общины разделились много веков назад. На длительное время мы отвернулись друг от друга и все более отдалялись. А затем мы остановились. Затем мы снова повернулись друг к другу, чтобы увидеть того, кто был нашим братом — и стал нам чужим, а зачастую и противником. Но мы были слишком далеко, чтобы различить черты. Мы больше не могли разглядеть образ Божий в том, от кого мы отделились и кто нас покинул. И началось новое странствование, долгое странствование, которое снова нас сблизило. И сегодня мы достаточно близки для того, чтобы иметь возможность смотреть друг на друга, смотреть друг другу в глаза, проникать взглядом в самую глубину наших живых сердец, вглядываться в умы, оценивать поступки и увидеть во всем этом волю, устремленную к Богу.

А здесь необходимо так много доброй воли! Очень просто видеть в другом лишь то, что нас отталкивает и делает нас чужими. Очень легко видеть в тех, кто на нашей стороне, будь то в нашей христианской общине или политической партии, или одной с нами расы, только самые положительные качества.

Но как трудно быть справедливыми! И первый необходимый акт справедливости состоит в признании за другим права быть самим собой, а не просто жалкой копией того, чем являемся мы. Другой является Божьим созданием, но он не создан по нашему образу. Он обращен к Богу, не к нам. Он должен стать самим собой, а не просто подстраиваться под наши требования. И в этом заключен основоположный акт справедливости, но он порою таит в себе опасности. Прежде всего, физическую опасность: просто принять существова-

ние противника, того, кто нас отвергает, не признает, того, кто хотел бы убрать нас из жизни, — такой акт справедливости может дорого обойтись! Однако он может быть исполнен. Он может быть исполнен по любви. Он может быть исполнен по образу Креста Христова.

Признать за другим право быть самим собой и быть не похожим на нас — основополагающий акт справедливости, который позволит нам взглянуть на ближнего и не пытаться узнать себя в нем, но узнать его — и за ним узнать Господа. А затем мы должны научиться слушать друг друга и слышать. Вы, наверное, часто замечали, что в разговоре, когда мнения расходятся, пока ваш собеседник излагает свою точку зрения, изливает душу, пытается донести до вас свою мысль, вы, вместо того чтобы слушать то, что он говорит, пытаетесь собрать в его словах все то, на что вы сможете возразить, как только он замолчит (если, конечно, вам хватит терпения дожидаться, пока он закончит). Мы напрасно называем такой разговор диалогом. Один говорит, другой не слушает, а готовит свой ответ. А затем мы меняемся местами, и когда расходимся, оказывается, что ни тот, ни другой ничего не услышали. Бесполезно было и говорить, и слушать. Поэтому мы должны развивать в себе умение слушать. Слушать с желанием услышать. Не просто слова в том их значении, которое дается в словаре, не только фразы, которые узнаваемы для нас в силу того, что мы сами часто ими пользуемся. Но слушать и пытаться в слове, которое может быть неточным, которому может недоставать ясности, очевидности, пытаться уловить истинность выражаемой мысли, искренность сердца, желающего донести то, что ему дорого.

Как часто мы довольствуемся тем, что слышим слова и просто отвечаем на них — потому что если бы мы пошли дальше, если бы мы попытались уловить тон голоса, нам пришлось бы признать, что за самыми простыми словами стоит тревога. И нашим ответом должны были быть сочувствие, любовь, участие. Но ведь это опасно!

И поэтому мы слушаем слова и отзываемся на слова — на языке глухих.

Так продолжалось веками, и сейчас это происходит сплошь и рядом, даже в семьях, даже в монашеских общинах, повсюду. Это происходит также между христианскими общи-

нами: мы привязываемся к произнесенным словам, мы нападаем на них. А ведь иногда те скудные слова, которые произносятся, таят в себе такую глубину человеческой правды и христианской истины! Но мы не слушаем эти слова. Звучание души нас не интересует. Мы слышим просто пустые фразы.

Что же делать, чтобы попытаться увидеть, попытаться услышать?

Мне кажется, что первое правило, которое необходимо применить наряду с тем основным, что уже было упомянуто, это признание инаковости другого, признание, что он отличается от меня и что он имеет право быть другим, и что я не имею никакого права принуждать его быть похожим на меня. А из этого следует: надо научиться приближаться к другому в достаточной мере, чтобы увидеть его, но не настолько близко, чтобы потерять его из виду.

Я хотел бы использовать образ, чтобы вы поняли то, о чем я говорю. Когда вы хотите рассмотреть статую, одну из прекрасных статуй, которые, например, украшают Шартрский собор, каждый из вас, в зависимости от остроты зрения, просто от того, лучше вы видите издали или вблизи, становится от статуи на определенном расстоянии, которое будет для вас идеальным и позволит увидеть ее целиком, а также рассмотреть детали. Если вы отойдете слишком далеко, вы увидите лишь некую массу, которая становится все более бесформенной. Если вы подойдете слишком близко, вы рассмотрите мельчайшие детали, но от вашего внимания ускользнут выражение лица, черты, руки.

Мы должны учиться поступать так по отношению друг к другу: а именно, находиться на некотором расстоянии, чтобы освободиться от предрассудков, от ложного отношения. И в то же время быть достаточно близко, чтобы нас соединяла взаимная ответственность. А это также требует от нас усилия.

Идеальное расстояние, которое позволит нам увидеть статую, найти легко. Гораздо труднее найти расстояние, которое разделит нас с дорогим нам человеком. Зачастую мы желаем обладать и слишком приближаемся. А иногда мы, желая чувствовать себя в безопасности, слишком отдаляемся. Есть точка, которая является и опасной, и в то же время творческой в наших отношениях, — и мы должны научиться находить ее.

Но для этого, для того чтобы избавиться и от страха, и от жадности, мы должны научиться освобождаться от самих себя, от своего эгоизма; перестать считать себя центром всего и дать свободу и тем, кого мы встречаем, и себе самим. Для этого необходимо научиться видеть вещи и людей как объективные факты, представшие нам, чтобы мы восприняли их облик и ценность, не задаваясь вопросом, как они влияют на наше существование, нашу целостность, нашу жизнь, наши суждения.

В этой связи мне хотелось бы привести вам один пример из английской литературы. В книге «Канун дня всех святых» автор* описывает судьбу девушки, которая погибла в результате авиакатастрофы. Она всегда чувствовала себя чужой в окружавшем ее мире, потому что никогда не умела любить. Поэтому, покинув свое тело, которое было единственной нитью, связывавшей ее с внешним миром, она постепенно теряет его из виду. А внутреннего мира у нее никогда не было, для нее всегда существовала только она сама. И на протяжении всего романа мы видим, как ее душа открывает для себя мир, который она покинула и которому никогда не принадлежала, и тот мир, в который она должна попасть, но которому еще не принадлежит.

В какой-то момент она оказывается на берегу Темзы, той самой Темзы, которую она столько раз видела. Раньше эти тяжелые, грязные, вязкие воды, которые уносили с собой городские нечистоты, вызывали в ней лишь отвращение. Она всегда думала об этой воде, представляла, что надо погрузиться в ее глубины, представляла, что должна выпить этой воды. При этом ее всегда охватывало чувство отвращения, один вид этих вод отталкивал ее. Но теперь, когда у нее больше нет тела, осталась живая душа, а значит, она больше не может реагировать на эти тяжелые, грязные воды, как раньше, — она видит их глазами своей души, она видит их как факт, который никоим образом ее не касается. И в этот самый момент, когда эти воды предстают перед ней просто как факт, она начинает смотреть в глубь, минуя эту серую, тяжелую, грязную толщу. Она начинает различать все менее тяжелые и грязные слои воды, затем она видит полупрозрачные слои, затем про-

* Charles Williams. All Hallow's Day. Рус. пер.: Вильямс Ч. Канун дня всех святых. М.: Арда, 1999.

зрачные, и в самой сердцевине реки она обнаруживает ручеек прозрачной чистой воды, который можно увидеть лишь глазами души, — это первозданные воды, какими их задумал и сотворил Бог. А в глубине первозданных вод — сверкающий, блестящий поток воды: той воды, которую Христос дал самарянке (см. Ин гл. 4).

Я привожу вам этот образ, потому что он настолько противоречит всему тому, что постоянно делаем мы. Ведь мы, наоборот, сквозь светлую, ясную, прозрачную оболочку пытаемся отыскать где-то в глубине темные стороны человеческой души. Мы придираемся, вместо того чтобы стараться понять. И только освобождаясь от нашего постоянного чувства, будто все существует по отношению ко мне, в соответствии со мной, все вещи существуют, лишь поскольку я реагирую на них в своих интересах, только освобождаясь от этого чувства, мы можем начать видеть вещи в их истинном свете, какими они являются на самом деле.

Ясно, что это можно отнести не только к отдельному человеку, находящемуся рядом, но и к христианской общине, представители которой находятся рядом с нами, к человеческой группе — будь то люди одного цвета кожи, одной национальности, одной политической или социальной группы, которые стоят плечом к плечу с нами, а мы отказываемся видеть их нравственную целостность, ценность, значимость в глазах Бога, потому что для нас их существование имеет лишь один смысл: на пользу мне это или в ущерб?

Вот несколько пунктов, которые, если не возражаете, необходимо подчеркнуть, потому что если вы внимательно прочтете Евангелие, все Священное Писание, вы увидите, как Бог относится к нам.

Он нас возжелал, Он нас сотворил, Он явил нас во всем сиянии невинности и чистоты. А затем, когда мы, совершив предательство, отвернулись от Него, отвергли Его, передали мир, созданный Им, в руки князя мира сего и сил тьмы, Он принял эти новые обстоятельства. Он принял нас такими, какими мы стали. Он принял мир таким, каким мы его сделали. И Он принял решение стать человеком, стать распятым Христом. Вот ответ Бога на действия человека, противоречащие Его воле.

Он принял нас в акте такой справедливости, которая превосходит саму справедливость. Он признал за нами право

быть теми, кем мы являемся, и, видя, насколько безумным с нашей стороны является желание быть смертными, а не жить вечно, быть лишенными Бога и вечности, а не жить Божественной и вечной жизнью, Он решился стать человеком и жить среди нас, чтобы мы обóжились, как побег, который может быть привит к виноградной лозе, как черенок, привитый к маслине, о котором говорит апостол Павел (см. Рим 11:17 и слл.).

И Он умел слушать. Почитайте Евангелие, и вы увидите, сколько и как Христос слушает, как Он видит, как Он различает, как Он находит в толпе того, кто сможет ответить на Его призыв, или того, кому просто нужна Его любовь, Его сострадание, Его божественная любовь.

Посмотрите, как Он умеет быть совершенно, до конца солидарным страшной солидарностью, потому что это солидарность Креста и потому что Он умирает нашей смертью, чтобы мы жили Его жизнью. И насколько, в то же время, Он остается державно свободным по отношению к нам, свободным от наших требований, предлагая нам требования Божии, в которых — наше спасение, наша вечная жизнь.

Посмотрите также, как Христос умеет видеть каждого таким, какой он есть, и расплачиваться за наши поступки, и открывать нам двери вечной жизни. В одном месте Евангелия (это было во время Тайной Вечери с Его учениками) Он сказал нам: *Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам* (Ин 13:15).

Не с этого ли нам следует начинать?

Вот как относится к нам Господь. Не говорит ли нам Апостол: *Принимайте друг друга, как и Христос принял вас* (Рим 15:7)?

И мы деятельно устремлены к тому, чтобы открыть двери христианам различных конфессий, разных национальностей, совершенно различных групп и направлений. Мы можем смотреть друг на друга, смотреть на ближнего. Вы его видите? Обернитесь и посмотрите на того, кто рядом с вами. Когда вы выйдете, вы встретите его на улице. Посмотрите на него: вы встретили его в Царстве Божьем. Возможно ли, что мы больше не встретимся, когда окажемся по ту сторону двери? Возможно ли, что мы не увидим друг друга, пока находимся здесь? Вы не можете не видеть меня! Но смотрите

ли вы друг на друга? Вы, несомненно, сидите каждый в своей маленькой группке знакомых между собой людей. А что если нарушить близость этой группы и смешаться с теми, кого вы не знаете?

С этого и надо начинать. И когда мы постигнем эту простую и творческую науку встречи, когда мы научимся видеть и принимать друг друга, любить друг друга, т. е. умирать для себя, чтобы жить для и ради другого, мы сделаем тем самым большой шаг к единству, которого желал Христос, единству, в которое Он верил. Его вера в нас настолько совершенна, что Он отдал Свою жизнь, потому что не сомневался, что мы примем то, что Он возвестил нам и что Он пожертвовал собою не зря.

Возможно, я говорил слишком долго. Простите меня — но я хотел высказать вам все это, потому что мы, возможно, никогда не встретимся в этой жизни. Я хотел бы, чтобы эти несколько моментов, которые я сегодня изложил вам, заставили вас задуматься, а также послужили началом для непосредственного человеческого действия, из которого появится победа Господня.

*4-я международная конференция,
посвященная наследию
митрополита Антония Сурожского*

Игумен ПЕТР (МЕЩЕРИНОВ)

Видеть задание Божие

Человеческую жизнь можно рассматривать в разных аспектах. Самый важный из них — это отношения человека и Бога. Эти отношения невероятно богаты; до конца истории именно они останутся центром жизни человека, никогда не будут исчерпаны, никогда не будет ничего глубже и интереснее их. Со стороны человека они выражаются в поисках Бога, в вере, в познании Бога, часто — в недоумении перед путями Его, нередко — в претензиях Богу, в спорах с Ним, наконец, в детском предании себя Богу в любви и совершенном на Него уповании. Но эти отношения — не просто поиски человека; самое драгоценное в них — что они всегда двусторонни. Господь неизменно откликается на всякое движение души к Себе, и человек, ищущий Бога Живаго, знает и чувствует Его неизреченную любовь и милосердие и может засвидетельствовать, с каким уважением и принятием Бог относится к нему. Очень важной составляющей этих отношений является то, что Бог — наш великий и заботливый Учитель и Педагог. Он не хочет, чтобы мы были какими-то Его механическими игрушками; весь опыт духовной жизни говорит о том, что Бог в течение всей жизни учит и воспитывает человека и постоянно ставит перед ним то или иное задание. Многие люди не понимают двусторонности этих отношений; для них

религия — это некие односторонние усилия, внутренние или внешние, с надеждой на то, что в их земной жизни все будет хорошо, ну и в будущем они получают обещанное в Священном Писании воздаяние. Чтобы узнать и почувствовать эту драгоценную двусторонность, как раз и нужно постоянно видеть задание Божие по отношению к себе — и не только к себе, но и по отношению ко всей Церкви. Давайте попробуем поразмышлять о том задании Божиим, которое Он ставит перед Своей Церковью сегодня.

1. Не будем заходить далеко в историю — хотя, конечно же, тут самое пристальное внимание нужно было бы уделить двум эпохальным событиям: разделению Церкви в XI веке и Реформации в Западной Церкви XVI века. Но это нуждается в особом рассмотрении, далеко выходящем за формат доклада, поэтому ограничимся взглядом на XX век. Что мы видим?

Мы видим, что в XX веке как будто убираются, одна за другой, все внешние подпорки, на которые традиционно, веками и тысячелетиями, опиралась Церковь. В XX веке с лица земли исчезли все европейские империи, которые так или иначе строились на христианстве, получали от него свою легитимизацию и в свою очередь в той или иной мере покровительствовали и защищали Церковь. Российская, Австро-Венгерская, Германская империи разрушились, а Британская империя, формально оставшись, одну за другой отпускала свои колонии. Все больше набирал обороты процесс секуляризации — явление сложное, неоднозначное, на мой взгляд, отнюдь не только отрицательное. В контексте нашего рассуждения секуляризация — это прежде всего отъятие таких церковных подпорок, как традиционный уклад жизни, внешняя обязательность Церкви и религии вообще и т.п. Кроме того, очень важно здесь то, что уровень социальной защищенности людей в западной цивилизации все более и более повышался и совершенствовался. Это привело к тому, что многие внешние функции, традиционно свойственные Церкви, от нее отпали. Если раньше тяжело заболевшему человеку не оставалось ничего другого, как заказывать молебны, то теперь он прежде всего обратится к качественной медицине. Если раньше социальное призрение и защиту люди могли получить преимущественно у Церкви, то теперь эти функции взяли на себя общество и государство. Образование, искусство — все вышло

из подчинения Церкви и существует уже давно само по себе... и т.д. Таким образом, мы видим, что для людей отпадает всякая внерелигиозная мотивация для пребывания в Церкви — и это явилось следствием именно процесса отъятия от Церкви ее традиционных внешних подпорок.

2. Обратимся теперь от общеевропейских тенденций к нашим внутренним проблемам. В последние годы в нашей церковной жизни ясно выявилась одна вещь, требующая, на мой взгляд, самого пристального внимания. Я писал в свое время об этом и даже придумал термин «расцерковление», имея в виду пастырский и педагогический аспект дела. Что же это за явление?

В конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века в Русскую Церковь вошло множество людей, которые к настоящему моменту уже прошли длительный путь внутри воспрянувшей, предоставленной самой себе Церкви, освобожденной от гонений и притеснений; мало того, выросло новое поколение церковных людей. И вот через 25 лет церковной свободы нередко начинает обнаруживаться, что если серьезно и длительно сосредотачиваться на церковной жизни, то со временем в ней что-то перестает «срабатывать». Христиане перестают видеть смысл в постах, богослужениях, правилах, обрядовых и прочих церковных предписаниях — и это не какое-то «искушение», а действительно перестают, т.е. все это перестает питать души, оказывается исчерпанным, пройденным. Христос, так ярко вошедший в жизнь при начале воцерковления, скрывается и заслоняется церковной субкультурой. «Пробиваться» ко Христу становится все труднее и труднее. Прямой зависимости между хождением в церковь, молитвословием, постами, выстраиванием православного обихода и жизнью во Христе не оказывается.

Складывается такое впечатление, что наше поколение, пройдя через опыт этой четвертьвековой церковной жизни, испробовав многие пути — и традиционные, как, например, монашество, и те, которые принято именовать «модернистскими», как, скажем, общинность или евхаристичность, столкнулось с неким следующим этапом «отъятия подпорок» у Церкви, но теперь уже не внешних, а внутренних.

3. Как это объяснить? Как об этом судить? Как к этому относиться? Можно, конечно, искать здесь действия разном-

образных внешних и внутренних врагов. Но гораздо плодотворнее — посмотреть: а что через такое положение вещей хочет от нас Господь? какое задание Он ставит нам в этих обстоятельствах?

Чтобы ответить на этот вопрос, мне хочется вспомнить — назовем его так — «принцип лодки», о котором говорил С.С. Аверинцев. А именно: если человек видит, что все находящиеся в лодке сгрудились на одной ее стороне, он просто обязан, ради сохранения всех, кто в лодке, перейти на другую сторону, чтобы уравновесить лодку. Спрашивается: на какой стороне сегодня явный перевес? Мне представляется, что, стараясь осмыслить те проблемы «отъятия подпорок», на которые я указал, Церковь сегодня пытается вернуть свою жизнь в прошлое. Акцент здесь ставится на исторических, социальных и культурных традициях Церкви, возврат к которым и явился бы решением вышеозначенных проблем. Таким образом, происходит некая, если можно так выразиться, «пере-историзация» Церкви, и на второй, а то и на третий план, сравнительно с апелляцией к истории, культуре, традиции, оттесняется собственно духовное и вечное содержание христианства — непосредственная духовная христианская жизнь, сущностная внеисторичность этой жизни, когда Христос выводит человека из-под стихий скоромимопреходящего мира сего, когда жизнь во Христе происходит для христианина здесь, сейчас и независимо ни от чего, ни от истории, ни от культуры, ни от каких бы то ни было внешних факторов. Иными словами говоря, наша лодка накрена сегодня в сторону некоторого выпячивания роли внешнего, земного, исторического проявления Церкви в ущерб ее пониманию (и практическому осуществлению) как Тела Христова.

Прежде чем продолжить, я хотел бы особо подчеркнуть замечательное свойство, «доброкачественность» «принципа лодки»: в лодке невозможно что-то вовсе отменить, невозможно вовсе упразднить второй борт. Не случайно с древних времен одним из символов Церкви является корабль, лучшее состояние которого — равновесие. Так же, как нельзя всем переходить только на борт истории и традиции, оставляя без внимания вышеисторическую, вышекультурную и выше-традиционную суть, так же нельзя и отрицать историческое и культурное значение Церкви, создавшей великую христи-

анскую цивилизацию, плодами которой мы питаемся до сих пор. Поэтому, сказав о некоем сегодняшнем перевесе в сторону институциональности Церкви и об ослаблении внимания к духовной ее стороне, нужно сказать несколько слов и о норме этой самой институциональности.

4. Как, собственно говоря, соотносится мистическое, внеисторическое, обращенное к каждому человеку Тело Христово и внешняя церковная институциональность? Здесь сразу нужно отметить, что под «внешней институциональностью» я понимаю отнюдь не только структуры административного церковного управления, но прежде всего как раз исторически сложившиеся традиционные формы проповеди Слова Божия и преподания Таинств, богослужения, канонической церковной дисциплины и т.п.

Такой «точкой соприкосновения», если смотреть с позиции именно христианской духовной жизни, является личное богообщение — и ничто, кроме него. Богообщение — это акт и одновременно процесс соединения человека с Богом во Иисусе Христе Святым Духом. Здесь, в этой «точке богообщения» человек самым фактом такого единения становится членом Тела Христова. Это единственное в своем роде внутреннее мистическое действие и составляет суть Церкви.

Из этого очевиден принцип всякого церковного действия. Он заключается в следующем. Акт / процесс богообщения не прирожден человеку. Богообщение входит в него, согласно Писанию, как сверхприродное явление (Ин. 3, 3), возрастает и укрепляется в нем на протяжении всей его жизни (Мф. 13, 31–32; 13, 33; Фил. 3, 12–14), под определенными условиями (Мф. 19, 17), охватывая человека во всей его целостности (1 Фесс. 5, 23). Поэтому богообщение нуждается в некоем «обуславливании», начале, «обставлении», возвращении и охране. На этом, собственно, и зиждется церковная институциональность, т.е. внешнее оформление и выявление Церкви, а именно: приобщать богообщению, создавая условия для жизни человека во Христе. Вот задача земной Церкви. Для того чтобы возвестить человеку дар богообщения, Церкви вручено Слово Божие. Для того чтобы вложить в человека семя богообщения, чтобы охранять и возвращать его, Церкви даны Таинства. Для того чтобы человек мог знать, как ему правильно распорядиться получен-

ным даром благодати и должным образом действовать, идя по пути следования Христу, в Церкви содержится опыт богообщения всех христиан, опыт веры, действующей любовью (Гал. 5, 6), что составляет Священное Предание. Только из приобщившихся Христу личностей создается церковная община, и никак не наоборот. Только личное соединение со Христом и во Христе со всеми членами Церкви одушевляет Евхаристию. Только лично живущие во Христе люди создают великую историю и культуру.

Итак, мы видим, что корень церковной жизни — это личное богообщение, а все, что есть в Церкви, только лишь средство для этого. В условиях падшего несовершенного земного бытия нередко происходит так, что средство выходит за свои рамки, стремясь стать целью, чем-то самоценным. Этого не избегает и церковный корабль в своем странствовании по волнам житейского моря. И сегодня, как мне представляется, очевиден — о чем я уже сказал — крен в эту сторону «пере-историзации» и «пере-институционализации» Церкви, простите за такие корявые слова. Но так как всякая церковная институция существует только ради богообщения, то из этого видно и задание Божие, находящееся на другой, почти оголившейся части лодки, — христианский, свободный, ответственный, зрелый, взрослый персонализм.

И здесь получают оправдание те исторические процессы, о которых мы говорили вначале. Любая убаирующая подпорка из-под здания институциональной Церкви — будь то покровительство империи, или многовековая традиция жизни, или те или иные элементы церковной субкультуры — должна замениться внутренним содержанием. И особенность сегодняшнего момента в том, что посредством обрушения подпорок, о котором мы ведем речь, становится ясно видно, что именно хочет Господь от Своей Церкви: чтобы она повзрослела, пришла не во вчерашнюю или позавчерашнюю, но сегодняшнюю меру совершенства и стала не только лишь внешним сообществом людей, связанных историей, традицией, культурой и церковным обрядом, но прежде всего духовным союзом зрелых христианских личностей, живым и действенным Телом Христовым.

5. Такой христианский персонализм требует, конечно же, соответствующего церковного воспитания. Я много пи-

сал о нашей главной, на мой взгляд, сегодняшней проблеме — о недоразвитости и несформированности церковной педагогики, когда опыт обрядового воцерковления становится у нас нормой всей христианской жизни, когда растущему и взрослеющему христианину не предлагаются дальнейшие шаги в христианской жизни. А при этом у людей существует огромная жажда Слова Божия; только удовлетворяют ее прежде всего не слова, а образ и образец жизни.

И, собственно, я и подошел тут к владыке Антонию. Я не процитировал ни одного его высказывания, но я хотел бы особенно подчеркнуть пример его жизни. Владыка Антоний и являлся образцом того христианского церковного персонализма, о котором я говорю. Он воспринимал и переживал Евангелие непосредственно и лично — «надмирно», если хотите, а не только лишь исторически, культурно и традиционно. Будучи епископом Церкви, а следовательно, вполне институциональным ее служителем, он приводил людей не в какую-либо субкультуру, а к Богу и к самим себе во Христе, являя Церковь именно как Тело Христово, как Царство веры и любви, мира и простоты, как вневременное и уже отчасти данное человеку Царство Божие. Здесь усматривается и практическое следствие, можно сказать, «общественное действие» этого христианского персонализма: в лице владыки Антония Церковь образцово осуществляла и свою институциональную задачу — чистого возвещения Слова Божия и правого употребления Таинств по установлению Христову, и все это не как цель, не само по себе, но в качестве богоустановленного средства для стяжания каждой личностью богообщения, жизни во Христе.

Итак, воспользовавшись примером жизни владыки Антония, его пониманием и проживанием православной церковности, мы сможем увидеть задание Божие в наших сегодняшних обстоятельствах. А увидеть Бога, прикоснуться к Нему, пусть даже и когда Он ставит перед нами сложные задачи и даже и наказывает нас, — это всегда радость и счастье. Если же мы обретаем эту радость посредством примера владыки Антония — это значит, что он и до сих пор продолжает совершать свое пастырское служение, являя ту церковную педагогику, которая — в свете этого Божьего задания — столь актуальна и востребована сегодня.

Видеть, смотреть, не отворачиваться

Как уже не раз бывало, это сообщение представляет собой не столько связный и последовательный доклад, сколько попытку размышлений над словами Владыки и вместе с тем попытку сделать еще один шаг в том же направлении — с ним, но без него.

I. Мученик до религий, жертва, Авель — основной миф: учиться видеть

В одной беседе во время рождественского говения Владыка говорит: «Христос вступает, как младенец, вступает со всей беззащитностью новорожденного младенца, со всей уязвимостью, со всем бессилием, и как всякий младенец, или просто говоря, — как самая любовь, человеческая и Божественная, вступая в этот мир, Он отдается полностью во власть тех, кто Его окружает; Христос рождается, чтобы умереть» (БВЦ стр.176). Владыка здесь называет основные признаки жертвы: беззащитность, уязвимость и бессилие. И дает образ жертвы — младенец. Это то, как мне кажется, что он призывает нас **видеть**. Мы должны увидеть, что в основе домостроительства нашего спасения лежит *жертва* в узком, буквальном смысле слова. Невинный младенец, который должен умереть.

Что означает «в основе», «прежде всего», «в начале» — если мы можем мыслить это не хронологически? Обращаясь к началу Бытия, Владыка говорит, перефразируя Булгакова: «все образы Кн. Бытия истинны в том смысле, что они сообщают о подлинных вещах, но они не их точное описание» (ПБ стр.83). К понятию *метаистории* Владыка обращается не один раз. Он размышляет постоянно о начале творения, о первых людях — Адаме и Еве и об их детях. Однако

из этих двоих сыновей он больше говорит о Каине, ставит о нем вопросы: почему жертва Каина не была угодна Богу? Зачем Каин убил Авеля? Что означает, что Бог поставил на чело Каина печать? Собственно об Авеле, о его личности и поведении Владыка говорит немного (а я уже не раз возвращалась к этому образу, в том числе и на наших конференциях), но вспоминает его в очень существенный для всякого христианина миг, когда говорит о первых словах молитвы Господней:

«Когда мы говорим *“Отче наш”*, в нас должен подниматься голос всех тех, которые подобно нам — изменники, подобно нам — пали, подобно нам — ушли из отчего дома в страну далекую. И это является как бы коренным, абсолютно необходимым условием. Потому что Царство Божие — это царство взаимной любви... И в момент, когда мы называем Бога — Отцом, мы должны усилием веры, усилием воли, усилием всего своего существа признать, что все мы — братья и сестры. Да, есть братья близкие и сестры близкие, есть и далекие, но не нам судить. В начале Книги Бытия мы видим, что одного брата звали Авелем, другого — Каином. Каин убил Авеля, но Абель не противился... И в течение всей истории нашей христианской веры у всякой жертвы, у всякого мученика была власть именем Божиим прощать. Как Христос сказал: *Прости им, Отче, они не знают, что творят*».

Мы видим, что Владыка рассказывает нам здесь об Авеле как о первом мученике, образце всякого мученика. Такова традиция Церкви. Но Владыка добавляет к этому еще кое-что. Он говорит — *жертва*. Об Авеле, именно как о жертве я и хотела бы подумать вслух.

Как мы все хорошо помним, Абель как персонаж представлен в Библии небогато. Ему посвящено семь стихов во всем Ветхом Завете. При этом активным агентом он выступает только в одном стихе, а именно — Бытие 4:4. Что же мы знаем о нем? Во-первых — имя. Г’эвель, Абель — один из немногих персонажей в первых главах Библии, чье имя вводится без всяких объяснений. Несколькими стихами выше объясняется имя Евы, в предыдущем — имя Каина, затем появляется Абель: «И еще родила брата его, Авеля. И был Абель пастырь овец, а Каин был земледелец» (Бытие 4:2). Слово «г’эвэль» — довольно редкое, означает «пыль, прах, го-

нимый ветром или дуновением», в переносном смысле употребляется в знаменитом афоризме Экклезиаста — «Г'эвель г'авалим» — «суета сует». Мне представляется, что в применении к первопредку — никто более этого имени в Библии не носит — это означает просто «смертный» — тот, чьи дни на земле не долги.

Но это не все. В библейском иврите это слово редкое, и никаких семантически важных производных у него нет. Однако в индоевропейских языках и мифологии слово этой семантики имеет богатую историю.

Русское слово «пыль», славянское «персть, прах», общеславянское «пороша» родственны санскритскому «пуруша». Это слово означает «пыль, грязь, человек» (как на иврите Адам — глина). Однако Пуруша, мифологический персонаж индуистского пантеона — не просто первый человек, подобный Адаму. Он проточеловек — первое творение богов. Они убили его, безгрешного, пассивного Пурушу и из его тела сотворили мир и человечество. Таким образом, мы видим, что Пуруша связан не только с Адамом, но и с Авелем — как жертвой и как исчезнувшим стремительно и бесследно — «порошей». Это не все. В русском языке слово «пороша» утратило значение пыли, которое когда-то имело, но сохранило другое: пороша — снежная пыль. Почему это важно? По-древнеисландски то же слово, которое на санскрите «пуруша», а по-славянски «пороша», читается как «фхрос», что означает — «иней». Мы помним, как с точки зрения скандинавской мифологии появился мир. Иней появился по краям мировой бездны. И из этого инея возник первый инеистый великан (Хримтурс), по имени Имир. Этого первого инеистого великана убили боги и сотворили из него мир земной и даже свой, божественный — Асгард. Первочеловек — жертва, из которого сотворен мир, — это, разумеется, общемировой архетип. Таков китайский Пань Гу и многие другие. Существуют и вариации, в которых он представлен младенцем. Таков миф о Дионисе-Загрее, сыне Зевса, младенце, которого титаны разорвали на части. В мифологии орфиков младенец Загрей приобретает отчетливые черты жертвы, принесенной при сотворении мира. Однако ближневосточная мифология, в которой естественно искать корни ветхозаветной образности, такого персонажа как будто не знает. Существует

целый круг мифов о Думмузи, боге-жертве, боге-страдальце, боге-пастухе, которого часто вспоминают как раз в связи с Авелем. Он выигрывает в соперничестве с богом-земледельцем за руку богини Инанны. И по ее же наущению он гибнет и вынужден проводить половину времени в подземном царстве. Однако страдалец Думмузи ни в одном мифе не помещен в начало мира. И ни по имени, ни сюжетно не ассоциируется со смертностью, прахом, творением. А шумерские и аккадские мифы о сотворении мира рассказывают о гибели чудовища-праматери Тиамат, из тела которой верховный бог Вавилона Мардук творит мир. Однако Тиамат очень мало напоминает невинную жертву. У нее есть мало того что хвост, но клыки, рога, ядовитые зубы, и она непрерывно изрыгает огонь и распространяет зловоние.

Итак, в ближневосточной религиозной культуре и мифологии персонажа, соответствующего архетипу младенца-жертвы, видимо нет.

И очевидным образом в ветхозаветной традиции нет такого персонажа, и это отсутствие важно, мне кажется, оно зияет на месте некоего умолчания о бывшем герое мифа. Мы предполагаем, исходя из тех этимологических совпадений, о которых говорили выше, что Авель мифологически тождественен Пуруше, Имиру и иным мифологическим персонажам, соответствующим архетипу прачеловека-жертвы.

В мандейской религии Авель (Хибил) почти занимает место Христа, он не земной сын Адама и Евы, а небесный проточеловек, посланный на землю, чтобы пострадать. Это — самостоятельная традиция. Она связывает образ первого Адама, в котором находилось все сущее, известный в традиции иудаизма (Адам Кадмон), с индоевропейским образом первой жертвы.

Заметим, что если эта гипотеза справедлива, она приводит нас к заключению, что «основной миф», о котором постоянно говорит современная наука о мифах и религиях, — это вовсе не миф о громовнике-змееборце, а миф о жертве, разорванной на куски, о зерне, упавшем в землю и умершем... о Христе.

Это означает, что в прабиблейской мифологии, в метастории Авель был тем первочеловеком — жертвой, из которого сотворен мир.

II. Мученик — в основе богословия и богослужения: учиться смотреть

Мы можем ощутить этот исчезнувший миф и в Новом Завете, разумеется, в богословски переосмысленном виде, в статусе образа, а не факта, в том, что Христос — это Агнец, закланный до сотворения мира. Вот как об этом рассказывает Владыка, опираясь на протопопа Аввакума: «Бог Отец, Премудрая Любовь, обращается к Сыну Своему, Которым всему надлежит быть созданным, и говорит Ему: Сыне, сотворим мир! — И Сын отвечает: Да, Отче! — И Отец говорит Сыну: Да; но этот мир отпадет от Нас — в грех, и для того, чтобы его спасти, Тебе надо будет стать человеком и умереть. И Сын отвечает: Да будет так, Отче! И советом, любовью, всемогуществом Св. Троицы создается тот мир, в котором мы живем, не такой, каким его сделало человеческое отпадение... а тот, в совершенной гармонии с Богом...» (БВЦ, стр.192).

И дальше в Новом Завете и в церковной традиции Авель служит образом Христа.

Владыка говорит, что это отражает действительное положение вещей в горнем, непредставимом мире. Трагедия не только в основе мироздания, в начале творения мира, она — раньше и больше. В этом пункте, мне кажется, то, как Владыка учит нас видеть, переходит в то, на что Владыка хочет нас научить **смотреть**, вглядываться в некую *тайну*.

Тайну того, что Божья любовь трагична. При этом, как указывает Е.Ю. Садовникова, Владыка не устает напоминать, что слово «трагедия» происходит от слова, которое в древнегреческом обозначало жертвенное животное. «Мы забываем об этом, в действительности мы об этом умалчиваем. В Боге присутствует трагедия, потому что Он Бог любви. Вы можете спросить: разве возможно, чтобы человек стал причиной воздействия на Бога, ранил его своим решением? Нет, не совсем так, и это делает ситуацию еще серьезнее. Потому что Трагедия присутствует в самом Бытии Святой Троицы. В начале утрени... священник произносит: “Слава Святей, Единосущней, Животворящей и Нераздельней Троице”, и в момент, когда он произносит эти слова, он совершает кадилом крестное знамение, вписывая крест в провозглашение

Святой Троицы». Владыка, прибегая к образам внутрисемейных отношений, объясняет (исходя из Григория Богослова), как двоица Лиц становится единой и третий каждый раз готов отступить. Св. Троица, согласно Владыке, — «Это Бог, в Котором присутствует трагедия, Бог, в Котором любовь и смерть как бы одно и то же, в Котором взаимная любовь означает обоюдную предельную жертвенность». Мученик внутри Св.Троицы — это тайна Вознесения, в ней смысл утрени.

Продолжая эти мысли, Владыка говорит, что таково все богослужение. Такова не только «метаистория», мистическая космогония, подтекст Священной истории. Такова и каждая проскомидия, с этого начинается повседневная литургия, так бьется сердце мира. Как говорит Владыка: «Хлеб в этот момент становится трагическим образом Христа». Поэтому Владыка всегда подчеркивает, что на проскомидии можно молиться за всех, крещеных и некрещеных, православных и неправославных. Из Голгофы мира никто не может быть исключен, все мы в равной мере живем за счет невинной жертвы. Хотя мы этого не хотим видеть, как напоминает Владыка: когда он первый раз поделился этим опытом, опытом созерцания возношения Даров как Голгофы, он получил в ответ много возмущенных откликов, возражений: Литургия — это Пасха, это вторжение Царства в нашу жизнь, Голгофы в ней нет! Владыка продолжает настаивать на этом. Вера, затем христианство, затем православное богослужение (утрени — трагедия Св. Троицы, вечерня — трагедия Симеона Богоприимца, «он шел умирать»..., Голгофа Литургии и Часов) ведут нас в сердце этой истины, но мы не можем принять ее и отворачиваемся.

III. Мученик: Владыка, отец Павел — в основе христианской общины: учиться не отворачиваться

Теперь от того, что, как мне кажется, Владыка научил нас видеть в метаистории, и от того, во что он научил нас всматриваться во вневременной Гологофе литургии, нам надо перейти к трагедии человеческой истории, то есть к тому, от чего Владыка призывает нас **не отворачиваться**.

1. Мы знаем и сами и можем объяснить, почему жизнь есть жертва, почему жертва лежит в основе всех человеческих отношений, христианства, общины и семьи. Но, размышляя об этом, мы, как мне кажется, как правило, думаем о добровольной жертве, являющейся человеческим отображением жертвенной любви внутри Святой Троицы. Однако образ Авеля взывает к тому, чтобы задуматься о другом, о жертве невольной: о доходагах, безвестных узниках, о тех, кто никому не дорог, о ком никто не хочет вспоминать и думать, потому что мы не хотим сказать себе, что именно на их месте мы все и оказались бы в предельных испытаниях. Это и есть невинная жертва, человек, лежащий на дне жизненного потока.

2. Кажется, что ниже падать некуда, вот он — Абель, из которого мир создан, его кровью пропитана земля, и она кричит о нем, но никто не слышит. Человек без имени, без лица, лагерная пыль. Но Владыка заставляет нас спуститься еще ниже. Все мы, наверное, помним его рассказ о встрече с предателем: «иногда лик страдания безобразен, лик страдания отталкивает нас. Однако и это может нас привести к сложной встрече именно со Христом и к пониманию чего-то по отношению к человеку и ко Христу. После освобождения Парижа стали искать и выискивать, ловить и вылавливать тех людей, которые сотрудничали с немцами, предавали и продавали других людей на смерть и на муку. Такой человек был и в том квартале, где я жил, и он сыграл очень страшную роль в судьбе многих людей. Его нашли и словили. Я выходил из дому, и шла толпа: этого человека влекли. Его одели в шутовскую одежду, сбрили волосы с полголовы, он был весь покрыт помоями, на нем были следы ударов, и он шел, окруженный толпой, по тем улицам, где занимался предательствами. Этот человек был безусловно плох, безусловно преступен; какой-то суд над ним и суждение о нем были справедливы. Через некоторое время я оказался в метро и ждал, пока придет поезд; и вдруг мне стало совершенно ясно, что именно так какие-то люди видели Христа, когда Его вели на распятие...

Мы видим во Христе Божественного мученика, но тысячи людей видели в Нем другое. По их мнению, этот человек возмущал народ, был политической опасностью, потому что из-за него римляне могли прийти, занять всю страну и взять

все в свои руки, оккупировать ее; он был смутян и в области веры, проповедовал кошунственный образ Бога; он был взят, его судили, его — как, вероятно, и теперь — били и наконец осудили на смерть. Точно та же самая картина, никакой разницы. Разница начинается там, где появляется наша вера во Христа и где мы видим Его новыми глазами. Но просто глазами можно было видеть тогда, в Иерусалиме, — битого, измученного человека, идущего под конвоем, с кнутами на казнь, которую Он заслужил. Тут совершается встреча совершенно другого рода: встреча человека с человеком, но в свете Христа или под сенью креста.

Такого человека христианин не может просто воспринять как преступника, который идет к заслуженной казни. Потому что он как бы проектируется на фон другого человека по имени Иисус из Назарета, о Котором думали точно-точно то же самое, к Которому отнеслись так же, Который тоже умер. И тут поднимается вопрос о том, как мы можем в свете этого судить о человеке и судить человека... На разных планах — разное; об этом я сейчас говорить не хочу, но это видение обезображенного человека, это видение страдания отвратительного мы должны тоже воспринять как встречу». («О встрече»).

3. Неблагоразумный разбойник (люди сумрака) и благоразумный разбойник

Ниже — нет ничего, но есть рядом. И это — главное, от чего мы отворачиваемся, от себя и своего выбора. Неблагоразумный разбойник молится так: «Разве ты — не Христос, спаси же себя и нас!» А разве мы все не молимся так? Спаси его, Господи! Если ты — Господь, ты должен его спасти!! Ты не спас его, значит, ты — не Господь... Это самая обычная вера, это — наша теодицея, все иное — это святость, о которой нам позавчера рассказали, — переписка о.Михаила Шика с женой, Натальей Дмитриевной, об их больном сыне.

Вера благоразумного разбойника, как мне кажется, не отличается качественно от веры его сомученика. Она больше всего напоминает веру доброго рыцаря Майлса из «Принца и нищего» в королевское происхождение нищего мальчика. Взрослому сотоварищу он сообщает реплику в сторону: «Он ничего дурного не сделал», т.е. он невинная жертва, младенец, блаженный, не обижай его, а Спасителя утешительно и неж-

но просит: «Иисус, вспомни обо мне, когда Ты придешь как царь», т.е. дай мне тогда привилегию сидеть в Твоем присутствии... И как было бы хорошо, чтобы Ты пришел как Царь, а не как блаженный, беззащитный человек, Которого распинают по равнодушию! Это даже немножко меньше, чем просьба помочь неверию, зато это — предел человеческой любви. Распятый, благоразумный разбойник думает не о себе, чужую боль ощущает больней своей, заведомо нестерпимой. И Распятый Бог отвечает ему: «СЕГОДНЯ СО МНОЮ...» — т.е. а Я уже сейчас Царь. И ты со Мной — в раю. Христос единственный раз произносит это странное слово: пардес, парадиз, сад — на Кресте. Итак, выбор нашей жизни, выбор, от которого мы отворачиваемся, — это выбор между адом и раем, но не между Крестом и его отсутствием. Это в самом деле — выбор Панурга: между повешением и расстрелом, а молочный суп выбрать никому из взрослых не дано. Обычно мы хотим сойти с Креста, т.е. выбираем как неблагоразумный разбойник: оказавшись рядом со Христом, мы требуем от Него того, что нам очень нужно, и отворачиваемся от Него, когда Он не дает. И испытываем нескончаемую безнадежную боль... это — ад. А рай здесь, на земле — это тот же Крест, *Conditio humana*. Но заодно с Христом (правда, там еще сказано «будешь», но эта надежда — за пределами нашего опыта и знания). Страдать с Ним вместе, так же как Он, — это ли не высшая радость святого? Мы и об этом слышали в письмах о. Михаила... и от этой радости очень хочется отвернуться.

Не думать об этом, отворачиваться, значит — убить, как Каин Авеля, и это, собственно, и происходит повсеместно, постоянно во всех человеческих отношениях, во всей истории. Владыка говорит: «Каин отверг Авеля, он отказался от самого его существования и убил. И однако даже он не может избежать того факта, что человечество остается единым. И он остается частью его, и в его жизни есть трагедия, которой нет простого решения. Смерть Авеля не освободила его от Авеля. Авель тут как проблема большая, когда он убит, чем он был загадкой, когда он был в живых» (Труды).

4. Владыка — мученик

Не всегда мученичество предстает нам в окровавленных одеждах, с пальмовой ветвью в руках, оно может быть не слишком заметным при жизни святого. Мы помним, что

только стоя над гробом протопопа Савелия Туберозова, дьякон Ахилла «теперь понимал все, чего хотел и о чем заботился покойный Савелий, и назвал усопшего мучеником».

Мы все знаем, с чего началось для будущего владыки Антония откровение христианства: «Помню, я отложил книгу и подумал “Я хочу быть с Богом, и даже если меня будут жечь живьем, я все равно буду любить людей, которые это делают, потому что хочу быть с Богом”». Ему было тогда 14 лет. Заканчивая последние русские беседы 2002 года, Владыка говорит: «есть люди, которые говорят, что пока я здесь, ничего никуда не двинется. Не теряйте надежды: мне скоро будет 89 лет, и жить мне не придется без конца, поэтому вы от меня отделаетесь вовремя. И если к тому времени вы успеете создать что-нибудь стоящее, тогда вы будете радоваться и моему уходу, и тому, что вы создали, а я буду ликовать за вас, и, чем смогу, сотрудничать» (Труды 2, стр.55).

Прошло 75 лет с тех пор, как он принял решение — любить до конца жертвенной любовью, и в этих словах звучит завершение пути, начатого тогда, пути жертвы. И как он собирается сотрудничать с теми, кто ждет его смерти? Сотрудничать — оттуда? *Пушкинское «не я увижу»*... Владыка принят и усвоен поверхностью церковной жизни, но я думаю, мы все знаем, и те, к кому он тогда прямо обращался, ободряя их тем, что скоро умрет, и те, кто, спустя десять лет скорбит о нем, что и он, как тот, кого разорвали на куски, остается сейчас бóльшей проблемой. Бóльшего требует от Церкви, чем даже тогда.

5. Церковь — гонимое сообщество

Ведь вся наша современная церковная действительность построена на попытке отвернуться от того, что Церковь в истории — это гонимое сообщество. Она не может быть другой, — Христос все сказал заранее! «Меня гнали — и вас будут гнать». Никакого, так сказать, здесь разнообразия не предложено... Однако совсем недавно мы услышали и увидели, например, на улицах Москвы кощунственные лозунги, выкрикиваемые и натянутые через главные площади столицы: «Православным быть выгодно». Эту антихристову ложь не опровергла публично наша Церковь.

Мне кажется, что десять лет назад Лаодикийский, если так можно выразиться, период жизни нашей Церкви был в

самом расцвете. В двух словах поясню, что я под этим подразумеваю. Я думаю, что сейчас русское Православие, подобно огромной реке, растекается на несколько потоков. Первый, еще недавно — основной, — можно условно назвать Лаодикийским. Это та ветвь Церкви, которая «не холодна и не горяча», она строит храмы там, где это удобно местной администрации, ставит в армию капелланов, а в школы — преподавателей основ православной культуры, она живет в согласии с начальством, в мире с собой — ей принадлежит настоящее. Но не будущее. Десять лет назад скандалы, потрясшие нашу церковную жизнь в последние полтора-два года, были еще впереди. Храм Христа Спасителя сиял неопозоренным золотом, подавляющее большинство думающих людей называли себя православными или симпатизирующими православию. И многим казалось (казалось, боюсь, и мне), что можно гармонично сочетать в своей церковной, общественной и частной жизни стремление к бытовому благополучию, добрые отношения с начальством и верность Христу. Сейчас, я думаю, Лаодикийский период заканчивается. То, что Церковь — гонимое сообщество, становится все более и более очевидным. Некоторые закономерности церковной жизни, законы выживания и проживания гонимого сообщества замечаются только тогда, когда прошли и их нет больше или когда они сочетаются с небывалым. Например, Сурожская епархия была во всем уникальна; прежде всего в том, что во главе ее полвека стоял Владыка и все прихожане Успенского собора, все верующие епархии могли взирать на «человеческий образец», по слову Бонхёффера. Ведь Владыка был образцом наглядным и живым, и нам нужен образец, на которого можно смотреть и трогать его, а не только знать и помнить о нем. Однако то, что мы слышали от Ирины Яновны фон Шлиппе о том, как все в епархии происходило в соборном согласии и на ответственности самих прихожан (например, когда был ремонт собора, его покрасил целиком один прихожанин, и даже краску покупал на свои деньги), о том, что все делалось бесплатно, за счет прихожан и их единственного усилия, как в храме, так и во всей епархии; хотя это удивительно сейчас слышать, но само по себе это закономерно: так только и может жить гонимое сообщество или меньшинство. Точно так же очень многое из того, что мы знаем про самостоятельную

ответственную жизнь Сурожской епархии, является нормой, например, в жизни Преображенского содружества малых братств, называемого в просторечии «кочетковцами». Будучи гонимым сообществом, они, разумеется, сами, в своей среде, если им нужно построить дом, зовут и архитектора, и плотника, и на свои средства покупают бревна — а кто извне им что-то даст?

Мне кажется, что реальность Церкви как гонимого сообщества в целом в некотором смысле обеспечивалась советской властью, и трагедия Церкви последних десятилетий состоит в том, что советская власть эту реальность перестала обеспечивать. Церковь перестала во внешнем мире быть гонимым сообществом, но она не может перестать быть гонимой, потому что это суть Церкви. Она — Тело Христово, а Тело Христово ломится за своих гонителей. И как бы ни хотелось об этом забыть, забыть об этом не удастся. И мне кажется поэтому, что, может быть, те события, которые заставляют всех нас так тяжело страдать, в каком-то смысле служат ко благу. Итак, по-моему, Лаодикийский период заканчивается. В начале этого года его конец был обозначен для меня, но, думаю, не только для меня, такой вехой, как разрушение приходской общины села Заостровье. Люди там жили по Евангелию, и на этот, как выразилась Ольга Александровна Седакова, «труд любви» поднялась рука не у светских властей. Люди, служащие в церкви, не захотели видеть перед собой этот пример и постарались его оклеветать и уничтожить. Эта откровенность «церковного двойника», по слову С.И. Фуделя, поставила под сомнение сам образ того «учреждения», в которое, как написал однажды Владыка, «мы сумели превратить Церковь, большую мира». Мне кажется, что в настоящий момент прежний исторический период совсем закончился, началась новая *грозная* эпоха; «время христианствует», как говорила мать Мария. Мученическая кончина отца Павла Адельгейма (кстати, первый день нашей конференции выпал на его сороковины), преданного почитателя Владыки и образцового воина Христова, случившаяся на следующий день после десятилетия кончины Владыки, знаменует завершение целой эпохи нашего церковного лицемерия. Фарисеи строят гроб-

ницы пророкам, клянутся именем Владыки, служат панихиды по отцу Павлу... Мы знали, что ведет к смерти Владыку, я только что привела его слова. Мы знали, в конце концов, что на отца Павла уже совершалось покушение, мы — отворачивались. Когда в церковной ограде начинаются гонения на Церковь Христову, мы больше не можем отворачиваться.

Я, конечно, не знаю, что обещает нам новая церковная эпоха, у какого края мы стоим. Мне кажется, надо доверять совету Владыки: «Верить в историю человеческого рода, — советует нам Владыка. — Верить в предназначение мира. В то, что все происходящее в мире — часть его постепенного восхождения, через взлеты и падения, трагедию и славу к откровению грядущего Бога».

14 сентября 2013 г., церковное новолетие

Николай Афанасьев (1893–1966)

*Биографический очерк**

Николай Афанасьев родился в Одессе, городе столь красивом, столь причудливом, где смешаны народы и культуры, столь средиземноморском и столь западном, в целом же столь глубоко русском, но, конечно, как это характерно для юга России. Не отсюда ли чрезвычайная сложность натуры Николая Афанасьева, человека весьма средиземноморского по облику и характеру, весьма западного по мышлению и так глубоко, так очевидно русского сердцем?

Рано лишившись отца, присяжного поверенного в Одессе, он был воспитан тремя женщинами — своей матерью, бабушкой и няней — и провел детство и юность со своей младшей сестрой в уютной, озаренной теплым, традиционным благочестием атмосфере патриархальной русской семьи. Его жизнь проходила между Одессой, гимназией, каникулами на даче (*propriété familiale*) или иногда на берегу моря. Всю жизнь у него сохранялась ностальгия по деревне, но по деревне именно украинской — богатой, плодородной, залитой солнцем, и по милому Черному морю, столь странно голубому под палящими лучами солнца.

Ребенком он заявил о своем желании стать епископом, без сомнения, из-за красоты епископских одежд. Конечно, это было по-детски; но с ранней юности он размышлял о трех путях, трех служениях, действительно подобающих христианину: служениях священника, ученого и врача. Так, скорее, из принципа, чем из интереса, он начал изучать медицину. Но его здоровье, уже тогда слабое, и чрезвычайная впечатлительность помешали ему продолжить учебу, и он оставил медицину ради чистой математики. То была отличная школа для его ин-

* *M. Afanassieff, Nicolas Afanassieff (1893–1966). Essai de biographie // Contacts 66 (1969), p. 99–111.* Перевод с французского Виктора Александрова. Постраничные примечания, отмеченные звездочкой, принадлежат переводчику. Примечания, отмеченные цифрами и помещенные в конце статьи, — М.Н. Афанасьевой.

*Протопресвитер
Николай Николаевич Афанасьев*

теллекта, однако не нужно преувеличивать математическую сторону ума и метода Николая Афанасьева, который скрывал (для некоторых) за своим методом то, что было его интуицией. Кто-то предлагал назвать его онтологическим. По моему же мнению, мнению его жены, истинным источником его вдохновения, и в молодости, и в старости, было его пламенное сердце, его любовь, я бы сказала, почти нежность, столь русская, к нашему Господу, Солнцу Любви и Истины, и к Его Церкви, стрательно спрятанная за внешностью строгого и отвлеченного ученого.

Математика сослужила ему и другую службу — практическую: она спасла его от ран, окопов и, быть может, смерти во время войны. Направленный в начале войны 14-го года в Сергиевское (!) артиллерийское училище, он был затем зачислен в тяжелую береговую артиллерию, несмотря на его протесты, потому что в ту эпоху молодой русский офицер мечтал, конечно, о вещах более экзотических, вроде Кавказского фронта.

После перерыва в 1918 г., перерыва, вызванного передвижением на юге России различных армий — красных, белых, зеленых, правых и левых украинцев, французов, немцев и т. д., — перерыва, во время которого он вернулся в Одессу, продолжил изучение математики и работал в банке, он вновь оказался в батарее береговой артиллерии Белой армии, вплоть до рокового дня 3 ноября 1920 г.,

когда все корабли отправились в в море,
когда все забыли радость свою

(парафраз Блока)¹.

Годы крепостей, годы береговых батарей, годы смертельной скуки и страшных разочарований. Николай Афанасьев ищет «бегства», и наши добрые друзья «страшных лет», — кни-

ги уносят его вдаль от кровавой серости жизни. Он читает, разумеется, наших великих классиков, он читает все — поэтов, писателей, мыслителей, философов. Он сохраняет любовь к завораживающей музыке стихов Александра Блока; но Николая Афанасьева «заворожил» не Блок — поэт беспокойства и тревоги, каким он более известен теперь, а молодой Блок, искавший Солнце Завета, Прекрасную Даму и воспевавший Жизнь и Радость; и девиз Радости-Страдания (см. «Розу и Крест») навсегда оставался в сердце Николая Афанасьева. Он читал или перечитывал «учителей мысли» той эпохи, среди которых мы находим столь разные фигуры, как Ницше, Розанов, Мережковский и великий Владимир Соловьев, философ и поэт. Что уводило его еще дальше от крови и грязи, так это другая строгая и отвлеченная наука; да и время тянулось не так долго, когда он погружался в чтение «Критики чистого разума». Еще в ноябре 1924 г. он писал: «Понемногу я освобождаюсь от влияния кантианства; еще недавно многие вещи казались мне незыблемыми, и только теперь они угасают и разрушаются сами собой». В буре Гражданской войны² посреди ужасов и страшных разочарований он искал Истину и Любовь, и после короткого увлечения теософией (по моде начала века) он понял, что единственный Путь и Истина в Любви — это Христос и Его Церковь.

Так, когда в 27 лет он оказался совершенно один на земле изгнания — на чужбине, у него не было ни единого родственника, ни одного друга и, конечно, ни гроша в кармане, разлученный с семьей, образ которой сливался в сплошной нежности с образом потерянной (временно, как тогда думали) родины, он был призван Господом к служениям, о которых размышлял в своей юности, — служениям священника и ученого. Проведя несколько месяцев «беженцем» в Хорватии, весной 1921 г. он поступил на богословский факультет в Белграде. На первых порах было тяжело: одиночество, начало учебы с нуля, отчасти на чужом языке, бедность — по сути, приходилось выживать на стипендию, равную приблизительно 100 франкам, питаться исключительно «пасулей»³, жить на другом берегу Дуная и носить старую армейскую шинель. «Он говорил, — вспоминал В.В. Зеньковский, — что носит крест». Он, ужасавшийся любой униформы, всего, что банально, любивший только индивидуальное и элегантное.

Потом дела устроились, действительно, провиденциальным образом: он стал секретарем-казначеем «Союза русских городов»⁴. У него было приличное жалованье, которое позволяло ему, наконец, помочь своей семье. У него была комнатка в секретариате «Союза», которая стала настоящим клубом для друзей, пивших там чай и кофе и обсуждавших «вечные вопросы», и ночлегом для гостей, приезжавших из-за границы, — им он уступал свою комнату, а сам ложился на столе в секретариате. Да, он был не один: знаменитый белградский православный кружок в какой-то степени заменил ему семью. Здесь он нашел своих лучших друзей: Костю Керна, княжну Асю Оболенскую, Л.Г. Иванова, С.С. Безобразова*. Не любопытно ли (заметим в скобках), что все они стали монахами, в то время как Николай Афанасьев искал другую деятельность, искал то, что он называл «солнечным христианством». Аскетическая жизнь не привлекала его, и его духовные наставники того времени — добрый епископ Вениамин (Федченко**) и очаровательный отец Алексей Нелюбов, духовник знаменитого монастыря Хопово, хорошо видели, что Николаю Афанасьеву была нужна спутница, и от души благословили его, когда он объявил им о своей помолвке.

У него был также «учитель-друг» (я нашла это выражение, переделав имя «мой ученик-друг», которое дал ему В.В. Зеньковский), направлявший его всю молодость и предсказавший в нем ученого и профессора. В качестве представителя от Белграда Николай Афанасьев принял в 1923 г. участие в первом съезде «студентов русских православных кружков» и познакомился с тем, кто стал одной из самых замечательных личностей Русской церкви за рубежом, одним из инициаторов ев-

* Имена архим. Киприана (Керна) и еп. Кассиана (Безобразова) широко известны. Княжна Оболенская — в монашестве мать Благдина (см. некролог: *Струве Н.А.*, Православие и культура. М.: Христианское издательство, 1992, с. 145–146). Л.Г. Иванов, в монашестве Серафим, — наместник монастырей Ладомирово (Словакия) и Джорданвилль (США), архиепископ Чикагско-Детройтский РПЦЗ (см. справку о нем на сайте <http://zarubezhje.narod.ru/>).

** В современных изданиях преобладает другое написание его фамилии — «Федченков». Однако и М.Н. Афанасьева, и Н.Н. Зернов (За рубежом: Белград–Париж–Оксфорд. Хроника семьи Зерновых (1921–1972). Париж, 1973), знавшие его в 1920–1930-х, употребляют форму «Федченко».

харистического движения, основателей Свято-Сергиевского института и сторонников участия православных в экуменическом движении — с отцом Сергием Булгаковым. Николай Афанасьев проникся сформулированной отцом Сергием идеей «воцерковления жизни», которую тот надеялся увидеть воплощенной в программе «студенческого движения» (нынешнего РСХД), а также его евхаристическим и сакраментальным пафосом. Пройдет еще, однако, много лет, прежде чем Николай Афанасьев станет духовным сыном и коллегой Булгакова.

Два последних белградских года были несколько омрачены для Николая Афанасьева серьезными расхождениями внутри кружка, поскольку он возражал против национально-монархических тенденций и всякой политики в Церкви. Уже наметилась драма разделения между Парижем и Карловцами, и начало «Церковной академии» было трудным, а Николай Афанасьев был одним из очень активных членов комитета по сбору денег для этого учебного заведения, которое должно было сохранить преемственность русского богословия и готовить священников для России (?) и диаспоры*. Хотя он и не принимал эти неприятности близко к сердцу — из-за своей начавшейся любви и планов женитьбы, — он предпочел остаться на некоторое время в стороне от этих специфически русских трудностей и посвятить себя научным исследованиям, живя в кругу семьи. Сразу же после окончания учебы он женился и надеялся перевезти к себе из Одессы свою семью: с этой целью он принял должность преподавателя Закона Божия в македонской глубинке. Увы, его мать скоро умерла, а сестра много лет не решалась приехать. Когда она решилась, было уже поздно: «железный занавес» опустился.

В течение четырех лет, проведенных в Македонии, в величественном окружении, посреди природы несравненного очарования, хотя и в условиях не вполне комфортабельных, Николай Афанасьев использовал все время, которое оставляло ему преподавание в гимназии, для научных исследований. После некоторых колебаний между церковной педагогикой (под влиянием двух его учителей-друзей — В.В. Зеньковского и Йордана Илича) и историей Церкви он выбрал последнюю

* Имеется в виду Свято-Сергиевский богословский институт, сбор пожертвований на приобретение здания которого проходил в 1924 г. Средства на его работу собирались и в дальнейшем.

и стал примерно на семь лет любимым учеником профессора А.П. Доброклонского, методического и строгого историка и требовательного учителя⁵. Под руководством Доброклонского, за кухонным столом, или на балконе с видом на снега, которые кротко тают на Шар-Планине, или в Национальной библиотеке в Париже Николай Афанасьев написал все свои работы времен Скопье — свои первые исторические или, скорее, историко-канонические и историко-догматические труды: «Государственная власть и вселенские соборы», «Провинциальные собрания Римской империи и вселенские соборы» и «Ива Эдесский и его время»⁶.

В 1930 г. после долгого года, отмеченного большими радостями, в частности рождением долгожданного сына, а также тяжелыми болезнями, многочисленными переездами и всяческими неудобствами, Николай Афанасьев обосновался в Париже, до 1932 г. — временно, а с 1932 г. — постоянно. Он работал, с одной стороны, в Религиозно-педагогическом кабинете, которым руководил В.В. Зеньковский, а также начал читать в Институте курс «Источники канонического права». В действительности, Институту нужен был не психолог или историк, а канонист. Подготовленный к этому изучением Деяний соборов, Николай Афанасьев продолжил заниматься исследованиями собственно каноническими и в 1932 г. начал читать курс канонического права, который, многократно переработав⁷, он читал до ноября 1966 г. С другой стороны, С.С. Безобразов уступил ему часть занятий по греческому языку, благодаря чему он приобрел обширные познания в области Нового Завета.

Со времени своего переезда в Париж Николай Афанасьев принял активное участие в семинарах о. Сергия и стал членом «братства св. Софии». Его стало серьезно интересоваться догматическое богословие. Не становясь «софиологом» и вообще будучи уже в то время весьма индивидуальным и оригинальным мыслителем, Николай Афанасьев попал под обаяние своего духовного отца и пережил его влияние, скорее, личного характера и выразившееся, прежде всего, в том, что его мысль сосредоточилась на теме Церкви — Тела Христова.

Довершая перечисление влияний, испытанных Николаем Афанасьевым, когда он был еще молодым богословом, я должна назвать имена знаменитого Карла Барта (интерес к

которому был, впрочем, преходящим) и Рудольфа Зоме: его книге «Kirchenrecht», купленной с немалым трудом еще в Скопье, Николай Афанасьев был обязан многим в своем понимании канонического права и «рецепции».

Столь разносторонней была подготовка богослова Николая Афанасьева — философская, историческая, психологическая, догматическая. Это делало его, скорее, экклезиологом, чем канонистом, и превращало его курсы канонического права в курсы экклезиологии. Две статьи, написанные в 1931–1932 гг., свидетельствуют об этой трансформации; они, если так можно сказать, предисловие и наброски его последующих больших трудов — статья, публикуемая здесь в «Contacts»⁸, и «Две идеи вселенской церкви».

Я добавлю, что, помимо научного и духовного развития, Николая Афанасьева подталкивали к исследованиям великие драмы нашей жизни за границей. Разделение христианского мира с древних времен не есть ли смертный грех⁹? Так и с возникновением нашей диаспоры церковная жизнь была отмечена разделением и расколами, из-за которых болела душа у Николая Афанасьева, а его исследования сосредоточились на теме единства в Любви («всегда все и всегда вместе»), на отрицании всякого индивидуализма в христианстве и на поиске, в духе творчества и в Любви, полинного понимания канонов, столь древних и столь вечно новых. Николай Афанасьев, действительно, еще в молодости глубоко переживал раскол между митрополитами Антонием и Евлогием; он даже попробовал в качестве советника своего большого друга патриарха Варнавы (ранее митрополита в Скопье)* найти пути к примирению. Еще болезненнее для Николая Афанасьева был другой раскол, между митрополитом Евлогием и митрополитом московским Сергием: пламенный патриот, он любил родину-мать и Церковь-мать нежно и одновременно тихо, без шума. Уход из Богословского института епископа Вениамина**, который в 1922–1924 гг. стал Николаю Афанасьеву почти отцом, осуждение отца Сергия Булгакова Карловцами и Москвой также были для него драмами. В 1936 г. отец Сергей надписал ему своего «Параклита»: «На память о годе испытаний». По по-

* Патриарх Варнава (Росич). О нем см. «Православную энциклопедию» (далее ПЭ).

** Федченкова.

воду «дела Булгакова» Николай Афанасьев написал протест, подписанный и другими профессорами Свято-Сергиевского института. Он совершенно не был софиологом, но с горечью защищал свободу богословского исследования.

В последние предвоенные годы Николай Афанасьев публиковался мало, но с воодушевлением работал над большим трудом под названием «Церковные соборы и их происхождение», трудом, начатым в Лондоне, куда отец Сергей и митрополит Евлогий послали его в «научную командировку», и прерванным из-за войны¹⁰.

Потрясенный до глубины души тем, что разразилась война, Николай Афанасьев ухватился, если можно так сказать, за алтарь («Я хотел быть ближе к Богу», — сказал он) и, наконец, принял священство. В день Собора Богородицы, 8 января 1940 г., отец Сергей и отец Киприан, духовный отец и друг молодости, провели его вокруг алтаря. Литургия дала новому священнику новое вдохновение, новый импульс. И когда зимой 1940–1941 гг. он вновь¹¹ оказался беженцем в Сен-Рафаэле, вновь в трудном положении (но в этот раз с семьей), он начал — вновь за кухонным столом — труд своей жизни, вдохновленный знаменитой фразой «*Ecclesia non est numerus episcoporum, sed Spiritus Sancti*»*. Посреди потоков ненависти и всеобщего распада начал он этот гимн, славящий Церковь Духа Святого, в которой все, — «всегда все и всегда вместе», — все, служа Богу и всем, составляют подлинное Тело Господа.

В июне 1941 г. о. Николай был послан архиепископом Владимиром Ниццким** в Тунис, где большой русский приход, простиравшийся от Бизерты до Порт-дю-Жарден-д'Алла (*Portes du Jardin d'Allah*)*** в Сахаре, остался без священника. Несмотря на приходские заботы, отсутствие книг, бомбежки

* «Церковь — это не [некоторое] число епископов, но Церковь Духа Святого». — Несколько перефразированная фраза Тертуллиана, О стыдливости, гл. 21: *Et ideo ecclesia quidem delicta donabit, sed ecclesia spiritus per spiritalem hominem, non ecclesia numerus episcoporum.* — «И поэтому Церковь же простит грехи, но Церковь Духа через духовного человека, а не церковь как некоторое число епископов».

** Архиепископ Владимир (Тихоницкий). См. ПЭ.

*** Букв. «Ворота Сада Аллаха». Вероятно, один из оазисов на границе Сахары.

и болезни, отец Николай продолжал «Церковь Духа Святого», которая, по его замыслу, должна была состоять из двух частей: а) служения в Церкви и б) границы Церкви¹².

Отец Николай всей душой привязался к своему африканскому приходу, к маленькой церкви во внутреннем дворе арабского дома, к жизни, где день и ночь приходилось быть в распоряжении всех — христиан, мусульман, евреев. Как мы плакали — отец Николай в своем сердце, а я горячими женскими слезами, — покидая Тунис! Но отцу Николаю нужно было возвращаться к преподаванию в Институте и по настоящему браться за работу над «Церковью Духа Святого», первая часть которой станет его диссертацией.

Именно тогда начался наиболее плодотворный период (1947–1957 гг.) богословского творчества отца Николая. Он защитил свою диссертацию в 1950 г., перерабатывал и дополнял ее с 1950-го по 1955-й¹³ и написал многие главы второй части, а также многочисленные работы по экклезиологии, более или менее связанные с его главным трудом.

С другой стороны, он переработал почти полностью свой курс канонического права, или, точнее, экклезиологии¹⁴, за исключением брачного права, к которому у него не было никакого интереса. Действительно, ему приходилось преподавать, с практической целью, чрезвычайно сухой и крайне юридический предмет: будущему священнику нужно было знать, каковы «обязанности» супругов, препятствия к браку, причины развода. Что же касалось подлинного «богословия брака», жаловался он своим ученикам, у него не было возможности заняться им. А оно весьма интересовало его с юности. Доказательством служит тот факт, что в его переписке сравнение монашеских и брачных обетов — одна из любимых тем. Он возвращается к ней в одной интересной статье, написанной по случаю в 1954 г. в качестве ответа его друзьям-католикам, которые, вероятно, спрашивали у него, почему Восточная церковь, считающаяся более аскетичной и более эсхатологичной, сделала из брака таинство и поставила его выше (правда, первый брак), чем Запад, где такого не случилось. Я надеюсь однажды опубликовать эту статью*, так же как и «Выход из Церкви», вторая часть которой посвя-

* Вероятно, это *Le mariage dans le Christ* // *Contacts* 83 (1973), p. 202–217.

щена возвращению в Церковь (покаянию): вместе со статьями о других таинствах (кроме соборования) у нас будет тогда учение о таинствах, которые, наряду с евхаристической эклезиологией, есть центральная тема мысли отца Николая.

После отъезда, к большому сожалению, о. Александра Шмемана, молодого коллеги и друга отца Николая, в Нью-Йорк, отец Николай унаследовал его курс по истории Древней церкви и вернулся к исследованиям строго историческим. С другой стороны, встречи в Сольшуаре и литургические недели в Свято-Сергиевском институте, которые начали организовывать он и отец Киприан, все более и более обращали его внимание к вопросу, который уже давно волновал его, — к вопросу воссоединения церквей. Так он написал свои самые известные работы («Церковь, председательствующая в любви», «Una sancta» и т. д.)

Если я говорю о последних годах о. Николая несколько бегло, то это потому, что они гораздо лучше известны, чем период, предшествующий 1947 г. В 1947–1957 гг. он работал день и ночь, поглощенный, наряду со своими богословскими трудами и курсами, еще и практическими заботами: он был консультантом

Жена о. Николая, Мариамна Николаевна, с их сыном Анатолием на свадьбе последнего. Октябрь 1965 г., Париж. Снимок из архива внука о. Николая, Николая Афанасиеф (Nicolas Afanassieff)

епархиальной администрации, принимал активное участие в управлении своим дорогим Богословским институтом, занимаясь его финансами и серьезным вопросом его ремонта.

В 1957 г. война еще раз вторглась в жизнь отца Николая, и на этот раз самым драматическим образом: его сыну пришлось принять участие в печальной алжирской кампании, правда, в качестве врача, врачом 45 лет назад хотел стать молодой черноглазый одессит с волосами цвета «воронова крыла», с пылким сердцем, влюбленный в солнце, просторы, поездки на лошадях, Черное море и красивые оперы. Отец Николай изо всех сил боролся с болезнью, которая таилась в нем с молодости, с навалившейся на него гигантской усталостью. Он вновь обрел силы после возвращения своего сына и еще раз взялся за большую работу, которая была уже сверх его сил: в 1960 г. скончался после долгого и славного пути и упокоился под березами Сент-Женевьев-де-Буа его коллега А.В. Карташов, и отец Николай должен был взять на себя курс по истории Древней церкви¹⁵. Также он писал, часто возвращаясь к темам, которыми уже занимался (как, например, соборы и др.); он много путешествовал; он пытался восстановить свои силы

*О. Николай со своим сыном
Анатолием на свадьбе по-
следнего. Октябрь 1965 г.,
Париж. Снимок из архива
внука о. Николая*

на берегу Адриатики, которая вызывала в его памяти другую жизнь, берег дальний (Пушкин)*, образ потерянной родины, и перед позолоченными мозаиками Равенны, памятниками неразделенной Церкви. Но силы его продолжали угасать.

В последние годы жизни с отцом Николаем произошло два радостных события, правда, совсем разного рода. 8 декабря 1965 г. на площади святого Петра, сидя по левую сторону от Папы, ровно в 14 часов он слышал, как звон всех колоколов Рима возвестил великую надежду. Но осуществится ли она однажды в действительности?

22 октября 1966 г. он благословил своего внука, маленького Николая, на которого возлагал свои земные надежды.

Ровно через месяц, в день Архистратига Михаила и всех

небесных сил, в 4 часа утра он разбудил свою жену: «Ты не слышала шум у входа?» Был ли то небесный посланец, «юноша», пришедший взыскать верного слугу Христова? В тот самый момент началась короткая и ужасная болезнь, против которой его ослабленный организм не мог больше бороться. За двенадцать дней в больнице, в течение которых жизненные силы медленно оставляли его, он часто видел «юношу», ожидающегося его, сидя в углу его маленькой палаты или в коридоре среди бедных, обездоленных и со-

*Резной крест на могиле Афанасьева
на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа*

* Ср.: Не пой, красавица, при мне / Ты песен Грузии печальной:
/ Напоминают мне оне / Другую жизнь и берег дальний.

крушенных. Однако его сердце и рассудок всегда были сосредоточены на том, что он так любил. В те дни, когда ему это виделось, его мысли были только о двух вещах: врачебном будущем своего сына и том, как бы не опоздать на Литургию. За два дня до смерти, в минуту ясности, он еще говорил сыну о реконструкции Свято-Сергиевского института.

Несколькими часами позже он попросил свою жену открыть шторы, чтобы видеть небо. «Небо, небо», — повторял он. Маленький кусочек голубого неба показался посреди черных туч парижской зимы, осветившейся скупым лучиком солнца. Напомнил ли он отцу Николаю сияющее солнце его детства, залитую светом ширь его родной степи, бескрайнюю голубую черноту его милого Черного моря? Или, скорее, он узнал в нем отблеск Того, Кого он всегда столь сильно любил, — Единственного Солнца Любви, нашего Господа Иисуса Христа?

Смерть и Время царят на Земле, —
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь Солнце Любви.
(В. Соловьев)*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. душещемящее описание эвакуации из Крыма: *Marina Grey, Jean Bourdier, Les armées blanches*. Paris, 1968. (М.Н. Афанасьева парафразирует стихотворение «Девушка пела в церковном хоре»). У книги Грей и Бурдые есть переиздания и переводы. Марина Грей — псевдоним Марины Антоновны Деникиной, дочери генерала Деникина. Специально об артиллеристах-юнкерах Сергиевского училища в Одессе и Крыму см.: *Дюкин В.Н., Сергиевское артиллерийское училище в годы Гражданской войны* // Военная быль, № 86, 87 (1967) — доступно в Интернете. — *Прим. переводчика.*

² Нужно заметить, что Гражданская война длилась ровно 3 года (с ноября 1917-го по ноябрь 1920-го), продолжая Германскую, закончившуюся для России позорным Брестским миром в марте 1918 г.

³ Фасоль — национальное сербское блюдо. («Пасуль» по-сербски «фасоль». — *Переводчик.*)

* Стихотворение «Бедный друг, истомил тебя путь» (1887). Я сохранил прописные буквы так, как их употребляет М.Н. Афанасьева, что немного отличается от оригинала.

⁴ «Союз русских городов» — крупная благотворительная организация, основанная во время войны 1914 г. В эмиграции, в частности в Белграде, к ее ведению относились многочисленные русские школы, сиротские приюты, библиотеки и т. д. (По всей вероятности, имеется в виду Земгор — «Союз земств и городов». О нем см.: *Мафк Раев*. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М.: Прогресс-Академия, 1994, с. 45–46. — *Переводчик*.)

⁵ См.: *Афанасьев Н.Н.* Памяти Доброклонского // Вестник. Орган церковно-общественной жизни, 1938, № 1, с. 16–17.

⁶ Не издана, по-русски, 200 стр. машинописи. За списком работ Николая Афанасьева я отсылаю читателя к журналу *Igrénikon* за 1967 г.

⁷ См. план курса в: *Прот. Николай Афанасьев*. Экклесиология. Вступление в клир. Париж: Вода живая, 1968. Также его можно найти и в Addenda к списку публикаций в *Igrénikon*'е (1967).

⁸ Les canons et la conscience canonique // *Contacts* 66 (1969), p. 112–127. (Французский перевод статьи «Каноны и каноническое сохрание», *Путь* №39 (1933), приложение, с. 1–16. — *Переводчик*.)

⁹ Отец Николай касается этой темы во второй, незаконченной части «Церкви Духа Святого».

¹⁰ Не издан, около 250 маленьких страниц (приблизительно 80 страниц машинописи). Имеет большое значение с точки зрения эволюции мысли Николая Афанасьева. (Ныне издано: *Протопресвитер Николай Афанасьев*. Церковные соборы и их происхождение. Москва: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2003. Согласно примечанию издателей — см. с. 179, — опубликованный ими текст представлял собой 190 страниц машинописи. — *Переводчик*.)

¹¹ Николай Афанасьев покинул Париж в мае 1940 г. («как все») и не решался туда вернуться, покуда Париж находился под властью фашистов.

¹² См. план в предисловии к: *L'Eglise de Dieu dans le Christ*, *Pensée Orthodoxe* 13 (1966). Среди сохранившихся глав этого труда отмечу, прежде всего, неизданную — «Анафема» или «Выход из церкви». (С тех пор издано: сначала в «Вестнике РСХД», № 114 и 115 (1974 и 1975 гг. соответственно), а потом как гл. 12–13 в книге *Прот. Николай Афанасьев*. Вступление в Церковь. Москва: Паломник, 1993. — *Переводчик*.)

¹³ Я не повторяю здесь подробно «историю» написания диссертации: она изложена во вступительной статье к «Церкви Духа Святого», которая скоро будет опубликована. (Имеется в виду предисловие М.Н. Афанасьевой «Как сложилась “Церковь Духа Святого”» к готовившемуся тогда в издательстве ИМСА-Press посмертному изданию главного труда о. Николая. — *Переводчик*.)

¹⁴ Было бы очень важно — прежде всего, для студентов — опубликовать этот курс. Была разработана обширная программа ротاپринтного издания. (Таким способом были изданы, а позже переизданы в России книгами две части курса: 1) Вступление в церковь. Париж, 1952; переиздание — Москва: Паломник, 1993; и 2) Экклесиология. Вступление в клир. Париж: Вода живая, 1968; переиздание — Киев: Задруга, 1997. — *Переводчик.*)

¹⁵ Было бы весьма желательно опубликовать курс истории Древней церкви (до IX в.), который находится в отличном состоянии и готов, по крайней мере, для ротاپринтного издания.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

К столетию со дня смерти Шарля Пеги, погибшего на фронте под Парижем 3 сентября 1914 г.

В издательстве «Русский путь» в 2006 г. вышла книга в русском переводе избранных произведений Шарля Пеги (проза, мистерии, поэзия), впервые предоставив русскому читателю возможность ознакомиться с творчеством крупнейшего французского публициста, поэта, и, во многих отношениях, пророка. Мы предлагаем ряд не печатавшихся на русском языке мыслей Пеги из его прозаических сочинений. В качестве вступления мы приводим вдохновенные слова знаменитого писателя Жоржа Бернаноса, написанные им, когда начиналась война 1939 года.

«Мы уходим, говорил Пеги, на последнюю войну». Быть может, это было так. Я не считаю Пеги святым в буквальном смысле слова, но был человек, чей голос, после смерти, остался слышим, близким каждому из нас, он отвечает каждый раз, когда мы его призываем. Это доказывает, что в нем было совсем мало неправды, ровно столько нужно, чтобы прожить, прожить нашу бедную, дорогую, собачью жизнь. В нем не было никакой лжи, никакого обмана. Он отвечает, когда мы его призываем, и отвечает тихим голосом. Я не говорю, что эта особенность — проявление святости, но по

крайней мере, признак особой дружественности Бога, которой Он не всегда одаривал своих святых. Есть святые, которые абсолютно не могут с нами говорить с того, иного света не повысив голоса, их не следует слушать после Евангелия, а то станешь, по контрасту, глухим ...

«Мы уходим на последнюю войну». Он был слишком мил, в старом смысле этого слова, слишком прост, слишком безоружен перед некоторой иронией, так что Господь Бог не вложил бы такие слова в его уста для ошеломления дураков или для глубокого утешения извращенных. Или тогда хотел бы, чтобы были совместно уничтожены, забыты пророк и пророчество... Это была действительно последняя война, которую француз мог целиком взять на себя, объять своими руками. И он действительно ее облобызал — в том смысле, в каком он любил, чтобы хорошие люди говорили: мы выбираем-лобызаем себе профессию — и нам будет всегда неизвестно, знал ли он, хотя бы в последнюю для него минуту, — что он так крепко обнимал. Пусть! Мы же теперь знаем*.

* * *

17 декабря 1904

Греческое человечество умирает сегодня на наших глазах. То, чего не смогли добиться ни нашествия, ни проникновение варваров. То, чего не смогло добиться даже время, неустанный разрушитель, временное торжество нескольких политических демагогий, совершается на наших глазах.

* * *

3 февраля 1907

Человечество превзойдет первые дирижабли, как оно превзошло первые локомотивы. Оно превзойдет Сантоса-Дюмона** как оно превзошло Стефенсона***. После телефотографии оно все время будет изобретать графии, скопии и фонии, которые все будут, одна меньше другой, теле, что позволит обойти всю землю во мгновение ока. Но это будет всего лишь

* Georges Bernanos, *Les Enfants humiliés*, Folio 1991, p. 77–79.

** Сантос-Дюмон (Алберто) 1873–1932, бразильский инженер, один из создателей аэронавтики.

*** Стефенсон Георгий 1781–1848, английский инженер, создатель первых паровых локомотивов.

посюсторонняя земля... Не видно, чтобы когда-нибудь человек или какое-нибудь человечество могло умно хвалиться тем, что превзошло Платона. Дальше: всякий истинно культурный человек не может понять, не может вообразить, что значит претендовать преодолеть Платона.

* * *

Эпоха Возрождения была настоящим чудом в истории человечества, и все же она была весьма недостаточной. И мы видим сегодня, можем оценить, насколько она была хрупкой.

* * *

Гений нигде так ярко не проявляется, как в изощренной детали.

Гений — не талант, доведенный до своего предела, он — иного порядка, чем талант.

Художники и ученые легко плывут по течению, одинокие философы стараются плыть против него.

Крупный философ — это человек, который открыл что-то новое, новую реальность, вечную; это человек, который, в свою очередь, входит своим голосом в вечный хор.

* * *

Miles Christi, всякий христианин и сегодня солдат: солдат Христа, больше не может быть спокойного христианина. Священные походы, которые наши отцы искали за тридевять земель неверных, сегодня эти земли нас достигли... они у нас дома. Наша верность стала нашей крепостью.

* * *

Между культурой и верой нет никакого, решительно никакого противления, наоборот, глубокая близость, глубокая пища культуры для веры, буквально призвание, глубокое предназначение культуры для веры.

Очевидно, что гораздо больше неизвестных святых, чем общепризнанных. Большое количество святых не имели публичной жизни и небесная слава — первая, к которой они прикоснулись.

Иисус Христос — в основном Бог бедных, бедняков, рабочих, т.е. тех, кто не имел общественной жизни. На небе мы

видим бесконечно больше маленьких людей, чем редакторов журналов.

Несчастный человек в своей кровати, самый последний больной, может в глазах Бога (притом что весь христианский мир его игнорирует) заслужить больше, чем самый прославленный святой.

ШАРЛЬ ПЕГИ

Из поэмы «Евы»

...Блаженны павшие за нашу землю бренную,
Но лишь бы это было в праведной войне.
Блаженны павшие за все четыре стороны,
Блаженны павшие торжественною смертью.

Блаженны павшие в сражениях великих,
Поверженные наземь, а ликом к Божеству,
Блаженны павшие на последнем взгорье,
При всем облиии великих похорон.

Блаженны павшие за наши плотяные грады,
Ибо они суть плотью Града Божьего.
Блаженны павшие за свой огонь в очаге,
За почесть скромную родительских домов.

Ибо они — и образ и начало,
И тело, начертание Града Божьего.
Блаженны павшие в этом целованье,
В объятиях чести и в земном призванье,

Ибо признание чести есть начало
И нашей верности зачаток,
Блаженны павшие увенчанные славой.
В смирении и в послушании...

Перевод и публикация НИКИТЫ СТРУВЕ

О Православии и культуре

(В трудах архиепископа Иоанна Шаховского)

В одной беседе-интервью 1998 года Сергей Аверинцев непосредственно коснулся темы православия и культуры. Первая половина XX века удивила всех неожиданным расцветом христиански ориентированной культурной деятельности, особенно в литературе и философии. К примеру, во Франции после всей почти безверной литературы XIX века сразу появились и Поль Клодель, и Шарль Пегги, и Бернанос, и Жак Маритен. И у нас после всех белинских и чернышевских явились вдруг русские религиозные мыслители¹. Аверинцев настаивает на невозможности отсутствия культуры для всех, кто живет среди людей: «У нас, живущих среди людей “собратьев по человечеству”, нет выбора между причастностью и непричастностью к человеческой культуре <...> Вражда культуре и вражда христианству — это желание насильственного упрощения»². Многолетний редактор *Вестника Русского Христианского Движения* Никита Струве озаглавил сборник своих статей *Православие и культура*, посвятив его памяти прот. Василия Зеньковского, «чьей неустанной и пламенной проповеди о необходимости “сближения Православия и культуры” я пытался следовать<...>»³. Многообразная переоценка синодального периода Русской Православной Церкви, начавшаяся в начале XX века, кульминацией которой можно считать созыв и деятельность Поместного Собора 1917–1918 гг., продолжалась и в эмиграции⁴. Здесь обширной темой пересмотра прошлого стала именно тема отношений Православия и культуры. Началом постановки этой проблемы в эмиграции, вероятно, следует считать публикацию сборника *Православие и культура*, вышедшего в Берлине в 1923 г. под редакцией В.В. Зеньковского. Насколько соединение «Православия» и «культуры» было необычно для того времени, показывает теперь кажущийся курьезным запрос берлинского издателя: можно ли принимать к публикации книгу с таким «абсурдным» названием⁵. В межвоенный период 20–30-х годов наи-

более последовательно обращались к этой теме о. С. Булгаков и В.В. Зеньковский. Они писали и выступали с докладами о православной культуре на съездах Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД), а также на собраниях и съездах созданной в 1930 г. «Лиги православной культуры», где эта тема обсуждалась более глубоко и последовательно.

В докладе Булгакова «Догматическое обоснование культуры», прочитанном на одном из таких съездов, автор защищал культуру от «нигилистического аскетизма», который, по его словам, «выражается в освобождении себя от ответственности за мир», в то время как «подлинный аскетизм является величайшей культурной и творческой силой в мире». С другой стороны, автор защищал христианскую православную культуру от другой крайности — «секуляризированного гуманизма»⁶. Булгаков утверждал, что «положительный ответ о ценности культуры возможен тогда, когда жизненно, практически осуществляется и ощущается, <...> что в культурном творчестве есть положительная религиозная значимость. То, что встает на пути культурного делания, должно быть утверждено как наш исторический долг, как путь спасения»⁷.

Зеньковский, бессменный председатель РСХД, темой Православия и культуры занимался до конца жизни⁸. В статье «Идея православной культуры», опубликованной в сборнике 1923 г., отрицая обвинения христианства, и в особенности Православия, во внеисторичности, Зеньковский утверждал, что только в христианстве исторический процесс получает свой смысл, так как центральное событие христианства — это пришествие Христа в мир для его преображения. По словам Л. Зандера, «идея церковной культуры была начертана на знамени Русского Студенческого Христианского Движения, которое несло ее молодежи в своих съездах, в своих изданиях, в своей проповеди и работе»⁹. Статью, подводившую итоги работы РСХД за четверть века, Зеньковский заканчивал еще раз подтверждением идеи православной культуры как «духовной установки» Движения:

«Движение выдвинуло мысль о необходимости пересмотра всего содержания современной культуры с точки зрения Православия. Это означает, что самые основы современной жизни и культуры, ее творческие силы должны быть освещены и освящены благодатью Церкви, что, не ослабляя ни в

чем творческих устремлений, человечество должно внести в них забытые или отодвинутые начала Христовой правды»¹⁰. Однако развитие православной культуры виделось Зеньковскому «не в грандиозных исторических масштабах», а в отдельных небольших, скромных «островках»¹¹. В межвоенный период, помимо РСХД, другим таким «островком» стал один человек — Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Здесь я кратко остановлюсь на этом ярком примере воплощения идеи православной культуры в служении и трудах о. Иоанна, будущего архиепископа.

Дмитрий Алексеевич Шаховской (1902–1989) начинал как поэт, выпустивший три небольших книжечки стихов¹², и редактор журнала *Благонамеренный*, два номера которого, с подзаголовком «Журнал литературной культуры», вышел в Брюсселе в 1926 г. В журнале, в частности, были напечатаны «Соррентинские фотографии» Владислава Ходасевича, статья Марины Цветаевой «Поэт о критике» и «О нынешнем состоянии русской литературы» Д.П. Святополк-Мирского. Начавшийся на таком высоком уровне, журнал прекратился на втором номере, так как его редактор уехал на Афон, где принял монашеский постриг¹³. Неожданность такого резкого поворота в жизни успешно начинающего литератора поразила его сотрудников, об этом писала Марина Цветаева Анне Тесковой в Прагу: «Знаете ли Вы, что редактор “Благонамеренного”, Шаховской (22 года) на днях принимает послух *<следует: постриг>* (Послух — послушник — идет в монастырь). Чистое сердце. Это лучше чем редакторство»¹⁴. Радикальность ухода никак не предполагала сравнительно скорое возвращение редактора «Благонамеренного» к литературе. Вернувшись с Афона, уже монах Иоанн поступил в Свято-Сергиевский богословский институт в Париже, а через год уехал в Югославию, где был рукоположен в иеромонахи и начал свое священническое служение в городе Белая Церковь. В 1931 г. он назначается настоятелем Свято-Владимирского храма в Берлине, где служит до 1945 г.¹⁵ Приняв монашеский постриг, священство, а в последние четыре десятилетия жизни бывший епископом, Архиеп. Иоанн продолжал заниматься литературой до конца дней. Он вернулся к писательской и издательской деятельности очень скоро после начала своего служения в Белой Церкви. Вот как он сам описал это возвращение:

«Уже в начале своего священства я увидел огромную нужду в духовной литературе. Духовная литература — это почти бесконечное умножение пастырского труда, ног и слов. Перед нами — и после нас — она входит во все дома, начиная и продолжая наше дело. Рассуждая так, я начал понемногу, на свои скудные материальные средства выпускать брошюры <...> Я назвал это издательство “Борьба за Церковь”; ведь в России в эти дни шла борьба смертная против Церкви <...>. Расширение моей пастырской работы началось с проявления моей “литературной жилки”. Я потянулся к литературному выявлению и утверждению веры»¹⁶. Однако писательские и издательские труды о. Иоанна не ограничились религиозно-миссионерскими темами. Непосредственно к литературной деятельности он обращается уже в Берлине. В 1938 г. он пишет большую статью «Пророческий дух в русской поэзии (Лирика Алексея Толстого)»¹⁷, где обращается к пересмотру критики писателя в XIX веке: «Недооценка А. Толстого, а еще вернее сказать, неприязненное чувство к нему, исходило у русской предреволюционной общественности из специфически понимаемого ею *общественного долга*. Эта недооценка была связана и с религиозной слепотой ведущего слоя русской интеллигенции»¹⁸. Автору была близка общественно-политическая позиция А. Толстого («Двух станов не боец, /А только гость случайный»), а в его поэзии он особенно выделял поэму «Иоанн Дамаскин», заканчивая свою статью сравнением с «Пророком» Пушкина: «Пушкин написал о *Пророке*, глагол которого остался неизвестен... Алексей Толстой явил этого *Пророка* в его глаголе. Явил то, что пророк этот призван был сказать русскому народу»¹⁹. Пересмотр и переоценка дореволюционной критики, а также обращение к упущенным аспектам русской литературы XIX века для о. Иоанна служили преодолению разрыва между Православием и культурой.

В те же предвоенные годы, в 1937-м и 1941 г. под его редакцией выходят два сборника большого формата, озаглавленные *Летопись. Православная культура*, напоминающие о подзаголовке *Благонамеренного* как журнала «литературной культуры». В первом сборнике в заметке от редакции было дано такое определение православной культуры:

«Православная культура есть для нас то, что истинно направлено к осолению мира и человека. Православная культу-

ра есть неложное приятие семян Слова и охрана этих семян в мире, в душе и в культуре человека. Православная культура есть преданность Богу перед лицом богопротивления.<...>. Мы исповедуем Христа-Логос на всех путях человеческой культуры. Это означает, что мы посвящаем свою человеческую и мирозерцательную жизнь только Логосу, жизнь и историю мира — только Ему».

В обоих сборниках, помимо религиозных и богословских статей, как «Символы» и «Сигналы» еп. Николая (Велимировича) и свидетельств о Церкви в России в двадцатые годы, в частности о последних годах жизни патриарха Тихона, а также церковной хроники, напечатаны и литературные статьи как самого редактора, так и других авторов. В первом — статья о. Иоанна «Сокровенный Крылов», а во втором — «Путь К.Ф. Рылеева»²⁰. В этом же сборнике помещена большая статья Н.О. Лосского «Личность Достоевского», позднее составившая начало первой главы его книги *Достоевский и его христианское миропонимание*²¹, а также «История одной жизни», воспоминания А. Семенова-Тян-Шанского о жизни поэта Леонида Семенова-Тян-Шанского, брата автора²².

Продолжением этого двухтомного издания следует считать *Летописные заметки*, вышедшие после войны в Мюнхене в издательстве «Милосердный самарянин». Редакционная заметка, открывавшая сборник, цитировала целиком определение православной культуры из первой книги *Летописи*, которую мы привели выше. Связь с берлинской *Летописью* подчеркнута и внешне — сохранены необычно большой формат берлинских сборников и старая орфография на обложке. В этом сборнике напечатана большая статья о. Иоанна «Легенда о Великом Инквизиторе»²³, а также статья Федора Степуна о творчестве Бунина.

В своей защите «сопряжения» религии и культуры Архиеп. Иоанн был последователен и оставался верным этой установке до конца. В письме в редакцию журнала *Вестник РСХД* он возражал на редакторскую статью в одном из предыдущих номеров журнала, в которой можно было увидеть извинение за содержание номера, посвященного почти полностью литературе. Он призывал не *заменять* литературу и искусство религией, а *сопрягать* эти области: «Ведь в этом именно смысл религиозной культуры»²⁴. В интервью *Вестнику РХД* в связи

с его восьмидесятилетием, отвечая на вопрос «<...> Кто Вам <из светских писателей> еще “нужен”? Или уже “литература” Вам органически не нужна?» — он, среди прочего, сказал:

«Я лишь условно и “инструментально” делю литературу на религиозную и светскую. <...>. Я склонен считать и светскую литературу <...> родом богословия жизни и культуры.<...> Я прошел через *полный отход* от “светской литературы”. Но она потом сама встретилась со мной на путях служения Церкви. <...> Светская литература — продолжение самой светской жизни, к которой обращено Слово Христово. Она часть “мира сего”. <...> Искусство есть продолжение жизни <... >»²⁵.

Служителем письменного и устного слова, не только миссионерского, но и литературного, Архиеп. Иоанн оставался до конца дней. Еженедельное радиовещание по «Голосу Америки» стало его новой формой миссионерства. Хотя его радиобеседы большей частью миссионерско-полемические (особенно в ответах на официальную советскую критику), в них он обращается также и к литературным темам. В его семитомном собрании сочинений, помимо автобиографических книг, а также сборников радиопередач для России, не исключаяющих бесед на литературные темы²⁶, два тома целиком посвящены литературе — *К истории русской интеллигенции (Революция Толстого)* (Нью-Йорк, 1975) и *Переписка с Кленовским* (Париж, 1981)²⁷. К последней добавлена авторская аннотация: «Это не просто переписка двух поэтов, знающих законы поэтики <...> — это и духовное освещение поэзии. <...> Переписка эта — диалог двух душ под знаком поэзии, как отражения Логоса». Вернулся Архиеп. Иоанн и к стихам. В 1960 году вышел сборник *Странствия* под псевдонимом «Странник», который он сохранял и в дальнейшем для публикации стихов²⁸. Интерес Архиеп. Иоанна к русской литературе не ограничивался XIX веком. Так, он пишет вступительную статью к первому русскому изданию *Мастера и Маргариты* М. Булгакова²⁹, комментарии к первому тому *Архипелага Гулаг* Солженицына³⁰, статью о поэзии Кленовского³¹. Следует добавить, что, будучи исключительно плодовитым писателем, Архиеп. Иоанн также поддерживал обширную переписку с многочисленными корреспондентами по всему миру. Как мы старались показать, помимо склонности и любви к русской

литературе у Архиеп. Иоанна было принципиальное принятие культуры как действенного начала в мире: «Все в мире призвано к утончению, одухотворению; и по мере этого утончения и просветления приобретает высшую ценность. Тут вся проблема культуры»³². Он был последовательным и плодотворным продолжателем глубокого и существенного пересмотра связи христианства и культуры, начавшегося в XX веке. Еще молодым священником о. Иоанн обратился к печатному слову, многократно увеличивавшему число тех, кто слышал его проповедь или беседу. Эту практику он не оставил и в дальнейшем, продолжая издавать, помимо сборников своих трудов, небольшие брошюры отдельных размышлений и бесед. Когда он начинал свои писательские и издательские труды, нельзя было предвидеть, что впереди будут сорок лет именно устного слова — его радиопередач для России по «Голосу Америки» — на новом техническом витке, получившем почти безграничное распространение. Его огромному архиву выпала счастливая судьба — он хранится в Amherst Center for Russian Culture в Amherst College и легко доступен исследователям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аверинцев С.С. Словарь против лжи в алфавитном порядке (Запись беседы). *София-Логос. Словарь*. Киев, Дух и литера, 2006, с. 847.

² Аверинцев С.С. Христианство и культура, *Духовные слова*. М., 2007, с. 166, 167. Георгий Флоровский пишет о древних монастырях как культурных центрах: "Monasteries were great centers of learning <...> Monasticism in itself was a remarkable phenomenon of culture." Georges Florovsky. "Christianity and Civilization," *Christianity and Culture*. Nordland Publ. Co. Belmont, MA, 1974. P. 127.

³ Никита Струве. *Православие и культура*. М.: Русский путь, 2002. (Первое издание: М., 1992.)

⁴ Наиболее радикальным пересмотром не только церковного прошлого, но и настоящего, можно считать статью монахини Марии (Скобцовой) «Типы религиозной жизни», написанную в 1937 году и напечатанную только шестьдесят лет спустя (*Вестник РХД*, 176. 1997, с. 5–50).

⁵ Зандер Л.А., *Бог и мир* (Мирозерцание отца Сергия Булгакова). YMCA-PRESS, Париж, т. 1, с. 378–379.

⁶ Булгаков С. Догматическое обоснование культуры, *Вестник РСХД*, 1930, 7, с. 10.

⁷ «Православие и культура». *Вестник РСХД*, 1931, 10, с. 15. См. также: Зандер Л.А. *Бог и мир (Мирозерцание отца Сергия Булгакова)*, YMCA-PRESS, Париж, 1948, т. 1, с. 378–384. Ср. из письма (1931) Александры Оболенской о. Сергию Булгакову: «Мне кажется, вообще православная культура — то общее дело, которое в наши времена нужнее всего нам и Богу (в наши времена и в нашей жизни тут)». Эпистолярное богословие. Из переписки отца Сергия Булгакова и Александры Оболенской. *Вестник РХД*, 200 (2012), с. 24.

⁸ Второй том собрания его сочинений с подзаголовком «О Православии и религиозной культуре», охватывает 1916–1957 годы. Зеньковский В.В. *Собрание сочинений*. М.: Русский Путь, 2008. Т. 2. Далее: *СС*, т. 2 с указ. стр.

⁹ Зандер Л.А. *Бог и мир*, т. 1, с. 379.

¹⁰ Русское Студенческое Христианское Движение: история, деятельность, задачи, *СС*, т. 2, с. 386. Этот итоговый обзор был впервые опубликован в возобновившемся после войны *Вестнике РСХД*, в Мюнхене (1949, 7/8, с. 3–19; 9/10, с. 21–33), *СС.*, т. 2, 361–387. См. там же следующие работы Зеньковского по теме православия и культуры: «Православие и русская культура», с. 87–127; «Очерки идеологии РСХД», с. 246–251; «Наша эпоха», с. 402–449.

¹¹ «Проблема церковной культуры», *СС*, т.2, с.304–305.

¹² *Стихи*, 1923, *Песни без слов*, 1924, *Предметы*, 1926. Наиболее полная нам известная библиография трудов Архиеп. Иоанна приведена в кандидатской диссертации прот. Георгия Дзичковского *Пастырство Архиепископа Иоанна (Шаховского)*. Минская Духовная Академия. Жировичи, 2003. (*На правах рукописи*.) Здесь также указаны следующие публикации в России: *Апокалипсис мелкого греха*. СПб., 1997, 143 с.; *Беседы с русским народом* (По материалам книги *Время веры*) М.: Лодья, 1998, 159 с.; *Избранное*. В 2-х тт. Нижний Новгород. Изд. Братства св. Александра Невского, 1999. Т. 1, 369 с., Т. 2, 485 с.; *О тайне человеческой жизни*. М.: Лодья, 1999, 95 с.

¹³ О выборе своего служения Архиеп. Иоанн рассказал в своей *Биографии юности*. YMCA-Press, Paris, 1977.

¹⁴ Цветаева Марина, *Письма к Анне Тесковой*. Academia, Praha, 1969, с. 42. Издание подготовлено Вадимом Морковиним.

¹⁵ С 1946 г. архимандрит Иоанн в США, сначала настоятель Свято-Богородицкого храма в Лос-Анджелесе, в 1947 г. — епископ Бруклинский, а с 1950 г. — епископ, а затем архиепископ Сан-Францисский.

¹⁶ «Первое служение», *Вера и достоверность*. Париж, 1982, с. 19. Проявление писательской и издательской «жилки» оказалось одной из причин, заставивших о. Иоанна перейти в юрисдикцию митр. Евлогия и переехать в Париж, оставив юрисдикцию Карловацкого Синода. См. *там же*, с. 243–254.

¹⁷ *За Церковь*, Берлин, 1938. Перепечатана в: Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. *Избранное*, Петрозаводск, 1992, с. 179–199. Вступительная статья к этому изданию: Ю.В. Линник, «Философ будущего. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)».

¹⁸ *Избранное*, с. 181.

¹⁹ *Там же*, с. 199.

²⁰ *Летопись. Православная культура*. Кн. 1, Берлин, <1937>, с. 73–100; *Летопись. Православная культура*. Кн. 2, Берлин, <1941>, с. 210–226.

²¹ *Там же*, с. 74–132.

²² См. о нем: Леонид Семенов. *Стихотворения. Проза*. М., Наука, 2007.

²³ *Летописные заметки*. Мюнхен, <1947>, с. 7–21. Переп. в: *Письма о вечном и временном*, с. 135–155.

²⁴ *Вестник РСХД*, № 52, 1959, с. 48.

²⁵ «К 80-летию архиепископа Иоанна Шаховского. Интервью, данное *Вестнику РХД* 2 февраля 1982 года», *Вестник РХД*, № 137, 1982, с. 277 и 278.

²⁶ Не претендуя на полноту, укажем здесь несколько статей, обративших наше внимание: «Торжество человечности — тургеневский образ» — о рассказе «Живые мощи», «М.В. Ломоносов — защитник науки и веры», «Религиозное сознание в русской литературе. И.А. Крылов», «Последний путь Рылеева», «О Достоевском», «Кюхельбекер» и др. См. также: «Пушкин у порога инобытия», *Письма о вечном и временном*, с. 173–185.

²⁷ Кленовский — псевдоним, наст. фамилия Крачковский, Дмитрий Иосифович, 1896–1976.

²⁸ В авторском примечании к *Избранной лирике* 1974 года автор описывает свое возвращение к стихам после тридцатилетнего перерыва, с. 217. В дальнейшем были опубликованы еще несколько сборников, в том числе *Иронические письма*, 1975, и *Удивительная земля*, 1983.

²⁹ «Метафизический реализм», переп. в: *Московский разговор о бессмертии*, Н.-Й., 1972, с. 33–36.

³⁰ «Русский реализм», *К истории русской интеллигенции (Революция Толстого)*. Н.-Й., 1975, с. 243–259.

³¹ «Освобожденная лирика», переп. в: *Московский разговор о бессмертии*, с. 100–103.

³² «Бытие определяет сознание», *Письма о вечном и временном*, с. 63.

Berkeley, California

Отец ГЕРАСИМ (брат ИОАНН) *

Из цикла поэм
Вертоград Веры
(поэтические размышления)

Любовь

Лишь благодаря другому существует любовь,
себялюбие заточает ее, зависть ее уничтожает,
скудость ее отрицает, привычка сушит ее.
Любовь питается самопожертвованием,
лишь презрения достоин тот, кто хочет купить ее.
Любовь предвосхищает просьбу любимого,
она опережает его желания, она взаимный ответ.
Любовь свершается в тайном алькове сердца,
где каждый отдается объятиям другого,
на брачный пир не зовут посторонних и праздных.
Любовь выражается понимающим взглядом, жестом,
она раскрывается в молчаливом поцелуе.
Любовь вступает в соитие с противоположным,
но той же природы, чтобы дополнить его,
во плоти из огня, воды, дыхания и нежности.
Сильна как смерть, она возносится над безднами,
примиряет крайности.
Любовь открывает тайну счастья,
приводя к встрече целостного существа
в единении, где настоящее приобщается к вечности.
Любовь не задает вопросов, она сама ответ,
она необъяснима, она живет в упоении мгновения.
Любовь никогда не исчерпывается.
Бог в Своем милосердии отвечает моей любви
Своей Любовью, беспредельной и вечно новой.

* Скит Святой Веры Ажанской – Франция. Интернет-сайт : www.photo-frerejean.com

Утреннее лобзание солнца

В тихой прозрачности зари
псалмопение утрени призывает день к восходу,
ветерок благоухает ладаном.
Прекрасный день радужно озаряется,
Солнце восходит над холмом,
на вершине которого выделяются дубы,
подобно китайским теням.
Пейзаж открывается краскам полевых цветов
и переливам птиц.
Ранняя цикада качает пространство
своим мерным стрекотом,
она нас приглашает вместе угощаться
вареньями и хлебом за горячим кофе.
Каждый воздерживается от размышлений,
Наслаждаясь простым движением руки,
освобождающим его от всякой воли.
Воздух, насыщенный покоем, указывает дорожки,
доступные лишь утихшему взору.
Око пронзает пространство, неустанно созерцая
сию сверкающую мириадами блесков природу.
Наши полузакрытые глаза готовы принимать
оплодотворение лобзанием нового дня.

Тишина

За пределами слов,
за пределом смысла
есть тишина.
Настает время,
когда созерцание — только тишина.
Благодать оставляет в душе тишину,
наполняя ее Присутствием.
Душа только и внимает этой тишине.
Тишина полноты данного мгновения.
В тишине легкого сердца
Бог шепчет:
«Я ждал тебя!»

Перевод Анны Давиденковой

О. ШУЛЬЧЕВА-ДЖАРМАН

СТИХИ

Cristiana sum. Cristiani nihil a me alienum puto.

Христианка. Врач. Исследователь. Пишу стихи и прозу.

Верю во Христа с тех пор, как себя помню. Любовь моей бабушки Надежды явила мне Его еще в детстве. Царствие ей Небесное!

Родилась в 1975 году в Санкт-Петербурге (Ленинграде), детство провела в Латвии.

В 1998-м закончила в СПбПМА, врач, кандидат медицинских наук.

В отроческие годы читала и пела на клиросе в церкви, тогда же открыла все богатство богослужебной поэзии. Размышления над страницами Октоиха и Триодей сложилось со временем в стихи. С 2002-го неразрывно и навсегда связана не только с Россией и Санкт-Петербургом, но и Британскими островами...

Так представляет себя Ольга Шульчева-Джарман.

Ольга, пожалуй, единственный русский поэт из тех, кого я знаю, в ком стихосложение и исповедание не обособились друг от друга, не разделились на литературу и религию. Ее поэзия — не «служанка серафима» (Мандельштам), но ученица Марии, «присевшей у ног Христа». Представим себе, что она захочет рассказать об увиденном и услышанном. Ее рассказ не станет священным текстом, скорее, он покажется исповедью, когда от избытка сердца глаголют уста. В западной мистике популярна тема небесного Жениха, посещающего невесту-душу, и поэзия наполняется трепетом ожидания. Поэзия Ольги звучит иначе, светла и душевно активна, иногда ее ритм напоминает словесную плотность Марины Цветаевой («Жизнь»), но ее напряженность — целиком от веры, от встречи с Тем, Кто был явлен ей еще в детстве и остался с ней навсегда. Совсем не просто перенести детский опыт во взрослую жизнь, раскрыть его и осмыслить, найти для него поэтическую оправу или тайну. В стихах Ольги Шульчевой-Джарман, на мой взгляд, достигается

органическое слияние детского (т.е. наивного, нерефлектируемого, принимаемого интуитивно) опыта со взрослым, твердым, радостным, исповедальным словом. Ее поэзия подлинна прежде всего в той радости, которую несет в себе разделенная любовь. Предмет этой любви — Жизнь, Надежда, Судья всему, Жених всякой души, Бывший прежде, чем Авраам. Узнаваемый в преломлении хлеба. И стихосложение выступает лишь свидетелем той любви.

Свящ. Владимир Зелинский

†††
Жизнь

Он — к ней
спешит и стремится,
персть, прах,
отроковица,
тьма, ночь,
руки простерты,
стерты буквы закона, стерты,
дочь!
С неба — оземь,
с земли — на небо,
рог возносит
и в тайне хлеба

кто — Рожденный
и кто — Сошедший
в немую
ночь?
Кто — Он, кто — Ты?
Сын или правнук?
Имя — светло,
чудно и славно,
лицом к лицу
поднявший Адама
взирает
в ее очи.
Доколе хромать
на оба колена,
доколе быть
добычею тлена?
Встань, пробудись,
отроковица, —
Он собирает под крылья,
как птица,

Он — пришедший

из овчего хлева...

Он — Жизнь,

и она — Ева.

31.03.2013

Пасха по григорианскому стилю.

Свт. Григория Паламы по юлианскому стилю.

18-я годовщина смерти отца.

Он не творит еще чудес.

Он только через год — пойдет.

Звезда. Пещеры черный срез.

Склоненный долу небосвод.

То было тридцать лет назад —
кому об этом вспоминать?

Его шагов в Давидов град
и Петр не в силах удержать.

Ужель крепка любовь у тех,
кто счастлив, исцелен и сыт?
Зевак и стражи громкий смех,
и каждый гвоздь — надежно вбит.

...Он больше не творит чудес,
по водам больше не пойдет.
Пещеры каменистый срез
и неподвижный гроба свод.

Спешащий чистой пеленой
укрыть позорной казни срам
Иосиф рядом с Ним — иной.
Здесь только та же — Мариам.

Песня о моей Надежде

Ты видел мою надежду — иную, чем всё, что прежде?
Когда разверзлись все бездны, и нечего больше ждать?
Над твердью неба отверстой до пропастей неизвестных,
Где луч не найдет себе места — она не устанет сиять.
Надежда, что будет — после, что рядом со мной и возле,
Что после звезд остается, когда и они сгорят, —
Когда и небо совется — надежда моя остается,
Стопами моста коснется над входом в шеол и ад.
О, мрак — под ее ногами! Ее догонишь едва ли!
Хоть думали, что украли — но вот, погляди — навек
Стоит, не боясь ущелий, словно дитя на качелях,
На крепко пробитом древе — сильнее глубоких рек.
Не рушится в бездну ночи, то — светлой воды источник,
Что льется, зовет немолчно из сердца, из-под ребра.
Среди темноты полночной — стопами на древе, прочно.
...что будет, не знаю точно,
лишь знаю: увижу — я.

Кельтский Орфей

Арфы стройте! Полно печалиться!

Пойте, пойте!

Он возвращается!

Тайна гор и дубрав с повиликою,

То — святая тайна великая!

Пой же, Эрин!

Полно печалиться!

Кто не верил?

Он — возвращается!

Плащ Его — изумрудный,

Ризы — как заря,

Он вернулся, о Чудный,

Обернулся Он, животворя.

Песни власть Его —

Власть безмерная.

Взял Он за руку

Дочку Эрина.

Горы стронул Он с места струнами —

Струны Мать Его исткала Ему!

Пой же, Эрин!

Полно печалиться!

Двери, двери!

Он — возвращается!

+++

Свидетель

Яне Батищевой

В тот день он не спросит Его ни о чем —
веков рассечен поток.
очами — к очам, и к ребрам — перстом,
и солнца восход и восток.

Кто прежде жив, чем был Авраам,
и Ноя в ковчеге сберег —
и жатва Его, и Его зима,
и всякое время и срок,

и все — от Него, и в Нем, и к Нему,
кто — Странник, как Мелхиседек,
и был осужден, и — Судья всему,
был мертв, и — живой вовек.

В тот день Он не спросит его ни о чем.
От смерти — на дланях след.
И белый камень, и имя на нем,
И тихий, радостный свет.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

У истоков русской эмиграции: Письма Юрия Никольского к Алексею Струве*

Юрий Никольский (1893–1922) — многообещающий литературный критик, его адресат — Алексей Петрович Струве (1899–1977), его друг по Петербургу. В письмах упоминаются Петр Бернгардович и Нина Александровна — отец и мать Алексея, а также его братья Глеб (1898–1987), Котя (1900–1948) (в эмиграции ставший иермонахом, о. Савва), Лев (1902–1929) и Аркадий (1905–1951). Не меньшими друзьями были Владимир Андреевич Оболенский, известный общественный деятель, и его старшие дети Александра (1897–1979, в эмиграции мать Бландина), Сергей-Гуля (1901–1992), Андрей (1900–1975), Лева (1905–1987) и Ирина (1898–1987), возлюбленная Никольского, ради которой он поехал из Болгарии на моторной лодке в Крым, чтобы вызволить ее оттуда, но тут же был арестован и погиб в тюрьме.

Публикация и примечания
НИКИТЫ СТРУВЕ

* Окончание, первые 10 писем см.: Вестник № 201.

11

22.01.1921

Алексею Петровичу Струве

Експ. Никольский, Стишка ул. 88

У г-жи Живанович

Лялик мой, жду большого письма. И по поводу планов Петра Бернгардовича. Это ведь все то, о чем я думаю мучительно. В Софии Эрвин Гримм, с которым я сблизился, и его с Соколовым «Русские сборники» — подходящее начало (там будет в № 2 моя статья). Соколов «со всячинкой» (личное впечатление и ощущение — больше ничего!) — это с какой-то высшей моральной стороны, но умяга, а «с умным человеком и поговорить приятно». Вся глупая музыка с Учредительным собранием происходит, я думаю, от бессознательного ощущения, что «в полном отрицании нету благодати». Вытаскивают ветошь, залезают сами под красную звезду. А нужно совсем иное. Я в Белграде вижусь (мы) только с сербами и страшно этому духовно рад. Очень умный — проф. Белич и правильнее думает о России, чем все Учредительное собрание, хотя иностранец, только бывавший в России.

Мы учим сербский до смерти. Все-таки трудно. Трудно будет с курсом к осени по русской литературе — книги все погибли во время войны. Придется или к вам в Париж ехать, или хоть в Софию, или в Вену.

А тут внедряется летняя поездка в Крым за нашими, о которой думаю днем и ночью не переставая. Может быть, через грузин? Напиши свой совет, как действовать, но только осторожнее.

Я готов даже для осуществления выезда и вообще на время большевизма принять сербское подданство. Это не совсем — «гражданин К — Ури» — Ставрогин или Герцен, потому что — slaves, и все — будущая когда-нибудь Славянская федерация, так что на себя самих работаем. А refugeé — не хочу! Целую всех и жду письма (а может быть Котю?).

Мы с Асей напишем на днях, но ты не жди, а пиши раньше. Ася и Андрей — студенты. Новый семестр с конца февраля или марта. Тогда Котя уже к нему и приезжает. На какой же

факультет? Философский? Потом необходимо известить заранее о приезде. Тут громадное затруднение с собой, то есть комнатой. Если Гуля не получит французской визы — приедет тоже к нам. И тогда мы двух кого-нибудь возьмем. Все остальное легче. Но, может быть, сыну Петра Бернгардовича и комнату легче найти. Все остальное будем вместе.

12

Ляле

1) Огромная просьба к Глебу (на другой стороне).

2) Я просил Поляк — напомни им: есть ли в Париже «Poésies de m-me Olga N*** (3 звездочки), Moscou, 1860». Оттуда списать стихотворение «La foule est pressée». Фет его перевел «Толпа теснилась»... и т.д. Скрыв, что это перевод.

3) Посылаю стихи Полонского. Дрянь, по-моему. В «Русскую мысль» на задворки.

Гуля что-то расклеивается. Боюсь, как поедет.

Нежно целую тебя и приветствую братьев.

Юр. Никольский

(выписка из письма Тургенева)

Баден-Баден

Понедельник, 28/16 авг. 1871.

«Был недавно в Шотландии, присутствовал в Эдинбурге на юбилее Валтер Скотта, даже произнес спич (весьма короткий и заранее наизусть выученный), сбился раз, чем заслужил рукоплескание. Впрочем sahal во всех газетах за m-g Torguenoff a distinguished novelist» .

Нельзя ли в Оксфордской университетской библиотеке найти эту речь? Есть юбилейный том, составленный сыном В.Ск. Во всяком случае есть же какая-нибудь библиография и что это за «sahal» Если не найдется, нельзя запросить Эдинбургский университет насчет этой речи?

27.01.1921

Лялик! В шитом бумажнике ездят по всему свету все записочки и бумажоночки, писанные чьей-то рукой. «Дорогие Ю и Ю Я приду лишь тогда, когда тот, кто ходит в зеленом пальто, тот, кто телеграфирует в воздух длинными угристыми пальцами...»

Вот эти угристые пальцы вынули чье-то (я не знаю...) стихотворение.

«Какие дни мне предназначены
И в бурях шумных и в тиши».

Не надо ли думать, что эти пальцы сами думают (заботливо думают о друге), как когда-то они сами разговаривали? Эти тонкие «интеллектуальные» пальцы.

Я хотел написать в сегодняшнее письмо статью об Андрее Белом «Христос Воскресе», вещь все-таки возбудившая, хотя и обозлившая, меня. Но о ней я пишу твоим братьям Коте и Леве (отчасти). Потому *punetum*. А статья в следующий раз.

До сих пор я жил уединенно, выдаясь только с сербами (поэтому о замышленном тобой плане насчет молодежи не с кем было говорить). Но вчера прорвало плотину. Прослышали. Явилось сразу три посетителя-одессита, а сегодня я был у проф. Плетнева по его приглашению и получил три урока в неделю русской литературы в здешней гимназии (старший класс), причем поставлены условия — вести национальную линию, причем говорил глупости (хоть и профессор и глава Государственной комиссии, от которой мы все зависим с пособиями и стипендиями) об эстетике и мистике, противопоставляя этому национальное.

Ах, милый друг, людская ограниченность очевидна и *du bist am Ende was du bist*, и она иногда мила даже своим особым уютом, но отсутствие художественной культуры убивает. И больно за границу, потому что все скопившиеся здесь политики — просто обыкновенные невежи в вопросах искусства, философии, всего повыше Учредилки и своего комитета. Это нужно признать, что Советороссия людьми в этой области сильнее. Ведь это же — по существу-то — ужас, что Петр Бернгардович вынужден приглашать заведовать литературным отделом Бунина. Еще его друга Федорова не хватает. Он,

может быть, очень милый человек и патриот, но его баштаны-маштаны (татарский жаргон), ведь они поэтически не многим выше какого-нибудь К.Р., у которого хоть корона великокняжеская на голове. Впрочем, академик. А то, что он писал о «Двенадцати» Блока, когда они вышли, — ведь это была просто пошлость, проникнутая себялюбием ущемленным, а может быть, и патриотизмом, но не то и не так как надо.

Все хвалят прозу его, то есть те, кто хвалил платье короля в андерсоновской сказке, потому что de l'Académie, но ведь там никакого нового слова (выражение Достоевского) нет, а скучный тусклый эклектизм (ведь скучно?!), а сливки интеллигенции эмигрантской, наверно, проглядели «Петербург» Белого — этот во всяком случае необыкновенный роман, и так все: проглядывают, проглядывают, лепечут старые слова, а есть Бунин. Разве так можно строить национальную культуру? В Софии болгарские профессора и поэты больше знают о Блоке и Ахматовой, чем средний эмигрант (почтеннейший Плетнев), который (мои новые знакомые Сухотины¹), раскрывая белые стихи, говорит: «Да разве это стихи». Дальше рифмованного ямба не ускакали.

Я надеюсь, что такие преданные Гумилеву и всем нашим, всем питерской нашей школы, как ты, как Глебец, — «постойте». Да, я серьезно думаю, что вы (и я с вами) в этом, что называется, «надежда России». Вез я чудный «Костер» Гумилева и «Вожатого» Кузмина. Все погибло мучительной дорогой, а какая это чистая, как солнечные нити, лирика! Кончаю одним стихотворением, вновь изобретенным, а со старыми я спутался, которые известны, которые нет. Еще. У Ирины забыты Сережины стихи. Нет ли у тебя их? Я их не помню.

У нас острейший денежный кризис образовался на ближайший месяц, так как за собу (комнату) целых 600 динар в месяц. После обернемся, поэтому молю о пристроистве Фета как-либо.

Да, Париж. Единственный город незабвенно серенький, грациозный до последнего памятника в Люксембургском саду, до решетки на доме. А потом Нотр-Дам с двумя глядящими думающими глазами на каждой башне, и химеры, и Венера Милосская, и даже — знаешь — tombeau Наполеона! Всюду есть стиль и та умная, немного грустная и многознающая романская мысль, перед изяществом духовным которой молит-

венно благоговеешь. Целую тебя. Пиши о Париже, о своих встречах, о чем хочешь и помни, что я люблю тебя.

Ю. Никольский

Ася напишет в «други пут». Мы часто грустим о своих, и сейчас она. И не находит слов, как написать тебе о них.

Узнай в «Последних новостях» адрес Карабчевского и отошли письмо заказным о Ек.Ник. Напиши мне отчет о всяких издательских печатных, газетных, журнальных предприятиях Парижа.

Твой чемодан крымский всюду возил «Толя», к великим восклицаниям ближних: «Да ведь он Лялин!»

Не встретили Петра Бернгардовича — одно купе было занавешено и заперто, казалось, там кто-то храпит. Не он ли? Пойдем послезавтра, надеемся.

Другой экземпляр статьи о Белом — я посылаю в Софию, но там, кажется, кто-то другой пишет.

А Ирина курит. Твое мнение??

14

[Без даты]

Дорогие Глеб и Лялик!

Обязательно устраивайте нас с Владимиром Андреевичем и «детей» в Париж. Подавите хорошенько на Маклакова и Петра Бернгардовича. Обо мне поговорите с Patouillet, которого можно найти через Могилянского. Я хочу изучать архив Виардо. Кроме того, Метальников², едущий с нами, говорит, что в colleg'ах можно преподавать русский язык. Затем я хотел бы издать две три книжки, если там есть издатели по литературе, и брошюру о моем «Voyage au Nord de L'Europe». Гуля поступил на факультет восточных языков, Андрей в Политехник, а мы с Владимиром Андреевичем и Асей будем зарабатывать, а потом к лету, может быть, придумаем, как выручать остальных. Мне очень хочется жить с вами, и учиться будем вместе, и все. У нас очень милая тут богема. Временно пристраиваемся постепенно, но ждем, ждем, ждем от вас разрешений и т.д. Ради Бога, поскорее.

А пока целую и шлю стихи. Где Нина Александровна?

Юрий Никольский

III. РАЗНЫЕ СТИХИ

1. Старухи

Пьют чай на улицах, торгуют
И сухаревкой все живут.
Обжорной лавкой именуется
Москву интеллигентный люд.
Обжорной лавкой. А скелеты
Старух, с плакучими глазами,
У них и корки хлеба нету,
Забыты Богом, бродят сами.
У них ни корки хлеба, бродят —
По улицам, как по кладбищу.
Зонтом в вонючих кучах водят,
Себе отыскивая пищу.

2. Ляле Винберг

Грустная ты Ляля!
Загорели ножки.
Помнишь ли? Едва ли.
Мы играли в блошки.
Кистью Богомаза
Писанная гибко,
<...>

15

23.03.1921

Милый мой дружок!

Письма не получал, а вот секретка пришла. Пользуюсь оказией с тем, чтобы отвести душу. Я подробнейшим образом пишу обо всех комбинациях Владимира Андреевича. И ты поговори с ним, а затем с папой и мамой. Нельзя терять этого лета, потому что это значит потерять еще год. А я на это просто не согласен, пускай лучше буду рисковать своей головешкой. Я просто не могу тут есть каждый день, зная, что они там не едят, учиться и пр. Может быть, это и глупо, но это так. И как-то неприятно, что при этом все как будто

сводится к тому, что я «трепещу за свою шкуру», когда я, во-первых, за нее вовсе не трепещу, а во-вторых, она мне надоела до крайности. В конце концов все двадцать семь лет, что живу, это какие-то могилы и могилы. В 12-м году умерла мама и наша «нянечка» — тетя, которая была для нас с Сережей то же, что для вас няня. Затем Сережина ужасная гибель³, а затем не менее, кажется, ужасная гибель Николая Львовича, который так много значил в моей жизни. Нету Трифонова, Сережи Милокова — лучших и близких моих людей. Сейчас полная неизвестность и Бог знает что с Ириной и Винбергами, папой и тетей Полей. Страдания выковывают «волю к победе», и я хочу победить их в действии. Я не верю, чтобы было совсем невозможно проехать к ним, хотя риск, разумеется, велик —

Меня могила не страшит.

Там, говорят, страдание спит —

В холодной, вечной глубине.

Но с жизнью жаль расстаться мне.

Прочти мой «Константинополь» — «Все голубым отуманено светом» и пойми, сколько еще гимна солнечному лучу таится в моей душе.

Теперь об осуществлении. Мне кажется, что всех и сразу — невозможно, конечно, и я берусь только Ирину, одного мальчика и одну девочку, а Ольга Александровна с двумя другими во второй партии и Винберги и Рейтлингеры отдельно. Но ты понимаешь, что я привез бы им деньги, кусочек нас здешних и указания всякие, куда и как, что было бы чрезвычайно важно. Мне только попасть туда, там меня устроят друзья Владимира Андреевича, Оля Морозова и другие. Но какую надеть шапку-невидимку, чтобы перейти китайскую стену? Может быть, мне стать Сергием Н., чтобы не совсем потерять себя. Может быть, воспользоваться тем, что мама была грузинкой. Грузин возвращается на родину на какой-нибудь лодочке. Но там, там-то меня не знают, и сразу попадешь в Ч.К., потом, как говорит добровольческая пословица, — докажи, что ты не верблюд. Многие украинцы пробираются через Галицию с украинским паспортом. Это было бы, пожалуй, ничего, но оттуда переть сколько, при отсутствии «железничка» и притом что там всякие запорожские атаманы. Я хотя готов хоть пешком, хоть как. Визы, визы! Лучше всего, как ни странно, через

Север, но там опять сложности — виза туда и передвижение через всю Сарматскую низменность. Мне бы хотелось, чтобы не принадлежать к отверженному племени и потом привезти своих, — принять сербское подданство. А то ведь всякий выезжающий из Сербии русский — не получает по новому распоряжению обратной визы. Ну вот. Все-таки первое, что надо, я думаю, поехать б в Болгарию и там поразмыслить. Но все это как подумает обо мне Петр Бернгардович, ведь я ему свою судьбу вручил. Ведь он же великий и испытанный мастер на эти дела — вспомним Аркадия Бормана⁴ и <...> Зайцева. Только бессарабский путь, увы, мне заказан.

Очень скучно иметь дело с сумасшедшими, которые все только говорят о пункте своего помешательства. А я такой, и тебе со мной скучно, остается отвечать милыми и коротенькими синенькими улыбками (на синеньких бумажках).

Поговорим о «Русской мысли». Политическая часть хороша и литературная, поскольку она политическая, то есть патриотическая. Но насчет кудреватого Зайцева, который к высям творения гордо шагает — *amicus Plato sed magis amica veritas*⁵. Ты говоришь: мысли и чувства, но в выражении же есть тоже и мысль, и чувство. Дурной лиризм Бурцева (дурного тона лиризм), вероятно, и тебе не нравится, хотя против мысли ничего не скажешь; она так обща, что ничего не скажешь, а чтобы сделать ее не общей, чтобы не стерто было, где орел, где решетка на пятаке, нужна какая-то форма, создающаяся традицией. Бывают такие чувства, которые не должны выражаться как чувства (ведь он же не дама!), а вся эта боль должна выкристаллизовываться в мысль, волю или уже художественный образ. У нас в России наша никогда ничему хорошенько не учившаяся интеллигенция расплодила дилетантизм — политический и литературный прежде всего. Открытия по высшей математике может делать только специалист, а писать о политике и особенно о литературе считает себя вправе всякий, так же как многие теперь пишут рифмованные строчки и считают же стихами. Но мы знаем, что там, где рифма «розы-грезы», трудно ждать нового слова и откровения в лирике, точно так же, когда мне говорят «лучезарный Пушкин», — я закрываю книжку со спокойной уверенностью, что этот человек прочел когда-то Белинского, очень хорошо настроен по отношению к Пушкину, но ниче-

го написать о нем не может. Надо дорожить каждым словом, каждым эпитетом теперь, когда все духовно-ценное на вес золота. Там, по ту сторону роковой черты, не напишет Эйхенбаум о Пушкине: «лучезарный». И всю эту кудреватость надо выбросить. Надо стараться говорить ясно и твердо. А главное — чтобы не дилетанчить. Я просил поместить ахматовскую статью Мочульского поскорее, потому что это человек, которому следует доверять. Надо поместить трагедию Недоброво, может быть, я к ней напишу несколько слов (или Мочульский) о покойном авторе. К моей статье о Белом (пойдет ли она?) я вчера послал примечание из сербского поэта Љебух'а, где Русија сравнивается с распятым на кресте Лебедем мира и все в беловских тонах; черт его знает, сам ли додумался или прочел «Христос Воскресе» — все стихотворение панславистско-большевизирующее (тоже сочетаньице!). Кроме Белого я послал большую статью о Фете — которую хотел бы увидеть и которую нужно для (Фета) внимательнейше набирать что курсивом, а что нет. Затем стихи. Мне бы хотелось, что если уж будут — то сразу вместе, да славится Ириночка. Дальше буду писать, когда узнаю судьбу. Тут еще всякие народы скрипят перьями для милых голубеньких книжек. Но что-то с издательством плохо. Нигде этих книжек нет, нигде объявления, хотя издательство публикуется. Только один раз в «Последних новостях». А стоит столько же, как «Современные записки», которые вдвое больше. Тут что-то надо Сувчинского поцукать, а то бы не сели.

Не было ли рецензии на «Тургенев и Достоевский» где? Как-то совсем промолчали.

16

24.03.21

Вчера отправил (собственно, даже сегодня) огромное письмо тебе и Владимиру Андреевичу с одним поэтом. Когда напишешь одно письмо, хочется еще, хочется все время с тобой разговаривать, милый друг мой. Вчера были на «Дяде Ване», и вот оказывается, что в Белграде нашем есть такое, чего нет в Париже. Сейчас мы, люди, живущие «через 200–

300 лет», смотрим совсем особенным взором на чеховские пьесы. Та духовная жизнь физически стала невозможной, немыслимой. А корни того, что сейчас, — видишь там. И я понимаю, что проф. Белич говорит: корни вашей революции в праздности людей, живших в вишневых садах. Это очень жестоко сказано. Да, мы расплачиваемся как-то за все это. Какой Чехов романтик материализма. Будущая жизнь заменяется «через 200–300 лет» (хотя конец «Дяди Вани» говорит о ней и буквально), Царство Божие — конституцией, «бесконечно в конечном настоящем» — это чертовский лес. Но «Name ist Schall und Rauch, umnebelnd Himmelsglut». Английские купцы идут торговать с Россией. До чего дожили. Ну вот. Внимательно читай мое письмо и помоги. Что англичанин Глебев? Не может ли помочь чем? Ляленька, пойми же ты меня во всем. Ну, всего доброго. Привет твоим молчаливым братьям. Целую.

Как мамино здоровье? Беспокоюсь.

Ю.Н.

Я хочу написать об Ахматовой, но о ней будет Мочульского в «Русской мысли»⁶, — куда? В «Современные записки» очень неприлично? Напиши, что думаешь. Вчера видел владельца книжного магазина. «Русская мысль» плохо расходуется из-за высокой цены. Она стоит столько, сколько «Современные записки». А они толще и считаются разнообразнее.

17

[Без даты]

Милый друг!

Никакого от тебя привета. Я уже хотел мстить и на конверте написать «roug remettre a M-me Winawer» и не вложить ничего тебе. Мне Женя Поляк прислала телеграмму: «pas de lettres swinstvo», а я тебе мог бы послать такое же «swinstwo».

Вы упрекаете меня — по словам Владимира Андреевича — за болтливость в моих любовных делах. Но откуда же я мог знать, что письма к тебе будут читать какие-то посторонние для меня люди? Милый, я неопытен и каюсь. Но, с другой стороны, виноваты и вы; друзья должны быть такие, что на

них можно положиться, как на каменную гору. Ты же оказался дюной, а не каменной горой. Потому что насулил мне журавля в небе своими Пэтитами (Petit) и бездну всяких виз не только мне, но и всей фамилии, а на поверку даже и Гуля не получил этой самой визы. Вот и выходит, что дюну надо обставлять подпорками в виде писем, которые толкут, дабы им отверзлось. И сейчас, после твоего дюнного «предательства» с Гулькой, я чувствую опять какое-то глубокое одиночество и покинутость в остальных своих планах, отчего просто хочется «на стену лезть». Со мной только два мальчика и девочка, которые ничего не могут. Но это ты сам все представь себе прекрасно, не повторять же мне сначала.

Позавчера вылезли в свет и слушали в Земуне (чудном в немецком стиле городке) доклад о книгах иностранцев о русской душе (чехов, поляков и немцев — приват-доцент Соловьев). Доклад постараюсь для «Русской мысли» — интересный. Они, все эти этранжеры, выводят все особенности национальной русской души из религиозных влияний (православия), и это очень интересно. Но я-то думаю, что на само православие повлияла какая-то древняя религия, которая была перед, и Ярило так освятил для нас Пасху, а с другой стороны... Смотри, из природы мы берем больше всего растения («клеякие листочки»), тогда как католичество и в своих химерах, и в брато-сле Франциска как-то «по-египетскому» если не боготворит, то чувствует мир животный. Наши крестные ходы и Царские врата Ярославского собора, это христианское переживание Индии, тогда как Запад христиански переживает, может быть, Египет или что-то другое во всяком случае. И так, как в лингвистике различие говоров, хотя бы великорусского и малорусского, основывается на каких-то более древних различиях, так и католичество и православие в своем существе ведет начало не с церковного раскола. Ты подумаешь, что об этом говорит Соловьев или чехи? Нет: «Я сама придумала песню». У нас обе книжки Ахматовой с ее автографом от вдовы Недоброво. Живут. И очень это приятно. И еще ваш сборник. Котя не рассердился на меня за письмо? Я полон дружескими чувствами, так что сердиться грешно. Приветы от нас всех и всем. Ася бредит Петром Бернгардовичем еще до сих пор — когда же мы будем встречать обратное движение? Целую Тебя.

Юр.Никольский

[Без даты, вероятно весной 1921]

Ляленька! От тебя ничего. Говорят, что ты скоро наживешь себе чахотку за студенческими своими обязанностями. Не переутоми себя слишком этой маетой жизни и оздоровляй свой дух струями вечного. Вот Савицкий каждую статью смотрит *sub specie aeternitatis*. Может быть, и ты такмотришь на свои «малые дела»?

Получил ли ты письмо с поэтом Божневым⁷? Исходя из «Не верь, не верь поэту, дева» — я боюсь, что нет, а потому повторяюсь, хотя, может быть, и скучно...

С 1-го июля по 1-е сентября я, очевидно, свободен. И если я этого времени не употреблю на никогда себе не прощу. Но, конечно, если раньше, то раньше. Значит, нужно проехать. Важно очутиться по ту сторону китайской стены каким-либо сверхъестественным способом (в мире нет ничего такого, что было бы невозможным, если очень захочешь, — *credo quia absurdum*), на месте я как-нибудь сориентируюсь. Прежде всего — подумаем о Болгарии, куда я смогу, должно быть, достать визу, а Петр Бернгардович в случае чего и помочь. Надо иметь в виду, что визы и обратная виза в Сербию русским сейчас почти невозможна. Я уже тебе писал, что в случае чего готов сделаться сербом, но хорошо ли это для болгар. Пока большевики в России, я чувствую себя больше сербом, чем русским, пусть меня Лукьяновы осуждают за это, если хотят. Значит, черноморский бассейн. Завязываются ли торговля, отношения и с какими странами? Сейчас пришел П.С. Бобровский⁸ и устроил проводы Гульке. Помнишь Саяни, Лицера, и «я т-тебя зз-абодаю!»? Ну вот. Пока что пишу тебе в твердом уме и полной памяти. Продолжаю. На втором месте Константинополь. У Владимира Андреевича там есть добрый еврей. Но этого мало. И как виза. Нельзя ли? Опять если серб — другое. Затем не замести следы и высадиться сначала у Кемалья, или на кавказском побережье, или как еще. Я убежден, что пограничные места кишат большевистскими шпиками. Есть еще такая комбинация. Я грузин (с паспортом). Там ... возвращаюсь на родину, все равно какую. Но там нет уже, кажется, ни единой полосы не большевистской, а к

большевикам попадешь — что скажешь? Румыния? Не люблю цыган этих. Потом Одесса и днепровский район для меня погибли. Если черноморский район отпал совершенно, пришлось бы брать севернее. Но как пробираться по России? Я знаю, что едут с украинским паспортом куда-то на Украину (есть ли такая?) и оттуда просачиваются. Но от какого-нибудь Проскурова сколько до Крыма! A prieds?⁹ Я готов в общем на все. Третья комбинация Н.А. Рейтлингер, который ведь тоже заинтересован. Но это еще дальше. Кошутич поедет в Финляндию выручать русских профессоров. Но с ним это так не по пути.

Если можно, напиши Лейкиной, и пусть она известит тетю Полю и моего отца, а те пусть свяжутся с Саяни. Для меня крайне важно, чтобы они все были связаны. Микеной, адрес старый (потом она ведь в Музее революции и к нации принадлежит благонадежной).

Вот, милый, непременно сделай обо всем этом доклад Петру Бернгардовичу и маме, и пусть они близко примут к сердцу. Я все возьму поручения (может быть, от французской разведки??), затем приеду и опишу все т.ч. чертям только станет. Ясно?

Теперь вот что. Когда выходит 2 № «Русской мысли»? Извини меня, но ужасно нелепо объявление в «Последних новостях», и почему нет в «Руле»? В «Общем деле»? — точно болгарское издательство стесняется, что оно издает «Русскую мысль»! — 1) «на днях выходит» — когда давно вышла, 2) нет где она продается в Париже. Хорошо бы о содержании дальнейших NN. Как распределяется материал? Что нужно доставать в первую голову?? Держите меня в курсе дела. Нужно сбавить цену. А то тут не расходится, и «Современные записки» побивают толщиной и внешним разнообразием.

Ну, сейчас у нас ужин. Я устраиваю здесь семинарий по русской литературе, а затем литературный студенческий кружок, где вчера читал об Ахматовой с огромным введением по истории русской лирики.

Неужели безнадежно с изданием Фета и Полонского?? Юбилейную заметку о Фете — выкинь ее, пожалуйста, а вместо нее серьезную статью о поправках Тургенева. Ну, посылаю Вам Гуленка. Люби его, пожалуйста, и озаботься внутренним его устройством и будущей китаистикой.

Тут около Палеолога какая-то палеонтологическая черная сотня. Я глубоко бел, но вижу, что черная сотня это не большевики даже, в которых, *entre nous soit dit*¹⁰, есть своя широта, хотя бы во внешней политике. Это же эс-эра, люди буквы, и как у с-р вся программа расплзлась, а они все свое, так и тут. Я ориентируюсь на «Руль» и Набокова¹¹.

Целую тебя, милое существо! Это ты чей бинокль забыл у Поляков? Пиши хоть синенькие свои поцелуи и описывай Гульку, как он там изнутри. А затем помни, что наша Ириночка там и должна быть здесь со всеми, с Рейтлингерами во что бы то ни стало!

Напиши о здорovie мамы. Привет братьям. Неужели Глебушка не получил моего большого письма о глупой истории с забаллотированием меня в ученом обществе? Боже, как я зол на этих кретинов и сплетников. Гуля расскажет подробно все, и нашу жизнь. Ася и Андрей приветствуют.

Alexis'у со вложением 1000 поцелуев

19

[Без начала. Без даты. Вероятно, февраль-март 1921]

«Слово» мне отказало в Фете и Полонском. Сувча молчит и Савицкий, а между тем мне хочется развязаться с этим столько тасканным имуществом, да и деньги были бы на поездку.

О Кронштадте не хочется писать, раз все кончено. Теперь, когда кончилось, я вижу, что меньше верил в успех, чем сам себя хотел уверить. Тут произошло, как и с Крымом, что-то психологическое, как большинство русских восстаний и революций. Так, как Крым, Кронштадт объективно смог бы как будто держаться, но психологически тут можно было или сразу сорвать успех, как мартовская революция 17-го года или денкинское наступление, или — ... Крым был психологически обречен заключением польского мира, а Кронштадт тем, что его не поддерживали в первую же минуту. Мы же так истеричны, что на Верден неспособны, и побеждает тот, у кого крепче нервы. Вот теория кронштадтской гибели.

Почему Глеб не отвечает и братья твои замолчали? Может быть, Глеб не получил письма? А Кот сердится? Напиши. Сейчас иду заниматься сербским и не могу всем написать. Что с мамой? Напиши подробно.

Все спрашивают, кому я так много пишу и «стоит ли он». Да, ты скуп на слово. Твои «кудри» я люблю, но читаю их долго. Хоть бы поучился каллиграфии, у меня другой есть еще корреспондент такой, Павел Сомов. Нельзя ли написать Вере Лейкиной, одной из моих двадцати друзей. Ты висишь у нас на стенке... рядом с И.

Нежно целую. Пиши.

Ю.

Гули визы все нету, «чепуха совершенная делается на свете» <...> Всем горячие и нежные приветы.

20

[Без даты. Вероятно, февраль-март 1921]

Сегодня, милый мой дружок Ляля, опять трудолюбиво пойдем к экспрессу встречать, если нет, то уже завтра отправлю письмом — заказным, почтой. Мы учимся языку у одной сербкини. Ася и Андрей пошли. Я вдогонку. Был там всего раз. Ни броја (номер), ни фамилии не помню. Заходил, как дурак, во все дворы и спрашивал: «Ту не имате једну гостенцу студенкинје? Како се зове?» — «Не знам». Так и не нашел. Опоздал, так как был в гимназии, где с понедельника уроки. Милый, общее впечатление гимназии неважное. Казенщиной пахнет. Директор распекал милого гимназистика с вихрами за то, что тот смеялся. Может быть, не нужно было смеяться. Но так, должно быть, хорошо смеялся этот мальчишка и что-то не то и не так было в директоре (проф. Плетнев). Может быть, так и надо, но как это грустно, Ляль, что мало где чувствуешь себя своим. Сейчас нужно человеку быть «правым» в духе своем, а все делать радикально, почти как большевики, но безо лжи их, только тогда будет толк. О, это так далеко от «эсерства», «кадетства», етс. И школа и все — наново, пока это не уразумеют — большевики будут сильнее. У нас если радикально, то этот червь и сердцевину съедает.

Нужна стальная сердцевина, густо национальная. Очень мне хочется, чтобы напечатали о «Христос Воскресе» Андрея Белого. Тут я вложил какое-то свое слово, хотя, может быть, это и незаметно. Вчера от Гульки наконец письмо. Я совсем истаял от беспокойства. У меня нервы никуда. В Одессе я не отпускал их и на час от себя, но там имелись основания для беспокойства. Ну, а тут «само беспокоится». Он, обезнадеженный французской визой, продлил сербскую и, если до конца формальностей в Bureau des Interallies французской не получит, едет к нам. Хорошо, если привезет денег, а то мы чересчур осоветились в нашем питании и скрипим все... и на сербской территории, денег почти не получили. Если он все-таки приедет к Вам, может быть, целесообразно сослать его к Леве в Гренобль на поселение. Помни, что в его возрасте единственная форма дружбы старшего с младшим (*entre nous soit disant*) — это просвещенный абсолютизм. Слава Богу, в тебе нет вильсоновских предрассудков. Нельзя ли в Париже добыть мне «Петербург» Белого? Мне бы вообще хотелось дать ряд очерков по литературе (главным образом лирике, конечно). За последние 10–15 лет что вы имеете из поэтов (не Бунина)? Кто поэт, прошептавший мне к Новому году такие милейшие строчки? Мы так хорошо живем вторым в одной комнате и долго разговариваем в кровати. Везде ковры и коврики. На стене коврики вышитый «И молимся Боже наш» и Ириночка.

21

[Без даты]

Лялик милый! Чего же ты мне не пишешь, дружище? Обиделся? Но ведь я знаю, что все это трудно с визами, и в общем пошутил, что ты дюна. Будь, пожалуйста, горой, но присылай письма, а то я буду думать, что это гора миража.

Вчера послал письмо о 1-м № «Русской мысли» Петру Бернгардовичу. В общем я доволен, чрезвычайно, что существует опять эта голубенькая книжечка на свете. Ну, а ты что? Погряз в политике и общественности. Сообщу тебе и папе, что если летом мне понадобятся деньги, то Глазберг готов

финансировать, так что дело не за этим. Кроме того, он дал мне *carte blanche* насчет «Переписки Фета и Полонского». Нельзя ли издать в Париже? Это 25–30 печатных листов (215 писем + мое введение и комментарий + 2 рассказа Фета + 2 статьи Фета, относящиеся к тексту). Содержание ты знаешь, если помнишь «Историю одной дружбы Фета и Полонского» в «Русской мысли». Поэтика, политика, обсуждение стихов друг друга, воспоминания и впечатления от Тургенева, Толстого, Ап. Григорьева, Майкова и т.д. Стилль «флоберовский» по качеству; вообще материал первый сорт, издание типа «Ап. Григорьева» Княжнина. Сосватай. Если удастся, то авось я успею прислать с Гулей (сейчас напиши: где, как и условия). Voila. О Гуле ждем ответа из Парижа. Мой сербский что-то остановился. Я что-то нервничаю. Не очень верю известиям о России, а хотелось бы.

Но если бы вдруг произошел переворот, то в Россию нужно было бы русских граждан пускать по визам и к здешней компании Палеолога нужно применить остракизм как к эсерам. Скажи папе, что отношение сербов к нам на моих глазах хужеет катастрофически из-за этой грубой и глупой черной сотни и что необходимо какое-нибудь вмешательство извне, памятуя, что только просвещенный абсолютизм спасет Россию (а эта компания русских здесь заправил — именно лишена намек на просвещенность).

Я думаю, что сейчас в России одни из наиболее сильных политических людей — правые, потому что они свободнее других, потому что правых партий в России собственно не было. Таков Шульгин. Но их несчастье, что они должны опираться на черное стадо, которое дальше своих поместий ничего не видит и само погибает в злопахательстве.

Ну вот. Целую. Не сердись. Пиши Копанничка 7а. Не делай из мухи слона. И вообще думайте там обо мне и наших здешних и нездешних родичах. Сегодня был у меня Соловьев (ростовский), кроме статьи о русской душе напишет о Святой Руси. Умный. Моложе сорока лет (то есть не вышел в тираж).

Твой Ю. Никольский

22

[Записка карандашом]

28 — после экспресса

Опять не встретили. Или он сидит запершись в купе, или, почувствовав свободу, от <...>, наслаждается нашей милой Софией. Ходит, верно, кушать кисель млеко с сахар.

Но Белград тоже недурен, высоко на Саве и Дунае, врезываясь в них, небольшой городочек. А улица Краль Александр — около наших Стишек и Капаоничек (Капаоничка 9 — адрес) — это наша южнорусская провинция, где я провел свое детство. Что-то немного от «Вечеров на хуторе». Если б книги или организовать поездки в сердце Европы, то я бы был доволен; детям же лучше такое место, чем гул столиц, и я все думаю, как Наталя и Мика и Лева будут учиться у меня в гимназии. <...>

23

[Без даты. 1921 г.]

Душа моя! Ляленька! Что же делается в России? Мы перешли от эпохи белых генералов к красным генералам. Все подтверждает, что *mutatis mutandis* события повторяют 89-й год, а не смуту, что было бы, если б победил Пожарский-Врангель. Как-то брезжит Наполеоном (я не по фигуре беру, а по историческому месту — необходимая оговорка!). Но пускай будут эсеры, кто угодно — лишь бы был конец эпохи Марата. Это надо понять всем, что надо — забыв прошлое всех Козловских — подать им твердую и искреннюю руку, дабы сдвинуть воз с места. Теперь, если предположить даже, что все будет подавлено — но авось да не будет! — самая возможность восстания изнутри будет иметь чрезвычайные психологические последствия. Духовная сила непобедимости большевизма пала, и раньше, чем через десять лет, как думали иные глубокомысленные политики, мы будем в России и строить ее. Ясно.

Идет голова кругом и невольно мечтается всякое. Одновременно с этим посылается трагедия «Юдифь» вам и в Софию. Пусть голова Олоферна будет символом. Мне нравится пролог (саранча на деревьях) и вторая половина. Первая — растянута. Хорош мастерски стих. Есть какая-то откровенная восточность образов, например, конец разговора Олоферна с Юдифью, и она убедительна.

Мне бы хотелось написать несколько вступительных биографических строчек о Н.В. Недоброво. Не знаю, соберусь ли.

Ну, а как же будет со всем добром, если поедem в Россию? Хорошо бы поехать с книжками «Русской мысли». Ведь это для них воистину белый хлеб. Перечел еще первый номер. Я все о Зайцеве. Как у человека нету органа слуха, чтобы называть еще Пушкина «лучезарным». А ведь думает человек, что так и надо. Ничего затасканного сейчас нельзя вести в России, а уж что так не затаскали, как пушкинскую лучезарность! А то, что этот Аполлон результат дионисейской страстной муки жизненной, — об этом забывается. Милый, идем обедать. Сейчас Андрей принес плохие вести, правда, из сербских газет. Остался один Кронштадт. Нежно, нежно тебя целую, мой славный дружок, и посылаю стихи. Все мы приветствуем всех.

Ю. Никольский

24

Вербная Суббота
MCMXXI АЛЕКСЕЮ

Дорогой, дорогой, дорогой мой. Иногда я, бывает, сомневаюсь: «Ich bin solcher Narr, ich liebe wieder ohne Gegenliebe»¹², но иногда такая острая струя достигает меня из Парижа. Я не умею выразить. Я перечитывал эту свою надпись тебе о грубости и нежности на книжке Флобера, в Симферополе. Я останавливаюсь на дурно вымощенных улицах нашего бесстыльного нежно-русского города, оттого что губы, как в бреду, шепчут слова, эти слова к тебе, милый мой, но они не входят в строку, не ложатся ровным почерком на бумагу.

Приехал Владимир Андреевич. И вот ... странно, мы все трое киснем, не признаваясь друг другу, и каждый по-своему. Во-первых, разрушился порядок жизни, а это важно для таких нервных существ, как мы. Во-вторых, он как-то особенно умеет нас покидать для всяких совещаний (я понимаю, понимаю, понимаю всю священную их необходимость!). В-третьих, реально-то в будущем ничего, а в Константинополе тоже заседания, двадцать тысяч заседаний и тоже, значит, фактически ничего. Я думаю, каждое дело и каждая личность требует одностовольности в обращении к нему хотя бы на короткий момент. Всякое дело и всякая вещь думает про себя: *qui me néglige me perd*¹³, и я несколько обвиняю Петра Бернгардовича за его неглижирование «Русской мыслью», этим единственным делом, которое по сию сторону действительно меня интересует (ибо отношение к армии Врангеля сводится сейчас силою обстоятельств к нравственно выполненному долгу благотворительности). Теперь 1-я книжка, по-видимому, села. Единственной поправкой мог быть своевременный, или даже раньше времени (очень уж серьезный провал 1-го N) — выпуск следующих, ничего этого нет, а Савицкий, видимо, заседает в этом бутафорическом парламенте в Константинополе. Петр Бернгардович хотел ехать в Софию и не поехал. Он бы тебя послал. Я верю в твою деловитость, можно теперь, когда ты свой пробор повязываешь на ночь, прости добрую улыбку над Онегиным, думающим о красе ногтей, а главное, это дало бы мне возможность увидеть твою милую рожицу.

Теперь головка в винограднике сияет на нашей стенке, говорю — сияет, потому что кажется, что вот-вот ее обведет светлый круг нимба, я это не выдумал, а само пришло вдруг.

Ты знаешь. Этот миг, когда я ее увидел среди всех, насыпанных в куче на диване, она выделилась тоже как бы каким-то светом и единственно она (для меня что ли?) не переменилась ни одним жестом пальца и складкою платья. Потом уже я разглядел остальных. Из них, кроме Винбергов, прикоснулся только к Кате, намеренно отошла, а всего оказалось 3 дня! Асю я «нашел» только на пароходе. Но когда Катя прощалась, уходя, всех перецеловала и остановилась вдруг передо мной, не зная как (при встрече мы все поцеловались), я вдруг, почти при всех, но никто не заметил как-то, мы все были так нервно

возбуждены, поцеловал ее розовую, немного обветренную руку. Она отдернула и убежала своим большим шагом (ну ведь знаешь?) на больших ногах. Я оттого пишу, что тебе это понятно. Мы все с ума сошли, я больше и глубже всех. Вечером Винберги и конец с Анатолием Владимировичем, как когда-то в Петербурге. Ты знаешь, что он стрелялся из-за сестры Георгия Фед. Арнольди в дни своей юности и пуля сидит в груди. А теперь вдруг совсем старичок и много-много говорит, и жалко его до смерти. А помнишь, какой он был энергичный и моложавый еще два года назад? А теперь растерянный и бедный. И тетка Катя. Ах, этого вспомнить нельзя, у меня слезы на глазах — от любви, от жалости, оттого что они там остались, а я таскаюсь по заграницам. Я тебе (и маме) дал прочесть письма для цензуры. Но тебе не для одной цензуры. Я знаю, что если ты прочел, то почувствовал что-то и мимо тебя неслышно промелькнуло синее платье, а может, Юлин вид и смех раздался как за стенкою рядом.

Милый друг, я не выпытываю, но как ты сейчас живешь? Что люди, тебя окружающие? Кто эти Добкевичи? Расскажи мне когда-нибудь все-все-все о себе. Может быть, я освобожусь в конце мая. Как бы использовать время до осени? Как достать визу туда, куда сейчас Владимир Андреевич, если понадобится. Деньги Глазберг — «напишите когда нужно и сколько нужно»? Он точен. Он финансист. Но откуда же я знаю?! Было бы удобнее продать Фета и Полонского, так как в сущности ведь это его деньги (ведь он купил для «Огней» в семье Полонских и сейчас дарит мне).

Привез Владимир Андреевич «Современные записки» проклятые N 4! Че-ты-ре! А мы не можем два. Насколько русская духовная определяется политикой и общественностью. Хоть сам Ростовцев¹⁴ пиши, хоть Бунаков¹⁵ открывай Америки давно открытые по Дилю и т.д. насчет Византии, а стерженька-то и нету, все висит в воздухе (обаятельный только — очевидно украденный и ... М. Волошин. Димитрий! Европа!). Как одни говорят, что Россию спасет революция, другие реакция или реставрация, а мне другой раз думается, что вдруг это не будет никакое «ге» по содержанию (что важнее всего), а будет нечто совершенно чего не было, но по форме это может быть только реакция.

Прочти стихотворение, посланное папе, где каждую строчку надо понимать (и неловко сравнение неба с книгой о звезде с иероглифами). Как ее бровь поднимается, знаешь. А «в узкой долине» замени дважды повторенным именем.

25

27.05.1921

Копионичка 7а

Дорогой мой!

Ты хитрец. Ты Иринкиным письмом хочешь купить индульгенцию своего молчания. Жаль, что твоя хозяйка не забирает тебя чаще в комнате, может быть, ты бы писал больше. Проклятая! она отомкнула тебя в ту минуту, когда бутон твоей души готов был распуститься в розу.

Очевидно, ее письмами ты вздумал меня мучить на медленном огне, выдавая по порциям этого огня, а не сразу. Милое существо! Я так тебе благодарен — нету слов.

Ася и Андрей в полусне лепечут какой-то вздор: «Я во сне поел лишь мяса». Почему мяса?

Видишь, я не умею финтить, и раз друг, то терпи неудобство от того, но помни, что я тебя не выспрашиваю ни сколько, если хочешь. Я чувствую — у тебя новая там завелась жизнь, новые люди. Это хорошо, это так надо... И если ты когда-нибудь от новых придешь к старым, хоть ко мне, мое золото, то и я тебе покажусь поновее. Если б ты был здесь, пошли бы на Дунай, я бы шлепнул тебя по коленке: «Расскажи, дружище, все». Но тут тебя нету. А тебя дозарезу надо. Льну я к тебе — вот что. В вилле моего духа тебе комната — где ты можешь покурить (ба! куришь!).

Гуля обидел меня сегодня. Живет не так. Чего же еще ему. И глупо с Поляками, Бобровским, Шехтером. Елизавета Соломоновна могла ему показать Лувр, Шухаевых и пр. Так нет же. С Шехтером мы переправились. Ты пойми — этот человек перестал быть совсем чужим, если пережил с ним такое. Он даже его не позовет. С кем другим старшим я мог тогда посоветоваться?

Сегодня получил письмо от Карабчевского. Вдруг об Анатолии Владимировиче, « всю жизнь сидел на шее отца, потом жены » и т.д. Зачем все это знать « милостивому государю Юрию Александровичу »? Главное же, помощи никакой, и я прямо затрудняюсь! Хотя я подпочвенно как-то убежден, что нет черта страшнее Совдепии, даже неустройство здесь; но, может быть, я ошибаюсь? Плохо то, что визу в Сербию им не достать нисколько, разве что жениться на Ляле или Нине, но это чересчур экстравагантно. Затем если даже их студентами, то теперь новым, кажется, никакого пособия. Остается все то же жалованье. Если я даже вдвое увеличил бы его (что собственно невозможно), и то бы такое количество людей не прокормил. Не думать же о тетке Кате, Нине и Ляле, чтобы их вытащить, это все равно что думать о моей руке или ноге, если б ее прострелили. Ни с кем не посоветуешься большим. В конце концов невозможно так быть за все: и вырабатывать планы, и искать денег, и зарабатывать их, и нести всю ответственность. Я ни от чего не отказываюсь, но когда кому-нибудь помочь — я помогаю, а когда мне помочь — я прошу: помогите!

Ведь это же чепуха — 4–5 тыс. Frs. Вексель. Просто как шоколад, я же профессор, у Владимира Андреевича место и титул. А за эти 4–5–6 maximum (особенно без Винбергов если) frs столько. Затем визы, конечно, можно купить. Это же ясно.

Требуют ложиться. Хорош! Читать Леонтьева? Да где же тут Леонтьев, если Достоевского еле достаешь. Целую крепко. Шлю привет. Еще статью о Волошине. Сами вы ее в Софию. Только не маринуйте. Если не в «Русскую мысль» — подумай куда и чтоб скорей вышла.

Ю. Никольский

рупи́ска карандашом

Мой Кошутяч просит Владимира Андреевича и Петра Бернгардовича сообщить ему адреса в Польше, Финляндии, Литве. Подробнее расскажет Гуля. Это очень важно. Он едет через две недели. Через две недели конец всему, и мне надо собираться. Узнай, как я тебя просил, о «Юдифь», рукописи Минцлова в «Русской мысли» и как мне быть дальше. Будет ли «Русская мысль»?

[Без даты. Начало 1921 г. Белград.]
АЛЕКСЕЮ

Ты клеветун на себя, гадкий клеветунчик. Пишешь очаровательно «постельный крот появляется в раме окна...», бледный Кот, важно и черно сидящий в саду, все это необыкновенно конкретно, даже художественно, даже твои *cartes* имеют ту художественную способность, что, как папиросы — по выражению лорда Генри, они оставляют человека неудовлетворенным.

Я весь вытек о политике в письме к Нине Александровне. И прошу тебя — если уж хочешь, вычитать из него. Я действительно чувствую себя вывернутым наизнанку — нормальная для меня среда левая, где я прав, тут же приходится переприспособиться, ибо, когда кадет набоковского толка считают большевиками и хотят повесить по возвращении в Россию, хочется стать кадетом назло. Н.Н. Львов сказал Богданову: «Как вы распустили ваших правых». Это — выражаясь по петербургдовически — та самая курляндская герцогиня, из-за которой у нас сейчас сидит Божьей милостью Ленин.

Ну вот мой хороший, мой славный. Понимаешь, мы сидим в симферопольской комнатке, на ней синее (да, да!) платье. Она раскрывает комод — там бездна вещей. Все в кутерме, и своими пальчиками (большой — так отгинается в сторону) достаёт и вычитывает мне из твоих парижских каракуль. Но я боюсь, я ничего не понимаю, в моей голове путается (прости, если истинный друг!). Она смотрит и говорит: вы ничего сегодня не понимаете! И смеется. Это был, может быть, второй день из трех. Сзади смеется Катя и ходульным своим шагом выбегает из комнаты, а я почти боюсь оставаться один с ней. Как я бежал к этому дому от вокзала. Проклятый Кривошеин! Визит к нему по бессарабским делам отнял целый день. Как я бежал! «У вас сердце разорвется, — смеется Владимир Андреевич, — вы так бежите». «Может быть, — отвечаю я почти сердито, — но, вероятно, не оттого, что я бегу». Но я это, верно, писал?? Ты как-то не совсем безнадежно написал мне в этом письме, и я нежно тебя благодарю за это. Твой отъезд на океан (я там был в Charente-Inférieure — Rochefort, La Rochelle, lie

d'Oleron) меня было почти убил. А тут как раз едет сюда Владимир Андреевич, и надо от тебя чтоб было письмо.

Сейчас надо идти за деньгами. Тут столько формальностей — упустишь их за другими делами, и вот не получишь денег, которые у других давно есть. Не очень-то я умею жить, а мои сожителю и тем паче. Все мы у Бога птицы небесные и истине не сеем, не жнем, и само как-то там выходит. Мне предстоит много работы, так как уезжает Кошутич, пока не туда, куда собирался и о чем расскажет Гуля, а я его заменять шесть часов в неделю и еще начну курс литературы, где параллель «У самого моря» и «Демон» (!) Как нам вся «острота» ахматовской поэмы в сочетании с броненосцем с сказочным царевичем, как для тогдашнего ока было себе представить Демона именно среди кавказского пейзажа — «столпообразная раина», это ахматовское перекаטיפоле к Блоку. И только в последней редакции, где переделано заключение в духе фаустовском «Sie ist gerichtet» — «Sie ist gerettet», рассказ о соблазне испанской монахини приобретает мощно кавказские очертания.

Вернулся. А нельзя ли хоть одному, хоть двум, хоть трем письмам съездить в Белград на побывку?? Ты сам виноват — расхвастался, а эта золотая идея пришла Асе. Ведь письма как раз того периода, когда мы с Асей отсутствовали! Дорогой мой! Если можно было их достать оттуда, тогда бы все было иначе, и тогда бы мы зажили очень хорошо и все вместе, непременно в одном городе.

С «Русской мыслью» что-то технически неладно. И стоимость. И почему Рус. Бол. Изд. не помещает ее в своих объявлениях, точно шокирует! Затем надо скорее печь номера один за другим (лучше тоньше) и чтобы о каждом писали в газетах (в «Общем деле» написано хорошо).

Мне бы очень хотелось видеть напечатанной «Юдифь» Недоброво, 2) статью Мочульского об Ахматовой (зачеркните), 2) мою о тургеневских поправках Фета. Мне хочется руководящие идеи, о чем писать дальше, в каком направлении? Из моих поручений самое главное то, чтобы как гиб. их достать, вот и все.

Ну, целую тебя и прошу хоть открыток твоих и о Гуле напиши... У Кота прошу извинения... У Глеба тоже.

Твой Ю. Никольский

Если можно, пошли Вере мои стихи.

18.05.21

Милый!

У меня есть много кого: есть названные братики и сестричка, есть где-то Ириночка, хотя не «за стеною рядом». И нету деловитого, умного друга, который был бы на доброе ребенок и на злое совершеннолетним, по слову апостола Павла, то мои — на все дети: и на доброе и на злое. Когда-то, глядя на схемы Бера: «идеальное млекопитающее», «идеальное кишечнополостное», я уже тогда думал об идеальном друге и как у него расположатся все желудки и печенки. Одним словом, тебе быть моим другом, если, конечно, хочешь, хотя редки стали даже сиреневые записочки, от которых наша соба (комната) сразу наполнялась каким-то солнышком. А дружба — это что-то немного как брак, и мы можем быть очень несовершенны, оттого что разучились сопровождать это обрядами.

Что нас положительно убивает — это отсутствие писем от Гули и особенно от Владимира Андреевича, сгибшего с того времени, как вскочил в отходящий поезд, не успев попрощаться, и только в окно, на ходу протянул руку. Уже Асе и мне приходили (от беспокойства) в голову немислимые вещи.

Затем через месяц я свободен, и эта свобода страшит и вынуждает к действиям. Я хотел поехать по журнальным делам в Софию, но Софии мне для моей научной деятельности мало. Бобровский рассказал вам, верно, обо всем. Я не хочу ввериться и доверяться <...> исследователям, не убедившись в их добросовестности. Пять тысяч. Пять. Пять. Вот то, что не могу сказать, чтобы <...> по-видимому, Фета когда-нибудь напечатает «Слово»; «Тургенев и Достоевский», как я писал Гуле, будет переводиться на немецкий. Все это хороший признак в том отношении, что я смогу заплатить долги. Ты мне говорил когда-то, что, может быть, достанешь тысячи две — полторы, затем Глазберг, затем Владимир Андреевич же может. Нет, я думаю, не безнадежно это.

Меня прервали. Что продолжать? Не знаю, как будет летом. Уже сейчас здесь африканское пекло, летом чистая Сахара. Уже тогда к морю бы. На лето студентов лишают пособия, как будто и Андрей и Ася хотят где-то и что-то ра-

ботать, но, так как я библейски просто смотрю на вещи (с чем, наверно, не согласится твоя мама), считаю, что всякий труд от Господа Бога в наказание за яблочко, то не могу сказать, чтобы меня это так радовало. Вообще же надо бы им поехать либо к морю в Дубровник, либо в горы. Я получаю 800 динар от университета, а гимназия летом, кажется, не будет платить. Но 800 динар — около 30 турецких лир, и без крова можно было бы прожить впроголодь, хоть в самом этом удивительном Царьграде, где можно позаниматься —

Еще я забываю горе
И забывается надеждой взор,
Когда я чувствую запах с моря
И грежу о тебе, Босфор!

Меня несколько раз прерывали, и сейчас надо будет в университете читать лекцию о «Руслане и Людмиле». Была М-те Недоброво. Что «Юдифь»? Мы с ней выбрали на три цикла стихов ее покойного мужа: 1. Петербург, 2. Парчовая Кемга (стихи жене) и 3. разное. Все-таки он поэт настоящий. Все бранят «Русскую мысль» за тощестъ и двойственность (двойной N). А я чем виновен. Политика надоела. Ужасно, что я разочаровался в том и из опыта, что можно делать правыми руками левую политику. Что же — опять левыми правую?!! Весь выход был в просвещенном абсолютизме, это еще с Дона. Но абсолютизм разрушался левыми, а просвещенность правыми. Вот и дожили. Целую тебя крепко, мой нежный и ласковый! Передай мой привет родителям и братьям. А меня не забывай в белградской трущобе. Твой Ю.Н.

P.S. Минцлов спрашивает о судьбе его рукописи, ответь непременно, и про «Юдифь», и о «Русской мысли» вообще, обязательно.

30.06.1921

Милейшая гадость! С твоей неразборчивой открыткой дошло письмо сегодня Коти Мор., сообщающее кое-что реальное. Во всяком случае письменная есть связь <нрзб.>, а у

Оли возможность выехать. По-моему, ей взять с собою для таскания чемодана Вовку или Леву. Было бы шикарно. Теперь мне поскорее следует туда. Нужно мне свидетельство для выезда, для визы, от «Русской мысли» за подписью «Pierre Struve». Устрой моментально. Тут всякие военные агенты, и для них подпись Петра Бернгардовича будет металл и жупел. А я могу же ехать от «Русской мысли» как корреспондент! Потом, голубчик, озаботься, чтобы мне своевременно получить следующий ее N и в нем была бы моя статья. Для продуктивности моего творчества надо, чтобы избыток моего у вас — был напечатан в «Современных записках»: я психологически не могу писать *ad calendae graecas*. Я, можно сказать, 12 раз сдавал экзамен с 12-ю моими гимназистами, выдержал. Это большой успех, сильно укрепивший меня. Попросту я их 12 каждого натаскал у себя дома, и сдавали всю литературу, которой в глаза не видели. Попутно я скрежетал зубами на учебники теории словесности — которая есть теория убиения эстетического вкуса. У меня готов в голове свой учебник по этому поводу, но опять не могу писать *ad calendae graecas*. Что до политики, то ты односторонен. Я полагаю, что в революционерах (умных) была патриотическая тревога. И как я писал в «Волошине» — «оба пути, правый и левый, таили в себе громадные несчастья и, что еще хуже, некоторую долю правды». Так я смотрю на весь XIX век. Правые, замораживавшие (К. Леонтьев) гнилую монархию, боясь пугачевщины. Правы и те, кто продолжал князя Голицына и традицию 1730 г. Это все сложно так philisophare для современных волевых действий, но сейчас, когда вооруженная борьба временно кончена (Дальний Восток — дело местное), нельзя уклоняться от всей сложности. Надо быть бесстрашным.

Сейчас я стал кадетом, потому что считаю, что надо войти в какой-то коллектив. У нас кадеты левоваты для меня, но в Константинополе они как раз.

Острый вопрос с Русским Советом, переезжающим сюда и претендующим на русское правительство. Ужасно нетактично. В это русское правительство будут выборы почему-то от сербских только беженцев. Почему? И затем всякая бутафория ненавистна. Если нужен какой-то орган для внутреннего употребления во врангельских остатках армии, то почему воздвигать над собою каких-то бюрократов?

тов нам, частным людям, или мне, ассистенту белградского Университета?! Все это на руку нашим «обуглившимся» (чернеющей нашей сотне, от которой отмахиваются такие люди, как Н.Н. Львов).

Мой взгляд когда-то формулирован: спасти мог Россию в 1917 г. просвещенный абсолютизм, то есть умная демократическая национальная диктатура. Левые подрывали «абсолютизм», правые просвещенность. Просвещенность должна была диктовать полную и искреннюю амнистию крестьянам, то есть оставить за ними все награбленное, и другое отношение к красной армии. Когда я переходил Днестр, я надеялся на правых, принимая их в духе Петра Бернгардовича. Но когда Петр Бернгардович делал «левую политику правыми руками», то руки его были тоже левыми. Это очень важный момент! И он, по существу, делал как раз то, что и нужно было и будет: правую политику левыми руками. Врангель сказал когда-то знаменательно: «В моем кабинете левый и б. революционер Струве», обмолвился! А просвещенность только за левыми, потому что они не боятся остаться без монархии и помещичьих усадеб, если будет нужно для России. Абсолютизм только в правой политике, правая политика есть политика созидания (но левыми просвещенными руками, революция никогда не задавалась целью созидания, а созидала реакция, в которой самый корень слова показывает на активность). Ну, прощай, милый! Жду бумажку П.Б. скорее. Ужасно скучаю по тебе. Через Веру Лейкину завяжись с моим папой. О Лидочке Морозовой вышла ошибка. Я весь душой в <нрзбч.>. Пиши мне хоть секретки. Крепко тебя целую. Юра

29

Mr. Struve
53 rue Boucicaut
Fonteney aux Roses (Seine)
Француска

18 июля 1921. Дорогие! Пишу на вокзале, еду в Софию и далее (из Софии подробно). Я немного рассердился, что Вы, дорогая Нина Александровна, написали мне всякие интим-

ные вещи. Вчера пришло письмо Веры Лейкиной (Лялик, спасибо!) Какая радость узнать об отце. Ну, помолитесь о путешествующих и плавающих, я, впрочем, и плавать не буду, так как необходимо вернуться к сентябрю, иначе лишусь места, а место кормит всех — и тех, что здесь, и тех, что будут здесь. Нежно целую и люблю.

Юра
Белград
Кр. Александра 149
Г-же Свиягиной
для Обол.

30

[Без даты, вероятно, август 1921]

Милый мой Ляленька! Как бы хотелось, друг, тебя увидеть. В Софии узнаешь, в Варне я или Константинополе, от Кирилла Осиповича. Собственно, и ты мог бы ехать через Варну — море превосходно и наше саянийское, в ней она ножки моет. Встретиться необходимо. Я тоже было (внутри) потерял тебя, но из-за того напора, который во мне сейчас. Боюсь, что придется оставить *esperanz'u* и здесь поправить здоровье. И в Стамбул. А какие пустяки — 8 тысяч. Дают неограниченные возможности помочь 20, даже 25 человекам.

Конечно, всегда начинается с неудач. Это было бы ничего, если б не время и не деньги (*time and money*). Надо к сентябрю — в Белград. Милый, ты же знаешь все тайные мысли, отчего не пишу, о чем всегда думаю... Помогите мне вдохнуть душу живую в литературный отдел «Русской мысли» Петр Бернгардович думает о другом, ему некогда. Тогда нужно издавать только политический журнал. Нежно, нежно целую моего альпийского мальчика, сурового порядка любца и кувынобийца. Устрой повидаться.

Твой ЮН

Балканска 7. Варна НВ Долинину
Воскресение 5/IX.21

Мой ласковый и нежный! Наконец от тебя настоящее письмо, которое давно жду. Без него перемена, в сущности, получалась лицемерной, особенно с моей стороны, так как по многому еле уловимому и более ясному я понимал, что такое случилось. Я убежден был заранее, что это не банально. Но легко ли? Если о красоте сказано, что она «трудна», что же сказать о любви?

Мне представилось по твоему описанию что-то вроде портрета Врубеля жены, что-то «в этой манере» — крайний по утонченности импрессионизм, что-то тонкое, как духи, может быть, уже кубизм, но слишком нежное и настоящее для кубизма. А солнце в ней есть? Знаешь, может быть, в женских ресницах, не женских вообще, а непременно ея, прячется непонятное колдовское солнце. Милый. И вот что случилось. Ты не говоришь себе так с сознанием рока: вот это со мной случилось. Если это так, то после этого не страшна ни смерть, ни что. Оттого самоубийство и любовь у Тютчева. Но даже не самоубийство. Не падай духом, не унывай. Ты все говоришь о своей пустоте. Это верно только отчасти.

Ты необыкновенно тонок и понимающ, а это не так уже мало, чтоб было совсем ничего. Главное же я так себе представляю, что тебе нужна икона (как и мне), которую бы ты принес жизни. Ты немного понят. Но с иконой ты уже не понят нисколько. Она дает тебе возможность превзойти себя. Это будет, я так чувствую. Люби еще сильнее, как можешь.

Мне нужно будет когда-нибудь познакомиться, а сейчас пришли ее карточку. Если в жизни я чем и горжусь, так это тем, что «мировые лица» не проходили мимо меня не узнанными и не почувствованными, если только они были достойны этого. Исключения составляли знаменитости (Блок, Анна Андреевна), я не мог тогда побороть чувства робости, приближаясь к ним, благоговения. Теперь это могло бы произойти проще. Но, кроме того, я не умею и презираю «делание отношений». Пусть само.

Меня посадили Винаверы как только можно себе представить, послав деньги в Белград вместо Варны! Положение такое, что «indispensable 1500» — если их не будет в течение нескольких дней от Павла Николаевича ли, Винавера или кого не знаю, «affaire gatée» — как я телеграфировал Владимиру Андреевичу и Вале.

Как я из этой affaire буду выпутываться при таком стечении обстоятельств, являясь владельцем неожиданным имуществом и оплатив часть людей, как я буду выкручиваться с долгами Глазбергу, тому же Винаверу и другим, как я вообще буду какими глазами смотреть на свет — я плохо себе представляю. А погода (чтобы не сплзнуть) будто бы опять установилась. А через неделю занятия в Белграде. Basil ухлопал мало совсем, но зато, как и я, дочиста в это коммерческое предприятие. Беда, когда коммерцией начинают заниматься приват-доценты и другие деятели! Чтобы о делах покончить — о моей статье (Блок). Мерзко, что Бурцев приват-министром в Токатлианах и Яблоновский¹⁶ богатеет на счет Никольского. Пожалуй, я предпочел бы уже (у тебя есть возможность выцарапать у них, если не поместят, ведь я не имею другого экземпляра, как всегда) — чтобы в ближайшей «Русской мысли» просто как крик души. Затем не понимаю, для чего подписали «Т.Н.», а не «Юрий Никольский». Тогда уже ни тебе денег, ни тебе слава. Для меня именно важно, чтобы о Блоке было подписано полностью, да и вообще если инициалы — зачем какое-то чуждое мне «Т.». Если, конечно, рация в советском смысле — то, извини, нелепость это. Я столько нагрешил, что лишнего прибавлять нечего, а если я когда-нибудь попал бы пред их высокие очи, то уж не стал бы валять как-нибудь. Было бы достаточно глупо. На отце же отразиться не может.

Итак, обязательно подписать фамилию полностью — *conditio sine qua non*. Вряд ли можно завидовать моему «счастью» — что я на берегу Черного моря. Я непрерывно курю, что заменяет валерьянку, но делает расходы, — прости, галлицизм. Пойми, как трудно приходится белым моим ниточкам нервам от перебоя обстоятельств. А вдруг она действительно не придет?

Я сказал ей, уезжая, что приеду за ней летом и за ними. Я делаю все возможное — ты свидетель. Затем могу сказать «Feci quod potui». Дело не в том, разумеется, чтобы сказать,

а в том, чтоб облегчить их существование. Для этого надо произвести разгрузку. Надо учить детей. А тогда нам нужен тут дополнительный работник (если В.А. потерял место) — такой ход рассуждений «альтруистический» может убедить. Ну я, конечно, на земле распластаюсь, прежде чем позволю ей тут работать, после всего того, что ей пришлось на себе нести. Если б она согласилась стать моей женой, на что трудно все-таки рассчитывать, это было бы страшным облегчением целого ряда материальных обстоятельств. Прибавило бы кучу денег по законам королевства С.Х.С., твой всегда Ю. Никольский, целую, вечером напишу сны.

32

7/ IX 21. Варна. Толканен 7 Обоим

Самое главное событие за это время — Иринино письмо мне. Перед подписью маленькое слово из пяти букв, вообще все оно необыкновенно и как бы «покаянно» или «покаянно передо мной» по поводу беглости и «лжи» последней встречи. Ася комментирует: «Это — да». Но я знаю только, что письмо хорошее очень, а больше ничего сказать не могу. В одном убежден, что мое желание всего лета к ней — глубоко правильное желание. Я думаю, что оно бы многое вылечило и не окончилось бы совсем печально. Впрочем, некоторый скептицизм мне свойственен, ему поучает жизнь. Вот сейчас «Достиг я высшей власти», то есть обладанием тем, что даже мечтать не приходилось. Недостает всего проклятой 1000-1500 frs-maximum. Больше того, эта 1000 лежит в Белграде, ибо эти bêtes Винаверы послали ее ... туда! А теперь их не получить; нечего сказать, как смерти подобно всякое промедление, вероятно, ничего не будет. Владимир Андреевич так и не ответил на срочную и простую телеграммы (и еще одну Павлу Николаевичу), я стороной узнал (через Гессена), что П.Н. не нужно того, чего хотел. Лицо, его интересующее, живет сейчас в Ковне, но тогда почему не дает знать, что я не нужен ему? Как мало внимания к людям!

Вчера ездил в море на одном катере — его, проклятого, даже у берегов кидало как щепку, удовольствие было среднее,

а сегодня море только тихо колышется и младенчески что-то лепечет.

Сомов паникирует обо мне — это его дело, но что он пишет Асе такие письма, что вгоняет ее в слезы, — это гадко, по-моему, так мужчины не поступают.

О себе же я знаю все.

Я вовсе не такой «отчаянный» и «храбрец» и, как известно, больше всего на свете боюсь самых реальных (а не символических), четвероногих собак, что уже не есть признак большого мужества, по-моему. Видит Бог один, как я на Днестре трусил за братиков. Так что я взвешиваю все, главное же, доверяюсь очень опытным людям, а такие есть. Но и с тем вместе я вовсе «не закрываю глаз». С другой же стороны — я вижу и знаю, что каждый год приносит мне смерть близких людей или близких мне близких (как Лидия Николаевна — мать родных для меня Юли и Кати). У меня было такое чувство, что надо все поставить на карту (то есть и себя) ради того, чтобы этого больше не было. Умирают, умирают, умирают. Хотя Ириночка стала теперь просветленно относиться к смерти и хотя для меня тоже «смерти нет в небесах голубых», но я неоднократно уже вам обоим говорил или писал, что куст, мною крепко пригнутый к земле, уже не подымается, так я не силах больше отвечать страданиям и не то что холоден к ним, как это иногда бывает по евангельскому слову о проросшем семени, но, наоборот, пригибает и опустошает, отчего я могу «расправиться» только одним — это счастьем. Жизнь с Асей и Андреем такое для меня «семейное счастье», но я желаю еще большой полноты — не стыжусь греховности этого желания посреди могил, голода. Но именно в силу могил и голода жажду еще сильнее. Итак, ждем каких-нибудь 1000 frs, в случае — нет — трагедия. Всадили все, являемся обладателями чудной вещи, заплатили людям, но не имеем с Асей ни на что жить, ни на что поехать из Варны. Оцените эту дьявольскую улыбку Фортуны.

Теперь о моих делах. «Блок» единственный экземпляр (моя статья), Бурцев очевидно не напечатает, нужно тогда в «Русскую мысль» ближайшую, и я, может быть, дополню. Вышедшая книжка «Русской мысли» — лучше, по-моему, предыдущих, но имеет следующие недостатки:.

1) Печатаются известные читателям «Русской мысли» вещи Струве (из «Руля») и Ольденбурга (последнее было и в «Общем деле», и отдельно, просто неприлично — его «Русский обзор» случаен; вообще я не большой поклонник новой любви Петра Бернгардовича).

2) Стихи Сирина — писал уже, Гребенщиков¹⁷ плохой лубок в стиле английских романов, на русский желудок какая-то вата (Ал. Толстой, как всегда, мастер).

3) Библиография несистематична, невыдержанная. У Петра Бернгардовича есть, по-моему, противоречие. Он считает, что только военный кулак все. Но с другой стороны психология. А психология-то не может как раз не включать в себя и военного кулака, особенно же разлагает тыл — решивший в конце всех концов все дело. Ну, а в литературном отделе надо настоящего литературного человека. Предлагаю Мочульского и себя.

Всего хорошего. Целую. Ю.Никольский

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сухотин Владимир Ильич (1892–1969, Франция), Георгиевский кавалер, служил в армиях Врангеля и Деникина.

² Метальников Сергей Иванович (1870–1946, Париж) — ученый-зоолог и иммунолог.

³ Сережина гибель: младший брат Юрия Никольского Сергей погиб на фронте во время Первой мировой войны.

⁴ Аркадий Альфредович Борман (1891–1974, Нью-Йорк) — общественный деятель, сын Ариадны Тырковой, о которой написал книгу.

⁵ Платон мне друг, но истина дороже (*лат.*).

⁶ «Русская мысль» — журнал, который П.Б. Струве издавал с 1910 по 1918 г. и который он превратил в самый интересный из всех русских толстых журналов. В эмиграции он пытался продолжить его издание сначала в Софии, затем в Праге (1922) и, наконец, в Берлине (1923–1924), где журнал закрылся за неимением средств. Всего вышло 12 книг, часто сдвоенных. Попытка возобновить издание в 1927 г. не имела успеха: вышел только один номер.

⁷ Божнев Борис Васильевич (1898–1969, Марсель) — поэт, автор более десяти поэтических книг.

⁸ Бобровский Петр Семенович (1881–1947) — юрист, заместитель комиссара Временного правительства в Тавриде в 1917 г., министр Крымского Краевого правительства в 1918–1919 гг., после падения Крыма — в эмиграции; работал в Русском заграничном

историческом архиве в Праге; арестован в 1945 г. советской полицией, умер в заключении.

⁹ Пешком (*франц.*).

¹⁰ между нами будь сказано (*франц.*).

¹¹ Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922, Берлин) — общественно-политический деятель, один из организаторов и лидеров Конституционно-демократической партии, погиб во время покушения эмигрантов-монархистов на П.Н. Милюкова; отец писателя Владимира Набокова-Сирина.

¹² «Я такой дурак, я опять люблю без взаимности» (*нем.*).

¹³ Кто меня игнорирует, тот меня теряет (*франц.*).

¹⁴ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952, Нью-Хэвен, США) — ученый, историк.

¹⁵ Бунаков — литературный псевдоним Ильи Исидоровича Фондаминского (1882–1942, погиб в немецком концлагере), общественно-политического деятеля, издателя, недавно причисленного к лику православных святых.

¹⁶ Яблоновский (наст. фамилия Потрясов) С.В. (1870–1953) — писатель, журналист.

¹⁷ Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1884–1964, Флорида) — писатель, критик, журналист, общественный деятель.

Письма И.А. и Т.П. Лаговских А.В. Морозову*

Продолжая публикацию материалов, посвященных жизни И.А. Лаговского (см. «Вестник РСХД» № 171, 200, 201), предлагаем читателям несколько писем Ивана Аркадьевича и Тамары Павловны Лаговских, адресованных их близкому другу — Андрею Вадимовичу Морозову. Напомним, что Иван Аркадьевич Лаговский с 1933 г. вместе с женой Тамарой Павловной жил в Эстонии, в Тарту (Юрьеве), был секретарем РСХД в Прибалтике и редактором «Вестника РСХД».

А.В. Морозов (1897–1985) — председатель РСХД во Франции с 1928 по 1936 г., был организатором и руководителем литературного кружка «Соленый» (в 1928–1930 гг. «Шатер»), который существовал до 1955 г. и собирался даже в годы войны. А.В. Морозов скрупулезно собирал все материалы, относящиеся к деятельности РСХД, а также собирал свой личный архив, благодаря чему сохранились и эти письма. Вероятнее всего, они являются всего лишь фрагментом всей переписки, и мы можем только сожалеть, что не имеем возможности познакомиться с остальной частью.

Письма Лаговских написаны в конце 1935 г. — первой половине 1936 г. Некоторые события из жизни РСХД во Франции и РСХД в Прибалтике, о которых рассказывается или упоминается в этих письмах, отражены в публикациях «Вестника РСХД» за 1935 г. и 1936¹, а также описаны в воспоминаниях Т.П. Милутиной «Люди моей жизни» в главе «1930-е гг.». Интересны содержащиеся в письмах зарисовки из жизни русских эмигрантов, описание их культурной и духовной жизни, которых достаточно в письмах Тамары Павловны, а также оценки событий, происходящих в Советской России.

Для того чтобы не перегружать текст излишними сносками, сразу оговорим, что в письмах Т.П. Лаговской «Ваня», «И.А.», «Ив.Арк.» — упоминание о ее муже, И.А. Лаговском, соответственно в письмах И.А. Лаговского «Тамара», «Тамара Павловна» — говорится о Т.П. Лаговской.

Публикация Ульяны Гутнер

1. Письмо Т.П. Лаговской Морозову А.В.

*Отправлено 12 декабря 1935 г. из Тарту (Юрьев),
получено 20 декабря 1935 г.*

Дорогой Андрей Вадимович, большое Вам спасибо за письмо. Мне оно было особенно радостно, потому что я теперь советом отрезана от мира. У меня сильное расстройство зрения, т.ч. я уже месяц ничего не делаю и большую часть времени провожу в темной комнате. Весь мир для меня бесконечно удвоен, и я ничего не вижу на правильном месте. Это очень мучительно. Сегодня была у профессора специалиста, который возился со мной больше часу. Определили, что помимо всего у меня в левом глазу парализована одна мышца, т.ч. мне не стоит пытаться видеть двумя глазами. Хотя это и печальная новость, но я с радостью наложила на глаз повязку и мир для меня стал снова нормальным. Вот и пишу Вам. Теперь меня будут мучить, чтобы узнать причину, отчего в глазу это случилось. Я очень рада, что мне разрешили смотреть одним глазом (раньше строго запрещали), т.ч. я о будущем не особенно думаю. Надеюсь, что все поправится.

Прежде всего поздравляю Вас с праздником Движения² и всем сердцем сейчас чувствую героическое усилие Парижского Движения в проведении финансовой кампании. С каким бы удовольствием я приняла бы в ней участие! Я возлагаю большие надежды на Ал. Ив.³. Он может очень многое сделать, и я верю, что сделает. Я Вам так благодарна за точное описание дома и его план⁴. До сих пор все упоминания об этом вскользь, как о давно всем известной вещи. Вы очень мило возмущаетесь поступком Кл. Мих. /Перешнева К.М. — ред./. О, она способна на очень жестокие вещи. Я это в ней очень хорошо знаю. Ваше письмо я сразу же переслала И.А., который сейчас в Ревеле. Он очень ему обрадуется. Я страшно жду его приезда и скучаю в Юрьеве. Главное, конечно, от вынужденного безделья. Вполне понимаю трагедию безработных. Зато меня утешает музыка — единственное, для чего не надо глаз. Я слушаю радио с утра до вечера — теперь самый разгар сезона концертов и опер. Вчера был в Ленинграде прекрасный концерт польской певицы Бандровской-Турской. Были такие овации, такой крик и гром аплодисментов, что нигде в Европе не услы-

шишь. Голос у нее, действительно, редкий. Заставили спеть ее на бис 13 вещей. Очень было интересно слушать отдельные реплики и крики из публики. Все-таки русские остаются русскими — какая бы ни была в России власть. Недавно у нас была фильма — летний парад физкультурников⁵. Фильм назывался — Счастливая юность. И какой был прекрасный. Я смотрела его с восторгом. Мимо нас, по огромнейшей Красной площади шла многотысячная толпа молодежи, съехавшейся в Москву со всех концов России. Какие все молодые, загорелые, стройные, какие простые, выразительные лица. Сколько в этот парад вложено инициативы и художественного замысла. Был поистине представлен весь спорт. В цветах и зелени двигались площадки, где тут же играли в теннис или боролись, шел передвижной волейбол, несли полотна, на которых кувыркались и прыгали акробаты, шла «легкая атлетика» с булавами, шли члены яхт-клуба с высоко поднятыми в руках моделями яхт. Весь народ шел не просто, а образуя фразы и лозунги. Сокольская гимнастика была прекрасна. Все это милостиво принималось группой «восточных людей», стоявших на мавзолее Ленина. У всех был очень добродушный вид. Особенно у Сталина. Группа довольно мало почтенная. В общем, об этом параде очень трудно писать. Думаю, что Вам бы понравилось.

У нас зима. Снег. Легкий мороз. Свежий, веселый воздух. Дома тепло — печка жарко натоплена. В печурке сидит моя кукла-матрешка и смотрит лукавыми глазками. Моя сестра Таня сдала сегодня экзамен. Она скоро кончает медицинский факультет. Недавно мы с грустью проводили нашу общую подругу в Швейцарию. Теперь без нее как-то пусто.

У нас по-прежнему много гостей и посетителей, но по воскресениям и субботам квартира наша приобретает особый стиль — появляются солдаты. В Юрьеве отбывают воинскую повинность несколько Движенцев и свое свободное время проводят у нас. Поэтому везде висят шинели, сабли, бряцают шпоры. Называются они мамиными сыновьями⁶.

Сейчас в Движенской работе перерыв. Студенты сдают экзамены и уезжают. Зато в юношеских и детских кружках кипит работа, готовятся к Рождеству. В день праздника Движения моих девочек принимали в Дружину. До этого говели. Старшие Движенцы тоже, т.ч. с детьми было около 50 человек. Праздник прошел хорошо. Девочек у меня 15 человек, и я

их очень люблю⁷. А у И. А. работа без конца. И, конечно, немало трудностей и внешних и внутренних. Все-таки идет в среде движенцев какой-то процесс внутреннего окостенения. Какая-то мелочность и отход от большого в Движении, а страшная привязанность к обывательщине и уюту. С этим очень трудно бороться. Я вообще чувствую, как нужна была бы здесь Валентина Александровна⁸. Я ужасно неподходящая жена для секретаря. Никак Ивану Арк. не помогаю. Единственно, что я для него делаю, — это очень его люблю, но этого мало⁹.

Ну, я уж и пишу сегодня. Совсем Вам будет неинтересно все это читать. Да еще так плохо и с такими каляками написанное. Вы уж меня простите. Зато вкладываю в письмо две фотографии — наш день Культуры и снимок «Технической силы» съезда русских врачей имени Пирогова¹⁰. Съезд устраивали, собственно говоря, моя мама и еще один врач. Был очень хороший. Устраивали его в движенском помещении, технически помогали многие Движенцы. Я напишу их имена на обороте. Ну, на сегодня мне хватит писать — пишу в первый раз за такое долгое время. Очень рада, что первое письмо именно Вам. Я Вас очень люблю, милый Андрей Вадимович, и всегда помню и имею в сердце. Дай Бог Вам всего доброго. Сердечный привет всем. Очень, очень желаю успеха в финансовой кампании¹¹.

Тамара Лаговская.

Фотографии не сохранились. Приписка на обороте:

- Решила писать на обороте только знаки, а здесь объяснение.
 - Таня Фомина — была на съезде в Буасси. Движенка из Нарвы.
 - А. Павлова — казначей Юрьевского Движения.
 - Танечка — моя двоюродная сестра.
 - Две наши движенки.
 - Наш председатель — студент богослов Костя Рупский.
 - Тамара Орлова — медичка, прекрасный человек, главный член нашего Евангельского кружка.
 - Два наши соседа-медики, с которыми у И.А. и у меня бесконечные споры на религиозные темы. Очень славные.
 - Моя мама.
- Разберете ли Вы мои знаки?

2. Письмо Т.П. Лаговской Морозову А.В.

Отправлено 5 января 1936 г. Тарту (Юрьев).

Получено 8 января 1936 г. (Париж)

Дорогой Андрей Вадимович! Поздравляем Вас от души с праздниками Рождества Христова. Дай Бог Вам всего самого хорошего в наступившем новом году. Удалось ли Вам сочельник и первый день Рождества провести в Париже, или Вы были один в Compiègne?¹² Завтра я буду обязательно думать о Вас и мысленно поздравлю. Очень печально, если Вы не дома. Я собиралась Вас поздравить вовремя и хорошим письмом, но у нас был двухдневный педагогический съезд, который совершенно нас оторвал от всего¹³. У моих детей также был спектакль, который прошел хорошо, весело и красиво, но для меня был большим напряжением. Увы, в новый год я все же вступила с одним глазом. Как всегда, у меня предчувствия и желания хорошего и настроение чуть приподнятое. Пожалуй, скоро пора избавиться — я уж взрослый человек. Мне хорошо жить, когда я немного внутренне взволнована и насторожена, а это ужасно неправильное состояние души — языческое. Вот в этом вся беда.

Сижу я у самого радио, из которого несутся звуки легких и нежных вальсов. Вокруг несколько наших гостей, еще не уехавших после съезда. И сама я пишу Вам такие сумасбродные вещи. Вы уж простите. А ведь это поздравление наше с Ваней и должно быть настоящим.

Слышали ли Вы, что о. А. Киселев ведет переговоры с о. Львом о переводе его в Эстонию? /о. А. Киселев, о. Лев Липеровский — *ред.*/ Я к этому делу отношусь двояко. Думаю, что он будет иметь большой успех и будет полезен, а с другой боюсь, что работа его будет ужасно несогласованна и «экс-промтна». Во всяком случае интересно. У нас не очень все легко с о. Ал. К. Он все-таки Движением не живет и его не понимает, но обладает очень властным характером и обижающей за него женой. Все это делает очень трудным работу. Он ведь издатель крестьянской газеты.

Праздники у нас прошли шумно и многолюдно. Это особенно действует на И.А. Он очень утомленный. А мы с мамой уже закалены. Как у Вас пройдет Рождество? Я буду очень ждать писем.

У нас была неожиданная и настоящая радость — на один день приехал в Юрьев Владыка Сергей из Праги¹⁴. Удивительный он человек.

Ну, еще раз прошу меня простить и за почерк и за содержание письма. Иван Аркадьевич, мама и я шлем Вам наш сердечный привет. Храни Вас Господь и дай Вам счастье и радость в жизни.

Тамара Лаговская.

3. Письмо И.А. Лаговского Морозову А.В.

Отправлено 21 января 1936 г. Тарту (Юрьев).

Получено 21 января 1936 г.

Милый мой Андрей Вадимович, поздравляю тебя с минувшими Новым Годом и Праздниками. От души желаю сил, здоровья, радости, ясной и сильной жизни. Очень хотелось бы повидаться с тобой и присутствовать на вашем новогоднем торжестве. Мы тоже здесь всех близких вспомнили и даже — выпили — не в таких количествах и не такого качества, как у Вас, — увы — вынуждены обходиться только ягодными винами: они вкусны, но все же — без «букета». А елка — ярко горела. Она у нас — прелестная — случайно удалось ее выдержать в розовато-беловатых тонах. Очень огорчились с Тamarой, читая повесть о «сердца горестных заметах» — особенно — в связи с предстоящими отъездами. «Мужайтесь и да крепится сердце Ваше» — очень люблю эти слова псалма... И помоги тебе Господь. Ну, как теперь в Париже? По-видимому — все оживает понемногу. Очень хотелось бы посмотреть на «изведение Израиля»? Как это Феодосий «соблазнился» /вернее «не соблазнился»/ подобным библеизмом?

У нас несколько дней назад была коллекция безногих, безглазых и беззубых... Согласно новым теориям — причину Тамариного «лихоодноглазия» стали искать в зубах... Произвели снимки и обнаружили «грануломы» под одним из «коронированных» зубов.. Оный извергли.. Заразившись примером жены, и я отправился к зуборвателю и лишился части украшения //временно — до «замены»/. А тут у Тамары начались какие-то явления с ногой — предполагалось — нарыв — нары-

ва не объявилось. Был выдвинут на сцену «тромбозик» — маленькая закупорка тоже на почве зубов. Сейчас-то он почти исчез, но Тамара ходит еще с осторожностью. Надеемся, что скоро все /с ногой/ окончательно пройдет. Что касается глаза-то, если зубодерный метод лечения правилен, то чрез некоторый срок — месяца чрез полтора — надо ждать благих результатов. Впрочем — Тамара весела и даже «прыгает» /Клавдия Михайловна знает и существо и символику этого занятия/. Бог даст — действительно — все выправится.

Ну, вот... Готовимся к фин.(ансовой) кампании. Ничего, как будто бы бодро начинаем — вчера было первое собрание. Хотя у наших студентов экзамены сейчас — все же собралось большинство. Тамара погружена в карточки, адреса, и мы с ней — встречаясь на улице с «жертвователями» /сокращенно — в постановлениях «Фин.(ансовой) комиссии» пишется «жертвы» — пожалуй — не без остроумия/ — тщательно и приветливо раскланиваемся. Ну, Бог даст — все будет хорошо.

Вчера — праздновал /церковно/ свои именины. Удачно — как раз недавно скончался один купец и заказан сорокоуст. Службы каждый день. Это для меня было бы кстати, и даже — всю службу пел один. Вообще же стал «чтецом» первого разряда — фигурирую преимущественно под большие праздники и на архиерейских богослужениях¹⁵. Это — большой плюс и залог доверия ко мне со стороны родителей — уж ни в каком масонстве и «жидовском происхождении» — к чему у многих есть «влечение, род недуга» — особенно в отношении Движения — не обвинишь¹⁶.

Недавно было собрание Совета. Решили провести «обновление членства». В списках — много людей, уже не имеющих отношения в Движ(ению), даже враждебных ему. Кроме того, и у самих Дв(иженцев) как-то утратилась ясность в понимании основного. Надо встряхнуться. Эти дни /«обновления»/ проведем как дни покаяния и молитвы. Совет зовет всех — перед получением новых карточек /наконец-то отпечатали/ просмотреть свое отношение к Движ(ению), отговестся, принять участие в собраниях, устраиваемых специально по этому поводу. Боимся, что будут обиды со стороны тех, кто уже абсолютно равнодушен к Движ(ению), хотя и числится «движенцем». Ведь — «ревность, — как известно, — всегда переживает любовь». Ну, ничего не сделаешь. Между

прочим, — в «требованиях», предъявляемых к членам движения, Советом указана «обязательность» посещения раз в месяц идеологических собраний о движении. Дай Бог, чтобы, действительно, встряхнулись и расшевелились...¹⁷

Ну, посмотрим. Радуют ребятенки.. Хорошие растут. У нас в Тарту — сейчас целая «героическая» эпопея. После долгого «несуществования» опять зашевелились скауты. Повели атаку на ребят.. Соблазняют «костюмами», «варением на собраниях», «инструментами»... Часть новичков — покачнулась. Зато старые так сплотились, что прямо прелесть. Их соблазняют и тем, что их «произведут» в «помощ(ники) начальников», «сделают знаменосцами», но ребята тверды. Причем иногда героически пробираются в штаб к скаутам, «списывают» всякие приказы, постановления и с таинственным и победоносным видом приносят мне. Обыкновенно — отмечаю «героизм» поступка, но указываю его бесполезность. Вот — «русская» манера действовать. В конце концов — получилось так, что «скауты» объединили «посадскую компу» / по выражению одного из педагогов/ и посеяли рознь между ребятами. И уверены, что делают «большое дело». Ну, ничего — Бог даст — ребята, действительно, крепкими будут.

Мечтаем о лагере, о весне. Сейчас — что-то среднее — между зимой и переходным периодом — снег еще держится, но с крыш каплет, иногда — и дождем бросит... Сыровато, туманно. Морозы еще, вероятно, будут. Иногда — прелестные дни бывают — мороз — около градуса, снег выпадает густой, пушистый. Небо — полупрозрачное, в синевато-мутных просветах. Деревья — словно вылепленные из белого пушистого снега, особенно ели. И тишина такая, что словно — и города нет. Люблю такие дни очень. Но они — не так часты.

Ну, вот. А теперь — к тебе с специальным словом и просьбой. Надо /«достойно и заслуженно»/ выпустить «юбилейный» № «Вестника» — десять лет полностью исполнилось. А средств — нет. Решил обратиться ко всем Движениям с просьбой провести специальный день — сбор средств на юбилейный № — прошу каждого движенца /независимо от того, выписывает он или нет /хотя это опущение/ «Вестник»/ обложить себя единовременным взносом от 3 до 5 франков /«по способности»/ и внести их немедленно соответствующему лицу /Для парижан — Н.Н. Тукалевской¹⁸/. Написал

специальное послание к движенцам — посылаю его А.И. Никитину — одновременно с письмом тебе. Хотел было адресовать тебе, но потом — решил, что не буду тебя загружать лишними хлопотами. Пусть уж потрудится А.И. Но тебя прошу «посодействовать» и в случае надобности и на А.И. «воздействовать», а то за множеством хлопот он и забыть может. А тебя — не известит. Помоги, друже. Надо это провести быстро¹⁹.

С большим сочувствием читал строки о «ином некоем», который, как и А.И., просыпается часто столь же рано. Помоги тебе Господь изжить скорее — «издержки выхода из Египта».

Ну, надо кончать. Едет из Таллина в Печоры некая девушка, выразившая желание на пути остановиться в наш «Отель милитер» и вообще «выбитых из колеи». Надо идти встречать.

Тамара убежала, несмотря на «трамбоз», в свою школу «портняжьего вдохновения».

Вышел некий казус... Совсем было решила сегодня дома сидеть — послала записку от мамы /несколько дней тому назад/ что, мол, «без ног». А сегодня — возвращаясь от врача — со впрыскиваний — встретила меня и решила проводить. Идет, болтает, держу ее под ручку. И — вдруг — тягостное молчание — навстречу — учитель школы... Прошел, посмотрел. Тамара огорчилась. Движемся дальше — вдруг классная наставница. Вот тебе и раз. Уверяли Тамару, что вид у нее был, особенно когда висела на моей руке, — самый «проф(ессиональный) больной», но она не поверила и отправилась в школу.

Ну, вот. До свидания. Храни тебя Господь и помоги во всем.

Кланяйся Клавд. Михайловне²⁰ и всем. Пусть она не сердится, что не пишу. Впрочем — она «мовчит» основательно. По-моему — я сейчас должен считать «ожидающим» от нее письма.

Тамара и мама очень тебе кланяются. Будет возможность — напиши: послания от тебя — всегда огромное наслаждение и удовольствие.

Целую тебя сердечно.

Твой И. Лаговский.

Приписки на полях (поля обтрепаны, поэтому многих слов понять невозможно):

- Послал послание А.Ив. и чувствую «работу ... (неразб.)» под сердцем — не потерялось бы где-нибудь «в сорокадневном ... (неразб.)» пока доберется до оглашения пред собором «изведенных из темницы», на территории нового Валаама. Будь мне моим «судьей» и «пророком» и в слугах «дремания» «во мгле» призови его к бодрствованию и действию. Ну, теперь, как будто легче на душе. Храни тебя Господь. Приветствуй всех. И.Л.
- Судя по многим данным — придется таки мне странствовать к много... «Моисея» из воды. Я-то рассчитываю выехать туда около 10 марта, а Вас. Вас. пишет, что 5 апр. я должен быть в Париже. И как сие уместить — ума не приложу... (далее — неразб.)²¹.
- Voerdell-Lourmell — чудесно. А в середине — Olivier. Что «сущность», а что «(неразб.)»? Прости дурацкую игру слов... (далее неразб.)

4. Письмо Т.П. Лаговской Морозову А.В.

*Отправлено в феврале 1936 г. из Тарту,
получено в марте 1936 г.*

Дорогой Андрей Вадимович! С редкостью и удовольствием читала Ваше очаровательное письмо. Пожалуйста, не думайте, что я пишу Вам редко потому, что считаюсь письмами. Я вообще с трудом принимаюсь за каждое письмо — меня всегда подавляет скудость моих возможностей в оформлении и закреплении на бумаге моих мыслей и чувств.

Спасибо Вам большое за заботу о моем здоровье. Иногда я живу совсем здоровенькой и даже забываю о повязке на глазу, а иногда я ужасно усталая, голова кружится, настроение печальное. Но все это гораздо легче от того, что вправлено в рамку нашей уютной жизни, заботливой мамы, того, что я имею возможность «ничего не делать». Пожалуй, последнее и является причиной моего плохого настроения — я привыкла всегда быть занятой и никак не могу отвыкнуть. Иногда я представляю себе, что со мною было бы, если бы

я продолжала жить в Париже. Я бы сразу попала под первый проезжавший автомобиль. И кто бы меня лечил? Здесь, увы, меня лечат два профессора и пять врачей. Количество ужасное, не правда ли? Итак, для меня прямо спасение, что я в Эстонии.

Сегодня проводили Ив. Арк. в Ревель. Он приедет через неделю и числа 15ого марта выедет в Болгарию. В Париже он будет только в начале мая. Очень жалко, что Пасху он встретит и не с нами и не с Вами. А мы с мамой на все праздники уедем в Ревель к моей тете и моей двоюродной сестричке.

Уже вторая неделя поста. В церкви у нас чудесно, особенно за вечерними службами. Собор большой, гулкий, темный — светло только у икон, где горят лампы²². Поет только мужской хор. Все движеньцы собираются говеть вместе на четвертой неделе. В день причастия, вечером устраиваем собрание с раздачей членских карточек. Каждый получающий карточку как бы вновь пересматривает свое отношение к Движению и подтверждает свою принадлежность к нему и ответственное отношение к членству. Сейчас мы ведем подготовительную работу. Не для всех подтверждение членства легко. Думаю, что человек 5–6 отойдут от Движения, не желая принимать на себя ответственность. Ничего не поделать. Во всяком случае Движение должно выяснить, на кого оно может опираться.

На днях мы получили очень хорошее и интересное письмо от Льва А.²³ Он пишет о героических усилиях Ал. Ив. в материальном отношении. Бедный Ал. Ив., ему, должно быть, очень трудно. Вы так прелестно описали войну Лурмелии и Бурделии²⁴. Ужасно нехороша роль матери Марии. Меня только огорчает, что она всех втягивает в свою сферу и никто не протестует. Недавно читала, что о. Сергей Б(улгаков) читал у нее доклад. Он мог бы ради Движения уклониться от этого. А энергия Аллы Егор. меня поражает. Пожалуйста, напишите мне когда-нибудь, как дела ее общезнания на Saxe²⁵. И еще очень Вас прошу — напишите мне о Мусе Житниковой. Вы меня несказанно удивили ее возможным замужеством. Правда ли это серьезно? Если да, я очень рада. Я Мусю очень ценю и люблю и хотела бы, чтобы она свою жизнь соединила с большим человеком. Надеюсь,

что англиканский священник окажется таковым. Что же касается Зины, то мне не хочется верить слухам. Это будет ужасное снижение, «дурной тон» — не внешне, а внутренне. Я замужем уже бой год и стала немного в этом разбираться. Помню, я недоверчиво улыбалась, когда Валя Зандер²⁶ еще в Юрьеве мне говорила, что только после 6–7 лет начинается самая настоящая жизнь в браке. А теперь я и сама это знаю. Но это возможно только тогда, когда оба человека друг в друге, взаимно, открывают все новые дали и горизонты, растут, взаимно друг друга питают. Игорь на меня такого впечатления не производил — очень примитивен, здоров и доволен своим состоянием. Я надеюсь, что Зина сама это увидит.

Сейчас мы продолжаем нашу финансовую кампанию. Мы уже собрали половину, когда узнали, что разрешения на сбор нет. Ну, ужаснулись и временно прекратили. Теперь разрешение пришло. Наши движенцы не все на высоте в отношении сбора, т.ч. приходится ходить много. Погода нам благоприятствует — морозы наконец кончились, воздух мягкий, снег почти стаял, и воробьи щебечут и дерутся, как весной. Сейчас в моей комнате сидит один мальчик из Печер — член нашего Крестьянского Движения²⁷. Его от радио не оторвать. Мама в посту не позволяет открывать радио, но уж ради его блестящих и довольных глаз радио играет целый день. Очень хорошо Крестьянское Движение. Такое оно непосредственное и вперед устремленное.

Милый Андрей Вадимович, почему Вы не никогда нам не пишете о себе? Как вы живете в Compiègne, как выглядит Ваша комната, в чем заключается Ваша работа, что Вы делаете по вечерам и т.д. Пожалуйста, пишите — мне так все это хочется знать, а то я представляю Вас только в Monparnasse'кой обстановке.

Пока кончаю. Скоро у нас соберется наш Евангельский кружок. Нас всего четверо и кружок прекрасный.

Мама шлет свой сердечный привет. Помогите Вам всем Господь.

Тамара Лаговская.

5. Письмо И.А. Лаговского Морозову А.В.

*Отправлено 12 апреля 1936 г. из Софии,
получено 18 апреля 1936 г.*

Христос Воскрес, родной и милый Андрей Вадимович! Крепко, крепко целую Тебя и желаю Тебе большой радости, удачи, сил, всего согревающего и восполняющего. Рад, что скоро, Бог даст, увижу Тебя и буду иметь радость поговорить с Тобою, побыть, преодолев даже Компьениское расстояние. Прости, что так редко пишу Тебе, — зато всегда соучаствую в радости и наслаждении от чтения Твоих писем. И довольно хорошо — благодаря последним письмам — представляю твой *modus vivendi et agendi* и прочих ... *di*. Мечтаю узреть и знаменитую «мотрису» /иль иначе?/ сокращающую достижение Парижа. Прости, что черкаю — немного устал — ночь без сна — служба, потом розговны у студентов (пригласили эстонского гостя), спать пришлось мало, и вот сейчас перо не вполне повинуется пальцам. Автоматизм /неразб/. Обретаюсь, как это явствуется из заголовка, в Софии. Что выйдет из моего «обретания», Господь ведаёт: мое впечатление, что надо бы тут долго жить, тогда ещё, м.б., кое-что и вышло²⁸. Во всяком случае — в конце недели — ... провести конференцию. Болгарское Движение ещё не имело настоящего съезда. В 32 г., когда были мы с о. Сергием, было что-то в роде конференции — в городе, с открытыми общими собраниями, без служб. Сейчас — думаем выезжать в монастырь. Хорошо было бы, чтоб закончилось говением — тогда бы — был съезд, но боюсь, что это ещё «трудность» для большинства²⁹. Тема — о религ(иозном) смысле культуры. Тут — основная установка — установка точка зрения общевосточного союза и замедленность темпов и содержаний ... жизни. Дай Бог, чтоб всколыхнулись, а то — тускловато... Кажется, слух о конференции и её теме доведен до сведения Архиеп. Серафима — того самого, который книгой-кирпичом «критикнул» о. С. Булгакова³⁰ Дв(ижение) для него — гнездо (неразб.) подвохов. И вот — он начал в проповедях громить культуру как особу явно безбожную и богохульствующую. Только служат «И сие спасительно для вас, возлюбленные, знать» и грозная тирада против «богохульного писателя Л. Толстого» и «о сем для В. спасение

надлежит предупредить» и рассуждение на тему о развращающем явлении «модернизма в православии» в связи с увлечением танцами и плотской похотью... Ой, Господи.. А когда переходить к «образцам здорового учения» так начинаешь думать, что в аду, за последним 9-м кругом — ледяным — лежит еще 10-й обреченность слушать архиерейские поучения о «здоровом понимании православия». Хуже для меня, грешного, озера серного. Прости его Господь! С Дв. (ижением) встретился по-настоящему только маленький разок — на Благовещение было общее собрание. Студенты, но все работают — кто на фабрике, кто где. Вырваться на несколько часов — задача довольно трудная. Отвожу душу во встречах с Е. Моис³¹. Хороший он. На него и нападают, и поругивают... Но он — действительно — только и живет Дв(ижением). А так как его содержание не оговорено, присылают на Дв(ижение) «гором», то получается, что часто, бедняга, сидит без ничего, даже без обеда.

Шк. Кузьминой, где первооснованная ячейка В. и Д. — свой интернат переселился за город³². Место — чудное / если погода сухая/. Я живу сейчас в «раю» (так именует руковод(ящий) персонал усадьбу, где расквартирован пансион). Цветут груши, распускаются яблони, в нитях-цветах осени... Но от города — 20 м(инут) езды трамом. Стоит 3 лева. Е.М., и не имел оных, часто вынужден шагать все расстояние от «града» до «Захарной» (вместо Сахарной) фаб(рики) (местечко, где расположен интернат) на своих двоих. Не всегда удается это предприятие. А его обвиняют в недостаточном внимании к гимназии.

Вспоминаем с ним Париж и парижских. Вспоминаем обычно за «чашечкой кофе» — он здесь «по-турецки» горяч, как огонь. Когда варят, — а каждую «чашку» готовят отдельно, священнодействуют над мангалом. Когда — с гущей, действительно — это кофе, а не «кафэ» в рюмочках.

Любопытный город София — прелестная смесь Европы с востоком. Толпа — живая, подвижная. На Страстной неделе очень чувствовалось — в последние дни, что действительно, в православной стране. Но Православие — подлинное и глубокое — особенно в толще народной — со своеобразинкой. После первого «Христос воскрес» уже церковь пустеет — идут повечерять и спать. После Евангелия — едва ¼ молящихся

остается. Да и сокращают службу — весьма энергично, хотя служба длинная — так медленно поют, особенно когда местными напевами, такие паузы между поемыми вещами, что в недоумении оглядываешься и испытываешь беспокойное ожидание — уж не оборвалась ли «всерьез и надолго» служба. Нет, ничего. Постояли, постояли и опять в путь — до следующего песнопения. Это — особенно в соборе. Зато хоры есть чудные. У «Св. Недели» — митрополичьей резиденции — такой хор студ(ентов) богословов, что заслушаешься. А голоса — особенно тенора — Денисов никуда³³. Временами — почти иллюзия — смешанный хор — да и только. За пасхальной обедней — вдруг двинулись по храму старицы — в чем-то в стиле подрясников — в одной руке — копилка, а в другой — серебряный сосуд с длинным и узким горлышком. Подойдет и давай тебе на голову прыскать, потрясает сосудцем. Вода с розовым маслом. Платись за это благоухание. Любопытно. Был у нашего старого знакомого о. Стефана Цанкова³⁴. Важнечки живет. Очень тепло вспоминает всех парижских. Все собираюсь посмотреть все достопримечательности Софии — музеи, церкви, старинные. Да на Страстной — все некогда было. Бог даст, уже после конференции. Вчера — за пасхальной обедней тронуло, как на великом выходе — после поминовения живых митрополит³⁵ начал поминовение усопших — и в первую очередь «в Бозе усопшего государя царя Александра Николаевича нашего освободителя, русских и болгарских воинов, душу свою отдавших за освобождение Болгарии положивших, в Бозе почившего отца нашего Патриарха Тихона...» Память признательная до сих пор еще крепко живет... Ну, вот. Встретился здесь с Н.Н. Владимирским. Пускает корни и думает врачевать по внутренним болезням. Кажется, уже пользуется успехом. Болтаем иногда за «чашей» пилина (виногр(адное) вино, настоящее на поляни и смешанное с соком целого ряда плодов — очень вкусное, горьковатое) вспоминаем дни былые... Посетил и местные минеральные бани, они собственно — «мыльня» с душами, бассейнами для купания, но вода — минеральная, горячая. Тут же — около стен бани и специальные приспособления для бесплатного испития оной минеральной горяченности.. Далее — хвост стоит — так много желающих. Ну, вот. А как ты, друже милый, живешь? Где встречал Пасху? Где разговлялся? Ведь путешествовать

после утрени на Olivier de Serre далековато... А как «Лурмелия», «Бурделия» и Саксия? Судя по отчетам Пос. нов. (?) там у вас сейчас горячая перепалка между «пораженцами» и «обороновцами». Кто побеждает? Запутаются, по-видимому, окончательно. С большой охотой жду возможности попасть в Париж. Тем более, что это на пути в Эстонию, домой. Получили ли последний № Вестника? Дай Бог распродать его побольше. Появятся деньги, уплачу за этот — сразу же выпущу второй. Пусть и Париж поспособствует. Мое «кровное» письмо Ал. Ив., очевидно, осталось без «подхватывающей руки». Христос с тобой. Всего, всего доброго. Привет Тане, Жоржу,.. Очень надеюсь скоро свидеться.

Твой И. Лаговский

6. Письмо Т.П. Лаговской Морозову А.В.

*Отправлено из Тарту 15 апреля 1936 г.,
получено 20 апреля 1936 г.*

Воистину воскрес, дорогой Андрей Вадимович! Вот я опять дождалась того, что Вы меня поздравили раньше, а я Вам пишу уже много времени спустя после праздников. Ужасный я человек. Зато на заутрени я мысленно стояла на дворе Монпарнассской церкви и после того, как мысленно похристосовалась с Иваном Арк., я представила себе всех знакомых и милые лица. А в действительности стояла я в огромном, гулком, переполненном людьми Ревельском соборе, который высится над всем городом. Сколько раз мечтали уже о его срытии, потому что он стоит посреди всех министерств и прямо напротив парламента, но, слава Богу, для срытия понадобилось бы слишком много денег. Итак, вокруг меня и мамы двигались два непрерывных потока — в церковь и из церкви, которые перемещали нас, независимо от нашей воли, то в ту, то в другую сторону. Служба шла торжественно, но как-то холодно и слишком размеренно. Разговлялись мы дома среди своих, всего пять человек: мама, тетя, Танечка — моя двоюродная сестра, ее муж и я. Было очень уютно и весело, а мы с Таней такой красивый пасхальный стол сделали, что просто прелесть. Праздничные дни прошли не так многолюдно, как у нас в Юрьеве, и мы даже по-

бывали в опере и на балете. Балет теперь совсем уже становится хорошим. И если не полное, то во всяком случае некоторое удовольствие получаешь. Главные силы русские, т.ч. легкость и изящество обеспечены. Недаром Пушкин писал про «душой исполненный полет» русской Терпсихоры. Я в первый раз видела очаровательный балет Чайковского — «Щелкунчик». Мама видела его несколько раз еще давно, в Мариинском театре, когда, сидя в боковой ложе, можно было видеть, как маленькие снежинки быстро и мелко крестились перед выходом на сцену. Вчера вечером мы уже приехали домой. Я думала остаться еще немного, чтобы почитать некоторые книги моей тети, но чувствовала себя очень усталой и простуженной. В Ревеле такой ужасный климат — у меня всегда сразу же начинает болеть горло. Приехала домой и очень этим довольна. А тетина библиотека — это просто сокровище. И главное, что она все время ее пополняет. Недавно купила замечательную книгу, изданную в 1935 г., — Московский Художественный Театр. От нее просто не оторвешься. А старые мои друзья — это история живописи Бенуа и академическое издание Пушкина. Я приезжаю и сразу же их вытаскиваю. Замечательные. В этот раз должна была в Ревеле быть у врача, который тоже, увы, приехал на каникулы в Ревель и строго велел мне прийти. Он пробирается мне в лобную кость над левым глазом и вкладывает туда кокаин. Нельзя сказать, чтобы это было очень приятно. Но сам он очень милый и, главное, у него прекрасная собака, веселая и живая, которая знает массу фокусов. Пока я сижу в ожидании, пока подействует маленький местный наркоз, мой доктор делает с собакой совершенные чудеса. Вот какие в Эстонии интересные доктора.

Большое Вам спасибо за Ваше последнее большое письмо. Мне оно было очень, очень интересно. Я читала его маме, и она уже тогда просила передать Вам ее сердечный привет. А теперь он уже становится кроме того и Пасхальным.

Хорошо ли Вы провели свой отпуск и сколько дней Вы были свободны? Наверное, на Пасху Вы устроили какую-нибудь прогулку. У нас об этом нельзя и думать. До сих пор еще не стаял снег в полях и к вечеру всегда сильные заморозки. Все пытались к празднику надеть весенние пальто, но пришлось вернуться к зимним. Несколько наших знакомых на неделю уехали в экскурсию в Россию. Что-то они там уви-

дят — неизвестно. Если будет предусмотрительный и опытный гид — то ничего не увидят. По-моему, такие экскурсии под надзором ничего не могут дать. У тети просматривала интересную литературную газету из России. Некоторые статьи и рассказы очень хороши. У них ведь теперь крутой поворот от всего, что было раньше. Сейчас и прошлое в честь входит и его начинают уважать. И даже русскими себя называют. Интересную по содержанию новеллу прочла я там. Содержание приблизительно такое: рассказывает лесопил Архангельского края. Зима, он сидит в кинематографе рядом с работницей, в которую он влюблен и которой рассказывает о своих культурных достижениях, о похвалах начальства, о текущем счете в сберегательной кассе и о том, что одному всем этим пользоваться нет никакой радости. Она, потупя взор, отвечает ему, что лучше бы он рассказал о своей жене. Он убежденно утверждает, что с женой не переписывается — «об этом знает все в бараке», — что «нас церковный связывает брак, этот брак теперь на сломку отдан». Он говорит:

...что молодость моя прошла в печали,
С робкой девочкой, в глуши лесов
Нас, едва знакомых, повенчали.
Молча мы с ней прожили года
В духоте, в шуршании тараканов...
И ушел я как-то навсегда,
От прошедшего, как в омут канув.
И теперь назад в лесную глушь
Я не возвращусь к жене забытой.
По плечу ли ей культурный муж —
Деревенской женщине забытой...

В это время начинается сеанс. Первое — показывается хроника колхозов, и среди пестрых, гладких ковров мелькает белый халат и стройная фигура лучшей колхозной «доярки». Фигура приближается и вырастает. С экрана смотрит строгое, милое, «с ясным лбом в тени волос», «широкоглазое» лицо. В груди лесопила что-то обрывается. Он узнает свою забытую, но новой красотой светящуюся жену. Хроника разворачивается дальше. Колхозница входит по знакомому ему крыльцу в дом — прежняя комната, но у кровати на столе больше нет его линялого портрета. У него сжимается горло, он бросает работницу и тихо выбирается из кино.

Я сидел на койке в тишине,
Непонятною тоскою мучась.
Я писал покинутой жене
про свою негаданную участь.
Я писал: «Ведь я тебе родной,
Одинок я — знают все в бараке...
Верно, плохо жить тебе одной!?»
Помни, помни: мы с тобою в браке.

Простите, что заняла столько места этой новеллой, но она очень любопытная и характерная для теперешней России. Как они в ней развенчали их хваленного выдвигенца рабоче-го. И как странно все обернулось с «церковным браком». Очень интересно, во что все это обернется.

Пишу Вам на Ревельском блоке. На моей второй странице башня «Длинный Герман» — одна из самых красивых по расположению. Пока кончаю.

С искренним приветом Тамара Лаговская.

7. Письмо И.А. Лаговского Морозову А.В.

от 17 июля 1936., получено 24 июля 1936 г.

Karula-Vissi³⁶

Дорогой мой Андрей Вадимович,
прости, друже, что так давно тебе не писал. Спасибо тебе за интереснейшее и остроумно-яркое (как и всегда почти) письмо о съезде Фр(анцузского) Движения. Страшно рад, что все прошло с надеждой и упованием. Я как-то крепко верю в то, что в конце концов именно в «общем и целом» Движение вырастет, новая линия и новый путь. Дай Бог, чтоб Ал. Ив. оправился и справился. Съезд в палатках — как идея и новая возможность — меня даже вдохновляет. Ну, напишешь потом, как и что впоследствии. Где ты сейчас — в Compiègne или где-нибудь у лазурного моря? Оно, в общем, нормально-красиво и поэтому не блестяще. Но и оно знает свои минуты, когда оно прекрасно, изумительно. Мы с Тамарой все вспоминаем одно из таких видений «лазурного моря», как раз около мен. лагеря, после мистралья. Мы взобрались на какую-то гору, вдоль вершины которой шла бетонная стена. И вдруг

в одном из проломов стены видение, как две серебряно-синие чаши безграничности. Какой-то мысик разрывал голубую бесконечность и создал две. Кажется, если в час смерти вспомнишь это видение, душа сама станет такой же легкой серебристо-прозрачной и светлой голубизной. Дай Бог, если ты у моря, и тебе такое же видение.

Сейчас я уже шестнадцать дней в нашей милой Карула-Висси. Лес, поля и озеро. И почти нет людей. Замечательно! Ты не думай, что в мизантропию впал, но просто — надо и от общих встреч и, особенно, разговоров отдохнуть. Сейчас все больше и больше начинаю любить молчание. Сейчас, впрочем, уже разрешился от оногo, по крайней мере, открыл способность говорить молчаливо, чрез письма. И первым проблеском (одним из первых) воспользовался для того, чтоб написать тебе. Сегодня — довольно дождливый день. Сейчас — уже лучше. Даже солнышко проглянуло. Так что после обеда (а Тамара уже перетирает ложки, хотя до обеда еще далеко, она сегодня задумала гороховый суп) думаю отправиться на озеро. Стоят (с вечера поставил) две жерлицы. М.б. к ужину привезу щуку. Попадаютcя... Недавно была в 4 фунта. До сих пор стояла на редкость солнечная погода. Загорали вовсю. Во ржи (а она начинается прямо пред окнами нашего talk (домика-хутора) хозяин отыскал местечко, где рожь не то вымокла, не то просто не взошла, и мы, укрывшись от людских взоров редких прохожих желтым золотом созревающего хлеба, нежимся на солнышке. У нас две «комфортабельные кабины» — стены — рожь, крыша — солнечное небо, а разделяющее средостение — простыня, парусящаяся, туго натянутая на бамбуковых колышках — отрезках моих удочек. Свобода и независимость полная. Мама читает вслух «Три мушкетера» (полное падение духовности!), Тамара — вяжет джемпер, а я — отделенный простыней и невидимый — плету сетку для рыбы, для подсачков. Загораем хорошо, с ног до головы. Сейчас уже потянуло к чтению — сегодня просмотрел даже последний номер «Пути». Любопытно. И несколько грустно. Полемика — нужнейшая, а вместе — есть какое-то чувство «безнадежной безысходности» — все утвердились в своих точках зрения и в сущности — как-то не задумываются об основном — о созидании, о новом, о положительном, о росте. М.б. всех выше в этом отношении Н.А. Бердяев, но и в нем —

слишком много только о себе и о своем. Не знаю, трудно это выразить. Еще слишком много в этой полемике случайного, похожего на почесывание и раздражение, которое бывает у человека, когда его укусит муха или комар. Еще до созерцания и истины, до любви к истине в ее многообразных явлениях, до понимания правды такой многогранности, правды любви к человеку, к живому, данному, милому для сердца во всем своем целом не поднялись. Застыли в заостренности точки зрения как адекватности истины. Не знаю, понятно ли пишу. Боюсь, что не понятно. Когда пытался нечто подобное развить в присутствии В.В. и Сер. Серг. Верховского³⁷, был обвинен в «релятивизме». Ну, ладно. А все-таки — начинаю, видать, испытывать благожелательное влияние отдыха — даже в философию вдался.

Знаешь, как вернулся из поездки, в такую «усиленную деятельность» пришлось впрячься, что почти изнемог. Надо было в спешном порядке подготовить два съезда — съезд-лагерь и крестьянский молодежи. Заметался — Таллин — Тарту, Тарту — Печеры, Тарту — Визусте — место съезда. Тамара д.б. статья «хозяйкой» съезда — лагеря. Слава Богу — почти удалось подготовить. Только с темами Евангельских часов (у нас был порядок такой — с 9.30 до 10 — общая Евангельская беседа (глава и по ней общая, руководящая беседа), а с 10 до 11.30 — разбор прочитанной главы по группам) было трудновато — готовились по вечерам, после того как уже уложим спать нашу публику. Хотя и трудно было (заканчивали в 12 ч. — 1 ч. ночи, а в 7 — уже подъем), но я очень любил и ценил эти руководительские евангельские собрания уже по окончании трудового дня. Ночи — белые. Заря с зарей сходится. Небо — прозрачно-зеленоватое, ночное, полнеба охвачено легким заревом уходящей и нарождающейся красной зари. Снизу (дом, на крыльце которого бывали наши собрания, стоит на горе) из лесов, из полей тянет острым холодком сырости, кричит коростель. Читать можно, но бумага Евангелий, самые буквы кажутся какими-то полуматериальными, «символическими». И так хорошо, что расходиться не хочется.

Лагерь прошел очень хорошо — дружно, бодро, радостно и, верю, духовно значительно³⁸. Исповедь и день причастия были какими-то исключительными. Самое примечательное, что обыкновенно — в день исповеди раньше возникало какое-

то подсознательное противление, томление некоторое. А в этом году — словно все само собой вело к этому. В этом году — был один из наиболее полных «всеэстонских» лагерей, все города были представлены очень полно. Поначалу — были «перебои» — «вредили», как говорили потом печеряне — «друг другу», а потом — родилось такое чувство единства, братскости, дружной любящей семьи, что все стало легко, и ... Каждый ширился и развertyвался в этой общей атмосфере радостной любви и единства. Большинство молодежи оценило лагерь как «совсем особенный» и «самый лучший». Слава Богу. Была своя походная церковь. И тут — сказалось улучшение техники. Так развесили занавес (иконостас), подперев его колоннами — стволами сосенок, что просто на редкость. И службы были замечательные — у нас ведь большинство голосистые, музыкальные ребяташки. Повезло в этом году и со спортом. Частью — уговорили с Тамарой поехать на съезд в качестве доктора и завед. спортивной частью одного кончающего медика. Он — очень славный, цельный и чистый паренек, хотя и далекий (наружно) от Движения. Оказался великолепным организатором — всех заразил своей энергией, втянул в спорт и работу (надо было все самим приготовить, и соорудили — «целый стадион» — несколько площадок, дорожки для бега, для прыжков и т.д.). Я был начальником лагеря. В синей рубаше, с единственным знаком отличия — крестом Дружины на левом карманчике (у нас — в отношении формы — упрощение ее до необходимого предела), в трусиках, со свистком приходилось поспевать всюду. Прелестный был первый подъем флага. Построились... Публика — разношерстная. Сразу все наладить нелегко. Только что собрались торжественно направиться к мачте, где все уже готово, налетела туча, пошел дождь. Распустил ребят с тем, чтоб по свистку сразу же заняли свои места. Готовились они к этому моменту усиленно — гладили юбки, штаны, форменки. Сияли всей красотой. Выглянуло солнышко. — — — (свисток, знак сбора). Мигом все на местах. Пошли к мачте. А у нас был в распоряжении дом (старинная усадьба, теперь — школа, и сеновал (мальчики) — пред домом — площадка — на ней и строились. Далее вниз — террасами — сад, вернее — лужайки, окаймленные кустами и деревьями. На первой террасе — мачта — сами поставили. Хозяин усадьбы предоставил одну из самых вы-

соких сосновых жердей. Мы ее очистили от коры, вкопали, завели фалы (см. рисунок на фото).

Ну, перед матчей... Покамест выровняли, прочитали первый приказ и т.д. Солнышко скрылось, напозла новая туча, пострашнее прежней. Момент критичный. Однако — команду «Лагерь В(итязей) и Д(ружинниц), слушай мою команду. На гимн и флаг смирно». Гимн... Флаг поднят. Только что запели государственный гимн и флаг, государственный, пошел кверху, хлынул такой ливень, что вмиг все насквозь промокли. У девиц — прически обвисли, кофточки стали чудного темно-синего оттенка, у мальчишек — просто тело просвечивает. Однако поют... Строй не дрогнул. Я держу руку под козырек, а сам недоумеваю, почему у меня по лицу бегут черные капли. Оказывается, берет принял участие в окраске торжества. Кончили государственный гимн. Командую: «Гимн дружины. Флаг дружины поднять!» И тут вместо дождя ударил такой град, что даже сквозь берет впечатление хороших щелчков. Так и торжествовали под дождем и градом. По окончании — еще речь приветственную сказал, выразил надежду, что так необычайно и весело начавшийся лагерь будет и в своем продолжении одним из лучших. «Витязи и дружинницы, помни девиз». Весело ответили — «За веру, за правду». «Бегом домой сушиться, марш». Бежали — под ливнем и градом — так весело, так заразительно все хохотали, глядя друг на друга, глядя, как каждый был чем-то вроде живого колодца, что, право, самое веселое открытие было. Потом ... повесили на протянутых веревках кофточки, штанцы, рубашки... Лагерщики, в ожидании пока высохнет форма, превратились в костюмированных участников неожиданного веселого маскарада. К вечеру — заработали утюги — дружинницы спасали красоту и свою, и Витязей. Начало не обмануло — лагерь, действительно, вышел чудесным. Хороши были и послеобеденные собрания. Темы были высокие. «Молодежь и Культура», «Молодежь и социальное служение», «Личный подвиг». За время лагеря — все мы устали здорово. Хотя — пока был лагерь и не чувствовалось. К Тамаре — все время набиралось столько добровольных дежурных, что пришлось «наряд вне очереди» на кухню заменить «нарядом на приведение в чистоту умывалок и коридоров» (мыть полы).

У многих девиц предо мной был такой трепет, что вечером, если не хотели утомиться, достаточно было сказать

«И.А. идет к вам», чтоб водворилась тишина. Они всех усерднее поддерживали авторитет начальника и дисциплину. Забавные и милые. Начальница дев.(очек) рассказывала мне, что как-то раз заходит в помещение девочек младших. В сумерках — разобрать сразу не может, в чем дело, а видит, что все в какой-то странной позе копошатся на полу, и тишина — почти мертвая, только шепот. Хотела было прикрикнуть, сказать, что И.А. идет проверить, как выполнили приказ, как увидала, что все девочки разом наклонили головенки, потом закрестились. Оказывается, что молились на коленях за лагерь. Жалко было очень, когда лагерь кончился. Бог даст, когда получишь, пришло тебе фотографии.

Я остался еще на крестьянский съезд, а Тамара — уехала домой. Она так утомилась, что дома первые дни на ходу спала. Потом — немного отдышалась. Глаза у нее, слава Богу, постепенно приходят в норму. Сейчас все чаще и чаще ходит без повязки и вблизи видит без раздвоенности. Слава Богу! Процесс выздоровления медленно, но верно идет. Бог даст, все пройдет, хотя еще для этого потребуются месяцы.

Крестьянский съезд прошел славно, хотя труднее, чем обычно³⁹. Уж больно пригожее в этом году выдалось начало лета — все поспело до срока. Сенокос начался раньше времени. И у наших ребяток, ... приехавших на съезд, вопреки ворчанию родителей и «крестьянскому инстинкту» на сердце было не покойно — «вдруг погода после съезда переменится — тогда целый год попреков и нареканий». Кстати — слава Богу, погода продержалась и после съезда. Вдобавок — съезд был «обескровленный» — самые яркие из ребят — в этом году в солдатах. Однако — все вышло так, что душа радовалась. Съезд оказался съездом о духовной жизни, о путях внутреннего устроения души. И тут — исповедь и причастие были естественны и желательным завершением. В этом году мы все поднимали вопросы об исповеди, и ребята сами беспокоились «да будет ли исповедь и причастие?» Служил один из замечательнейших священников о. протопоп Анатолий (Остроумов) — наш Юрьевский настоятель⁴⁰. Пожилой, но удивительно юный душой и живой. Он пожертвовал днями начавшегося отпуска, чтоб приехать к нам. Он — великий знаток и ценитель службы. И служил так, что ребята не замечали длительности служб. Он было ворчал — «кормят мясом, раз-

говаривают, да еще исповедоваться хотят», а потом, побывав и присмотревшись, смеялся — «да и в посту так не постятся, как вы “с мясом”». Ну, вот... Но после съездов изнемог так, что уже слова стали заскакивать. И 1-го июля двинулись в чудное Vissi — к безмолвию безлюдия и созерцательной тишине рыбной ловли, загоранию. Впрочем, не думай, не только «Три мушкетера» читаем. Читали Достоевского, Осоргина («Книга концов»), сейчас на очереди Муратов «Итальянские впечатления». Ну, как тебе понравились наши экскурсанты? Ты познакомился с Таничкой Дормидонтовой-Белтовской. *Тамара гадает — понравилась ли она тебе?* (подчеркнуто карандашом). Покамест кончаю. Храни тебя Господь. Очень часто, часто все вспоминаем о тебе и думаем, как и что с тобой, а что редко пишу, этим, надеюсь, ты не смутишься и не возмутишься. Бессловесный разговор с тобой всегда веду. Сейчас жду приезда Пав. Фр. с Ривсом⁴¹ и иными англичанами, а 7-го августа д(олжен) начаться наш съезд⁴². Всего, всего доброго. Дай Бог тебе отдохнуть как следует. Целую крепко.

Твой И. Лаговский

8. Письмо Т.П. Лаговской Морозову А.В.

От 20 июля 1936 г., получено 24 июля 1936 г.

Vissi

Дорогой Андрей Вадимович! Я подавлена размерами письма Ивана Аркадьевича и поэтому решусь, наверное, только на короткую приписку.

Сейчас прекрасное, раннее утро — 5 часов. У нас было несколько дней дождя и ветра и теперь особенно хорошо чувствовать себя под голубым, высоким небом. Сегодня я встала, когда всходило солнце, успела уже погулять в лесу и поесть малины. Сейчас сижу у окошка, положив блок на подушку, чтобы не шелестеть бумагой. У мамы очень чуткий сон. Иван Арк. в городе пишет статьи. Мама вернулась вчера с массой всяких вкусных вещей, книг и новостей. Две Тамары (у нас живет Тамара Эрнштейн⁴³ — была в 29 г. на общем съезде) жили одни очень хорошо. Вчера весь день провели в купальных костюмах на лодках. Озеро было тихое и холодное после

пасмурных дней, а солнце чуть не спалило нам кожу. Читали вслух «Бесы». Тамара на удивление не любит Достоевского и сама его в руки не возьмет. А я каждое лето стараюсь его перечитать всего, хотя не всегда удается. Я страшно жду Таню, мою двоюродную сестру, которая обещала к нам на днях приехать. В своем кратком письме она упомянула, что видела также и Вас. Мне очень хочется поскорей послушать ее рассказы. Понравилась ли она Вам? Я ее очень, очень люблю и считаю человеком прекрасной и большой души. Только думаю, что ее сразу не оценить. И еще жду встречи с Павлом Ф., к которому чувствую искреннюю симпатию. Мы ведь поедem в Печеры, чтобы с ним повидаться. Но больше всего, конечно, жду съезда. Мы надеемся на нем увидеть некоторых рижских друзей (хотя и контрабандой). Я опять буду вести хозяйство съезда и ничего не услышу. Начинаю привыкать, что это моя участь. На днях Ив. Арк. получил письмо от Фондаминского⁴⁴. Кажется, Совр(еменные) Записки переведут печатать в Юрьев. Я этому очень рада — это дает работу нескольким студентам и вообще будет интересно. Простите, что пишу Вам такую пустую приписку — я уверена, что Ив. Арк. уже обо всем Вам написал. Наверное, и за письмо Ваше благодарил. Но это хочу сделать и я сама — с таким удовольствием его читала. Как-то пройдет наш съезд. У нас не «чистое поле», а уже насиженное гнездо, где было три съезда и где нас ждут с любовью. Из России наверное будет около 5–10 человек. Они очень тоскуют без Движения и усиленно занимаются личной жизнью. Это общее явление, пожалуй. Думаю, что это и не плохо, но беда в том, что «личная» жизнь у большинства понимается как отход от внутренней, духовной жизни, которой они старались жить в Движении. В этом только и заключается их неправда, а то ведь личного счастья всякому хочется. После съезда в Юрьеве будет одна милая движенская свадьба, которую мы стараемся хорошо организовать. Оба они молоды, просты и чисты сердцем...

На полях: Ну, кончаю мое несуразное послание. Шлю Вам искренний и самый сердечный привет. Мы всех вас всегда помним и любим.

Тамара Л.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эти, как и все другие номера «Вестника», можно найти на интернет-ресурсе <http://www.gr-net.ru/book/vestnik/>, за что огромная благодарность сотрудникам Дома Русского Зарубежья им. Солженицына в Москве.

² Праздник Движения — Введение во Храм Пресвятой Богородицы.

³ Здесь и далее Ал. Ив., А.И. — Никитин Александр Иванович (1889–1949), до революции был активным членом общества «Маяк» и Христианского союза молодых людей (УМСА) в России. В эмиграции жил сначала в Болгарии, был секретарем Болгарского студенческого христианского движения. Один из организаторов и руководителей Русского студенческого христианского движения (РСХД) в эмиграции. С 1935 г. секретарь РСХД во Франции.

⁴ Речь идет о новом помещении РСХД в Париже по адресу 91 Olivier de Serres. Дом Движения был открыт 1 октября 1935 г. (о его открытии см.: «Вестник РСХД» 1935 г., № 12, с. 40). Там же до сих пор располагается офис РСХД.

⁵ Летний парад физкультурников состоялся 1 июля 1935 г. М. Горький написал статью «О параде физкультурников», опубликована в газете «Правда», 1935, № 180 от 2 июля.

⁶ Мама Т.П. Лаговской — Бежаницкая Клавдия Николаевна (1889–1979), врач-фтизиатр, дочь протоиерея Николая Бежаницкого, который был расстрелян большевиками в 1919 г., причислен к лику святых в 2000 г.

⁷ Т.П. Лаговская была руководителем группы девочек воскресной школы. Прием новых членов в Дружину Витязей и Дружинниц обычно проходил на праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы — праздник Движения.

⁸ Зандер Валентина Александровна (урожд. Калашникова) (1894–1989), жена секретаря РСХД Л.А. Зандера. Зандеры жили в Латвии в 1929–1932 гг., благодаря их усилиям деятельность Движения в Прибалтике активно развивалась.

⁹ Тамара Павловна слишком строго себя оценивала: она была руководительницей группы девочек воскресной школы в Тарту, «хозяйкой съездов» и летних детских лагерей, устраиваемых РСХД в Эстонии. Кроме того, Тамара Павловна помогала в работе по изданию «Вестника РСХД», занимаясь рассылкой журнала.

¹⁰ Фото не сохранилось.

¹¹ Финансовая кампания, т.е. сбор пожертвований на РСХД, осуществлялась ежегодно силами членов Движения, которые по предварительно составленному списку адресов посещали русских эмигрантов, рассказывали о деятельности РСХД, просили финансовой поддержки, заодно знакомя с Движением и распространяя его

идеи. Также финансовая кампания проводилась и в Эстонии (см. «Вестник РСХД», 1935, №12).

¹² В 1936 г. Морозов получил работу инженера в Компьене, здесь и далее в письмах Лаговских вопросы о переезде и устройстве А.В. Морозова на новом месте.

¹³ В 1929 г. в Риге Л.А. Зандером был организован прибалтийский Религиозно-педагогический кабинет (РПК) как филиал парижского РПК, одним из видов деятельности которого было проведение Религиозно-педагогических съездов. Религиозно-педагогические съезды проходили ежегодно — иногда Латвия и Эстония вместе, иногда отдельно. В работе съездов принимали участие педагоги русских учебных заведений Прибалтики. После запрещения деятельности РСХД в Риге в 1934 г. съезды РСХД (общие и религиозно-педагогические) проходили только в Эстонии.

¹⁴ Еп. Сергей (Королев) (1881–1952), в то время епископ Пражский. Активно поддерживал деятельность РСХД, в 1935 г. посетил кружки РСХД в Эстонии и Финляндии.

¹⁵ И.А. Лаговский служил чтецом в Успенском соборе в Тарту, состоял членом Исидоровского братства, которое занималось благотворительной деятельностью при Успенском соборе. В этом же соборе был похоронен дед его жены священномученик Николай Бежаницкий.

¹⁶ Среди православных — как среди клира, так и среди мирян — существовало (существует и до сих пор) негативное отношение к РСХД, с обвинениями в масонстве, «ереси экуменизма» и связях с протестантскими организациями.

¹⁷ О проведении недели обновления членства см. № 12 «Вестника РСХД» за 1935 г., с. 43–44, там же опубликовано «основное содержание членства» в РСХД.

¹⁸ Тукалевская Надежда Николаевна — актриса, в 1930-х годах работала в канцелярии РСХД. Дружила с Мариной Ивановной Цветаевой.

¹⁹ В декабре 1935 г. исполнилось 10 лет с выхода первого номера «Вестника РСХД». О значении «Вестника», а также о финансовых затруднениях, связанных с его изданием, И.А. Лаговский пишет в самом юбилейном номере, см. «Вестник РСХД» 1935, № 12, с. 3–4.

²⁰ Перешнева Клавдия Михайловна (1900–1985) — активный член РСХД, на протяжении многих лет была казначеем РСХД.

²¹ Речь идет о предстоящей поездке И.А. Лаговского как секретаря Движения в Болгарию, о которой он будет рассказывать в следующем письме.

²² Успенский собор г. Тарту — см. прим. выше.

²³ Зандер Лев Александрович (1893–1964) — философ, богослов. Участвовал в организации первого Пшеровского съезда РСХД, секретарь, с 1933 г. — Генеральный секретарь РСХД.

²⁴ Речь идет о разногласиях между председателем РСХД проф. В.В. Зеньковским, м. Марией (общежитие на ул. Лурмель) и Н.А. Бердяевым.

²⁵ Матео Алла Ерофеевна (1893–1942) — преподаватель, руководитель студенческих лагерей РСХД, была председателем иконописного отдела РСХД. В 1935 г. основала общежитие для девушек в Париже (о его открытии см. «Вестник РСХД», 1935, №12, с. 40–41). Погибла в Аушвице.

²⁶ В.А. Зандер — см. комментарий выше.

²⁷ Крестьянское Движение — молодежное христианское движение, организованное по аналогии с РСХД среди крестьянской молодежи в Печерском крае. Его организаторами и руководителями были новомученики Н.Н. Пенькин и Т.Е. Дезен. Крестьянское Движение издавало газету «Путь жизни». Активное участие в деятельности Крестьянского Движения принимал о. А. Киселев.

²⁸ О поездке И.А. Лаговского в Болгарию и съезде см. «Вестник» 1936 г. Из Софии И.А. Лаговский отправился в Париж, где на общем собрании РСХД (которое состоялось 9 мая 1936 г.) делал доклад о поездке. Приведем обширную цитату из протокола собрания: «Болгария: Благодушная российская провинция. Дешевое вино, бридж. Пасхальное богослужение. Розговны студентов. Слова о родине отзываются болезненно (старшие чувствуют, что за этими словами больше не стоит никакого устремления). Старые члены Движения вспоминают о нем как о некоем светлом явлении юности. Любим Движение, хотим с вами видаться. Бридж. Сливовая водка. Материальная устроенность. Быт сложился. Молодые движеницы — трогательны, любят Движение заглазно и в кредит. /.../ В Болгарии силы потенциальные для Движения есть. Репутация у Движения хорошая. /.../ Движение находится в состоянии зимней спячки...» (Архив РСХД, кор.2, п.5).

²⁹ Съезд РСХД отличался от конференции тем, что кроме докладов на съездах были богослужения и обязательно евхаристия с общим причащением.

³⁰ Архиепископ Серафим (Соболев) (1881–1950) — в эмиграции в Болгарии, с 1921 г. глава Болгарского благочиния русских церквей. Будучи человеком исключительной личной праведности, архиеп. Серафим придерживался крайне консервативных взглядов. В 1935 г. написал книгу «Новое учение о Софии Премудрости Божией», в которой подверг резкой критике учение о Софии о. С. Булгакова.

³¹ Наумов Ефим Моисеевич — руководитель РСХД в Болгарии в 1930-х гг.

³² Школа Кузьминой — частная школа, основанная В.П. Кузьминой в 1924 г. в Софии, общеобразовательный лицей с углубленным изучением языков (немецкий, французский, английский). В школе

уделяли большое внимание религиозному образованию, была своя церковь. В 1935–1936 гг. шли переговоры о более тесном сотрудничестве школы Кузьминой и РСХД, но эта идея не осуществилась.

³³ Денисов Иван Кузьмич (1883–1963) — оперный певец, организатор и регент хора студентов Свято-Сергиевского института в Париже.

³⁴ Протопресв. Стефан Цанков (1881–1965) — видный деятель Болгарской православной церкви, активный участник экуменического движения, оказывал содействие Свято-Сергиевскому институту.

³⁵ Митр. Стефан (Шоков) (1878–1957), глава Болгарской церкви. Поддерживал Болгарское и Русское СХД. Был однокашником И.А. Лаговского в Киевской духовной семинарии.

³⁶ Местечко на юге Эстонии недалеко от г. Валга, где ежегодно отдыхали Лаговские.

³⁷ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) — бессменный председатель РСХД, профессор Св.-Сергиевского института. Верховской С.С. (1907–1986) — богослов, преподаватель Св.-Сергиевского института, Св.-Владимирской семинарии.

³⁸ Детско-юношеский лагерь в 1935 г. прошел в местечке Визусти. Был последним лагерем РСХД в Эстонии, так как в связи с общим распоряжением эстонского правительства о централизации всей работы с молодежью в руках Министерства Народного Просвещения должна была быть свернута вся детско-юношеская работа Движения.

³⁹ Съезды Крестьянского Движения проходили в 1934 и 1935 гг., их организовывали Н.Н. Пенькин и Т.Е. Дезен. В основном съезды посвящались религиозно-культурным темам.

⁴⁰ Прот. Анатолий Остроумов (1861–1936), настоятель Успенского собора г. Тарту, почетный председатель Тартусского РСХ Единения.

⁴¹ Пол Андерсон (1894–1985) — секретарь ИМКА для России, активно содействовал деятельности РСХД, Св.-Сергиевского института и издательства ИМКА-пресс. Ривз Амросий (1899–1980) — англиканский священник, в то время активный член Содружества Св.Албания и Преп. Сергия.

⁴² Съезд РСХД в Прибалтике состоялся 7–12 августа 1936 г., был последним съездом (см. комментарий к проведению летнего лагеря).

⁴³ Эренштейн Тамара Дмитриева (в замужестве Литвина) — активный член Рижского Единения, иконописец.

⁴⁴ Фондаминский Илья Исидорович (1880–1942) — принимал участие в деятельности РСХД и «Православного дела». Погиб в Аушвице. Причислен к лику святых.

Воспоминания о наставниках

Весной 1951 года Господь меня привел, двадцатилетнего юношу, к порогу Богословского института. Мои родители жили в Париже со дней приезда во Францию, и я, как и два мои брата, получил здесь среднее образование. День, когда я записался студентом, поднимаясь к «сергиевской горке», где стоит храм и помещается Институт, помню как сегодня. Я шел со светлым чувством доверия к школе, в которую решил поступить. У главного здания меня приветливо встретил высокого роста и строгий на вид иеромонах и посоветовал обратиться в канцелярию. Вскоре я узнал, что это — патролог, *архимандрит Киприан (Керн)*, сыгравший впоследствии значительную роль в моем духовном возрастании.

Хотя он был специалистом греческого языка, о. Киприан умел представить предмет в его простоте и какой-то легкости. Он был прекрасным педагогом. Объясняя нам гласные звуки и их ударения, он одновременно открывал нашему слуху прелесть, музыку длинных и коротких ритмических значений. Ради контраста, с большим юмором, он приводил анекдотические сочетания на понятном нам языке: «вы где живете? — там-то; а у нас река широка как Ока».

Очень скоро появился набор знакомых слов, которые мы узнавали по их корням: *ritor* — оратор, *patir* — отец; *mitir* — мать; *gastir* (*gastros*) — живот (отсюда — гастрит); *anir* (*andros*) — мужчина (отсюда — Андрей); и даже такое поразительное сочетание: *Kyon*, *kynos* = собака, циник (древнегреческая школа мысли). Пословица: *o anthropos men* (человек-то) *nomizi* (предполагает), *o de theos* (Бог же) *krini* (судит, критически смотрит).

Поток правил, новых слов, склонений и спряжений, которые было очень трудно запоминать, о. Киприан украшал

* Протоиерей Михаил Фортунато — регент, священническое служение которого проходило в Англии в период управления епархией митр. Антонием Сурожским. См. о нем на русском языке книгу Н.В. Балусевой «Регент: судьба и служение. Протоиерей Михаил Фортунато», М.: Языки славянской культуры, 2012.

шутками. Для того чтобы мы точно выражались, у него был следующий пример. Иностранец-портной предлагает вам купить брюки из плотного материала: «это себе невыносимые брюки» — говорит. Вы спрашиваете: «А если они будут узки?» Ответ: «Вы принесите, я вам буду изменять». Отец Киприан в совершенстве владел пятью языками, которыми, при случае, намеренно пользовался одновременно, и тем вызывал улыбки иностранных посетителей. Однако свою внешнюю ученость он воспринимал лишь наполовину всерьез; однажды он нам поведал, что ядовитый Ключевский говорил об академике Корше, который знал все языки, что тот в свое время служил секретарем при Вавилонской башне.

Разнообразие понятий и их близость к жизни способствовали развитию мысли: *agari* — любовь-милопсердие; *storgi* — социальная любовь, к семье, нации; *egos* — огненная, страстная любовь; *filii* — любовь друга. Рассуждая о понятии «дружеской любви», о.Киприан описывал путь суровой аскезы, вместе пройденный в юности двумя друзьями, святыми Василием Каппадокийским и Григорием Назианским, и цитировал одного из них: «в пустыне мы роскошествовали в лишениях», так крепла их дружба. Среди неправильных глаголов (брать, нести, есть, знать, видеть), которые, как известно, описывают каждодневную деятельность человека, неожиданно для нас оказались и глаголы «грешить» и «умирать». Так, по ходу дела, мы открывали познавательную глубину языка. То и дело о. Киприан расширял наш горизонт своими рассказами, хотя от главной темы урока надолго не отклонялся.

Зато были дни (точнее сказать, вечера), когда он сполна дарил нам плоды своей учености и красноречия. Бывало, мы, каждый у своей лампы, сидим в своей аудитории, зубрим. Скромный стук во входную дверь, входит о. Киприан: «Можно к вам?» Он садился и под видом непринужденной беседы рассказывал о деятелях Церкви и культуры недавнего прошлого, особенно о духовных школах, о святителях и их трудах, и о святых (мы знали, что он работает над составлением богословской библиографии русской церкви XIX века). Мы заслушивались и всякий раз принимали его снова с радостью. Но хотя о. Киприан много рассказывал нам поучительного, казалось бы, о прошлом, мы незаметно погружались в настоящее, касающееся наших душ. Слушая его на протяже-

нии пяти лет учебы в Академии, я стал понимать, что он меня научил молиться по-новому. Сам он отрицал, что умеет творить «умную молитву». Но я знал, что если он нам передал, хотя бы исподволь, нечто от искусства молитвы, он должен был быть ей причастен. И сегодня, сорок лет после его кончины, я верю, что он не забывает нас, своих бывших студентов (многие из которых сами отошли в вечную жизнь), предстоя перед Божиим Престолом, и молится...

Любил он говорить нам о святителе Григории Паламе и его учении об образе Божьем в человеке и даре творчества, способствующем личному спасению. Говоря о суровости русских архиереев, о. Киприан однажды нам поведал анекдот, что митрополит Филарет (Дроздов), ныне прославленный во святых, за утренним завтраком обычно «съедал» протоиерея... Переходя от забавного к серьезному, в рассказах о многих тружениках Духа, как истинный свидетель апостольского предания, он неприметно нам указывал путь к «Иисусовой молитве», к нашему главному призванию. Память ему да будет со святыми!

Если в программах Института не фигурировал тогда предмет «церковного музыковедения» как таковой, то клирос, певший под управлением Михаила Михайловича, а после его кончины в 1950 году — Николая Михайловича Осоргина, несомненно сыграл решающую роль в передаче молодому поколению во Франции и за ее пределами наследия клиросного пения московского толка.

До сих пор в памяти звучит воспоминание о первом всенощном бдении в канун дня преподобного Сергия, ознаменовавшего начало занятий. Молоденький тогда, поющий чистейшим серебристым голосом, с абсолютным слухом, *Николай Михайлович Осоргин* стал моим первым наставником церковного пения. Главные достоинства его клиросной практики можно определить так.

Во-первых, непогрешимая, точнейшая интонация во всех голосах, начиная с серебряного звучания ведущего голоса самого Николая Михайловича, который зорко давал отпор всякому детонированию энергичным броском локтя, по ходу пения, в ребра виновника малейшей неровности или понижения. Юмор блестел в его глазах, когда он предъявлял требование петь «точниссимо».

Вторая заслуга заведующего клиросом была детальнейшее, виртуозное знание богослужебных книг и устава, а также в нем и распева, создававшее чувство естественности и полноты беспредельной молитвы.

Третья добродетель достигает глубин души силой веры в воскресение, именно — трезвая бодрость в исполнении всякого песнопения любого времени года, любой службы. Трудно преувеличить педагогическое значение такой живой установки, где преодолеваются человеческие «болезнь, печаль и воздыхание», где светские, мирские инстинкты укрощаются скромностью и здравым благочестием, в которой светится — где радостная печаль, где радость воскресения, а временами прямо «ангельская веселость», как это случалось всегда в пасхальную ночь. На этом примере было воспитано не одно поколение молодых людей и девушек, сегодняшних служителей православных храмов.

На экзамен по уставу тогда молоденький Николай Михайлович приглашал старейшего профессора Карташева, всегда певшего на клиросе.

Антон Владимирович Карташев имел как бы две ощущения, взаимосвязанные установки. Академически он был совершенно объективен, детально и красиво излагая богатым слогом ткань церковной истории. Вместе с тем, он пламенно верил в то, как христианину нужно жить в истории, именно — по халкидонскому догмату о двух природах Христа. Христианин в полной мере призван участвовать в общественной жизни своего времени и твердо заявляет о своей вере, как и Христос воплотился в полноту человеческого бытия. Под влиянием его лекций, не только в Институте, но и бродя по городу, я ощущал во всем Богочеловеческое влияние. Мне представлялось, что мир сей живет своей жизнью, своими разнообразными интересами, пестрота которых мелькала всюду перед глазами, но что таинственным образом облагораживает этот на вид слепой круговорот судеб и замыслов святая искра, светящаяся в каждом человеке, рожденном на земле, а может быть, сама Божья благодать, данная в христианском Крещении... Такое идеальное мироощущение делало из меня «идеалиста». Но был ли, по сути дела, идеалистом старший меня на 55 лет, маститый профессор Карташев?

Епископ Кассиан (Безобразов) был также ученым большого масштаба в области Нового Завета. На наш вопрос он при-

знавал, что «постишно» знает наизусть весь Новый Завет. Эту ученость он старался передать нам, и не без труда. Он хотел нам дать в руки современный научный инструмент, а мы желали знать на этот счет мнения древних отцов церкви. Прав был, конечно, он. Главным же откровением в его лекциях было научно установленное видение и знание Божьего Царства, с радостью принимаемое нами в сердце верой.

Его участие в церковном богослужении было окутано каким-то благодатным облаком в силу того, что в жизни он разговаривал заикаясь, а в богослужении вполне гладко распевал возгласы на одной единственно доступной ему ноте своим глуховатым голосом. Да простит мне Владыка дружеский шарж. Дело в том, что святитель, вопреки некоторой умственной суровости, был человеком весьма наивным и добрым. Вот что с ним случилось однажды, когда он принимал экзамен по Новому Завету. Приходит студент, выходец из Восточной Европы, случайно попавший в Институт, не из самых усердных. Владыка Кассиан предлагает первый билет, но студент не узнает даже указанной темы; просит второй билет, и повторяется то же. Только лишь чудо может спасти его от позора. Тащит третий и последний билет, но и здесь не может ни одной мысли из себя выдать, хоть убей. Владыка видит его замешательство и, с самым участливым выражением лица, наконец спрашивает: «А на-на что вы, мо-мой друг, на-на-де-деялись?» Находчивый студент тут не растерялся: «На Господа Бога надеялся, Владыко святой». На что Владыка, со всей своей научной прямоотой: «Не-не-удачная у Вас на-надежда». Эта притча молниеносно разнеслась по Институту.

Отец Василий Зеньковский, бессменный председатель Русского Студенческого Христианского Движения, преподавал нам историю философии. Но главной чертой его было любвеобилие. Он удивительно тонко умел слушать. Мы с большой нежностью запомнили однажды сказанное им (он был киевлянином): «у человеческого сэрдца бывают такие мумэнты...». С другой стороны, без малейшей эмоции, он исчерпывающе разрешал наши академические недоумения: «О. Василий, объясните: в чем разница между трансцендентальным и априорным мышлением?» Секундное молчание, и — «разница в контексте», и побежал. По большому счету, его завещание нам было о «православной культуре» в «Свете, просвещающем всякого человека, грядущего в мир».

Из его биографии мы знали, что о. Василий, помимо прочего, был научным психологом. На одной лекции он нам изложил плод своих изысканий о психологическом происхождении греха в человеке. Строгая объективность в изложении состава человеческой природы была не способна укрыть трепет чувств докладчика перед тайной личности: он говорил о человеке-ребенке, в котором в раннем еще возрасте начинает в душе укрепляться личность, а личность — носитель добродетелей, но также ученик и греха... Но и здесь о. Василий не забывал напомнить о «Свете, просвещающем всякого человека».

Отец Николай Афанасьев читал нам историю древней Церкви и каноническое право. Приходит в начале года и, разводя руками, с вопросительной интонацией объявляет: «Совет профессоров мне поручил читать вам курс канонического права, а я думал, что со времен Нового Завета Христова Церковь живет благодатной жизнью, а не под законом», — и пускался в описание благодатных даров Церкви и ее канонической жизни, о составе Церкви, о таинствах, о брачном праве, о монашестве. Эти лекции мы воспринимали как самые увлекательные во время нашего пятилетнего обучения.

Известно учение о. Николая о «Трапезе Господней», о еucharистическом богословии каждой отдельной местной церкви. На фоне этого учения о. Николай, один из русских православных священнослужителей, выходил на великий вход Божественной литургии со словами: «...благочестивый род христианский...». Эти слова о живой универсальности Церкви меня беспрдельно волновали (традиция Сербской Церкви?). Они мгновенно роднили меня с окружающими в храме, со всеми, кто во Христе родился Духом, со всем живым христианским миром. Усопшие всех времен, знаемые и незнаемые, становились живыми, рожденными Богом, единым стадом, с единым Отцом Пастырем. «Ангельский собор и человеческий род».

При предельной скудости средств, при малом числе студентов в эти послевоенные годы моей учебы мои наставники свидетельствовали перед всеми приходящими на Сергиеву горку в Париже об исключительном горении их духа. Потеряв земную родину, они на чужбине обретали небесное отечество и вели нас, студентов, бескорыстным служением к познанию Христовой истины. Поминаю их сегодня как Божьих праведников.

22 ноября 2011 г.

В МИРЕ КНИГ

АЛЕКСАНДР МЕДВЕДЕВ

«То, что нужно помнить»

Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева, Е.Ю.) Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки [Собрание сочинений в 5 кн. Кн. 1] / Сост. Т.В. Викторовой, Н.А. Струве; науч. ред. и вступ. ст. Н.В. Ликвинцевой; примеч. Т.В. Викторовой, Н.В. Ликвинцевой; оформл. Е.Л. Марголис. М.: Русский путь: Книжница; Париж: YMCA-Press, 2012. 656 с.: ил.

Бог сделал меня орудием,
чтобы с моей помощью
расцветали другие души.

Мать Мария

Книга, на обложке которой – прекрасный фотопортрет матери Марии (Скобцовой) (1891–1945) с удивительным открытым взглядом, открывает «Пятикнижие», которое наиболее полно представит ее творческое наследие, в несколько раз превышающее по объему известный парижский двухтомник (Мать Мария. Воспоминания, статьи, очерки: В 2 т. Париж: YMCA-Press, 1992).

В основу издания положен «принцип постепенного раскрытия» духовного облика матери Марии. В первую книгу вошли мемуаристика и художественная проза (поэтическое творчество матери Марии, дебютировавшей как поэт, составители планируют целостно представить в пятой книге издания), написанные в основном во второй половине 1920-х гг.

как попытка «сквозь призму человеческих судеб» «осмыслить случившуюся со страной историческую катастрофу» (с. 17).

В заглавие первого тома вынесено название очерка о Блоке, написанного к 15-летию смерти поэта: «самый удивительный мой современник», «символ самой удивительной эпохи в жизни моей удивительной страны» (с. 76), встреча с которым стала для матери Марии знаковым духовным событием, связывает доэмигрантский и раннеэмигрантский периоды ее творчества, которым и посвящен данный том.

Многие архивные тексты публикуются впервые: рассказы «Непобедимая», «Ряженные», «Вадим Павлович Золотое», повести «Канитель» и «Несколько правдивых жизнеописаний». Ранее издававшиеся произведения сверены с архивными первоисточниками и значительно дополнены: мемуарный очерк «Друг моего детства» впервые приводится по полной публикации в газете «Дни»; «Встречи с Блоком» впервые публикуется не по краткому варианту в «Современных записках», а по полной авторизованной машинописи; воспоминания «При первых большевиках» впервые даются полностью по рукописи (Бахметьевский архив Колумбийского университета).

Эту книгу, посвященную памяти о. Сергея Гаккеля (1931–2005), автора первой и лучшей биографии матери Марии, открывают статья Т.В. Викторовой «Памяти отца Сергея Гаккеля» и «Слово о матери Марии» самого о. Сергея. И в этом проступает глубоко символическая связь: книга продолжает духовную линию о. Сергея по восстановлению целостного облика матери Марии («нужно показать подлинный лик матери Марии»). Составители издания стремились к преодолению в восприятии матери Марии романтизации и акцентирования отдельных черт ее личности («поэтесса Серебряного века, влюбленная в Блока», «первая женщина — городской голова», «участница терактов», «монахиня в миру», «героиня Сопротивления», «спасительница евреев»), искажающих целостность ее творческого и духовного образа (с. 12–13). Вышедшая книга начинает исполнять и заветную мечту о. Сергея о том, чтобы донести творческое наследие, слово и образ матери Марии до русского читателя во всей полноте.

Статья Н.В. Ликвинцевой «Воспоминания и художественная проза матери Марии. Начало пути», в которой дан

анализ текстов данного периода, раскрывает жизненный, творческий, духовный вектор матери Марии в историко-культурном контексте эпохи. Исследовательница указывает на жертвенность как сквозную интенцию, пронизывающую ее творчество: «Тема жертвенной любви, готовности отдать душу свою за другого <...> изначально во всем творчестве матери Марии» (с. 28).

В книгу включены 15 писем к Блоку 1912–1917 гг. (они приводятся по рукописям РГАЛИ с устранением неточностей предыдущих расшифровок), письма Б.А. Садовскому, С.П. Боброву, И.С. Книжнику-Ветрову, а также публикуемые впервые личные записи матери Марии («Из записных книжек»), относящиеся к периоду написания публикуемых произведений. Эти записи «для себя» не менее значимы для понимания матери Марии, чем ее проза. Фрагментарные, незавершенные записи — в контексте культуры XX века с ее установкой на преодоление художественных жанров (с их условностью) и стремлением к выражающей личностный опыт документальной форме (розановская нелитературная «рукописность») — звучат как исповедь, «свободное самооткровение личности» (М.М. Бахтин), когда «думал, что познакомишься с автором, и вдруг обнаружил человека!» (Б. Паскаль). Запись «*Противоположное*» — о «простой человеческой мудрости» позволять людям ходить «разной походкой, говорить разными голосами, видеть разное», которая, к сожалению, редко встречается в духовной жизни, где «каждый придает своему собственному пути абсолютное значение и хочет, чтобы все совершенно так же развивались и двигались, а остальному не верить...» (с. 456–457). Запись «Вспомнила» (о молодом человеке, потерявшем веру в Бога из-за голубенка, которому крыса «срезала» лапки и которого пришлось убить, чтобы избавить от мучений) по сути продолжает теодицею Достоевского: «веру потерял, потому что это несправедливость, которую Бог допустил. Если же Бог несправедлив, то просто нет Бога. Это даже сильнее, чем слезинка ребенка у Достоевского, потому что ребенок как-то с человечеством Адамовым связан, органически связан, а тут и вся тварь стонает и страждет... Много говорила с ним о том, что его чувство справедливости только отражение Божественной справедливости, что его отношение к Богу такое: *капля просит океан: “Будь мокрым”*» (с. 457). «*Молитва из по-*

сланий апостола Павла» (Рим. 8, 35–39) о невозможности быть отлученным «от любви Божией» свидетельствует об особой значимости для матери Марии мистического опыта ап. Павла: «ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может нас отлучить от любви Божией во Христе Иисусе» (с. 457). Последняя запись, особенно важная для понимания духовного пути матери Марии, выражает ее устремленность стать «орудием» Божиим: «Есть люди инструментальные для Бога. Он не творит их, а творит ими. Тут уже не приходится думать о своей маленькой душе, а лишь о том, чтоб всегда быть в воле Его, орудием Его» (с. 457). Эти мысли матери Марии созвучны ее словам, сказанным в 1933 г. К.В. Мочульскому: «Роль моя чисто инструментальная. Когда я постриглась, я думала, конечно, о своей “духовной жизни”, но вот с тех пор, как я стала монахиней, я поняла: “Бог сделал меня орудием, чтобы с моей помощью расцвели другие души”».

Среди публикуемых впервые архивных текстов обратим внимание и на запись об остановке на пути в Париж в альпийском Инсбруке из мемуарного наброска «То, что нужно помнить» (вошедшую затем в повесть «Несколько правдивых жизнеописаний»). В этой короткой записи — мистическое переживание матери Марии, важнейшее для понимания ее духовного опыта: «Там пришлось ждать часов 8. Я оставила детей и маму на вокзале, а сама пошла покупать им хлеб. Было очень раннее утро. Прохожие не успели смять выпавшего за ночь снега. Я бродила по незнакомым улицам. Снег продолжал тихо падать. Вокруг были дома с нависшими вторыми этажами, узенькие улочки, церковки, башни с часами. В нишах — раскрашенные статуи Божьей Матери. И было это все такое особенное, что нельзя передать. Я чувствовала и совершенно точно, что я сейчас здесь дома, и не только дома, а и вблизи самых моих близких покойников. (Впрочем, снег, — падающий, — всегда и везде передает ощущение близости Б.) Так я пробродила все время. Чуть на поезд не опоздала. И ничего за эти несколько часов, собственно, не случилось. А вместе с тем я знаю, что забыть их совершенно нельзя» (с. 498). Земная дорога беженцев (в начале января 1924 г. Елизавета Юрьевна вместе с матерью и детьми выехала из Сремских Карловцев во Францию, где они обосновались сначала в

Вильпре (предместье Парижа), а затем в Медоне) становится метафорой духовного пути. В литературном плане это мистическое откровение о Доме отсылает к метафизической традиции русской литературы. В частности, к «видению золотого века», откровению «всечеловеческой любви» «эмигранта» и «скитальца» Версилова (случайно оказавшегося на маленькой немецкой станции), с его любовью к «чудесам старого Божьего мира»: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия: каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же была отечеством нашим, как и Россия». Мистика тихо падающего снега близка и знаменитым финальным строкам блоковского «Возмездия», где снежная тишина (концепт тихости выражен и звукописью — нагнетанием глухих согласных, шипящих и свистящих) — метафизический образ Божьего присутствия, преобразующего реальность, кенотический образ сходящей благодати:

По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым запущенным садом,
И небо — книгу между книг;
Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный...

Следует отметить высокий текстологический уровень издания. Статья Ю.В. Балакшиной «Рождение смысла: текстологические наблюдения» раскрывает этапы создания и историю произведений, характер авторской правки и работы с текстом (так, в частности, дан подробный текстологический анализ записи об остановке в австрийском Инсбруке (с. 460–462)). Трудно не согласиться с выводами исследовательницы о прозе матери Марии, сочетающей традицию русской литературы XIX в. и модернистскую поэтику XX в. (с. 472). В Приложении «Другие редакции и варианты» даются результаты сверки различных редакций и стадий работы над очерком «Встречи с Блоком», повестей «Несколько правдивых жизнеописаний» и «Канитель», что помогает проникнуть в творческую лабораторию матери Марии, проследить характер ее работы над рукописями. Впервые публикуются

материалы вокруг судебного процесса над Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (1919), проливающие свет на малоизученный период биографии матери Марии и дополняющие очерк «При первых большевиках (Как я была городским головой)». Публикуемые тексты сопровождаются подробными научными комментариями.

Завершают книгу краткая хроника жизни и творчества (она будет расширена в последующих томах издания) и избранная литература о биографии и творчестве матери Марии, включающая источники с 1914 по 2009 г. Книга богато иллюстрирована редкими архивными фотографиями матери Марии, ее родных и современников, цветными репродукциями акварелей, рисунков матери Марии и фотокопиями ее автографов.

Во вторую книгу серии («Россия и эмиграция») войдут жития, богословские и публицистические статьи матери Марии второй половины 1920-х гг., посвященные РСХД, русской мессианской идее и проблемам духовной жизни эмиграции. Третью книгу («Путь») составят работы 1930-х гг. о Богоматери, монашестве, аскетизме, социальном служении и творчестве. Четвертая книга («Православное Дело») — статьи о войне и богословские работы второй половины 1930-х и 1940-х гг. о «настоящем и будущем Церкви». В заключительной, пятой книге будет наиболее полно представлено поэтическое наследие матери Марии, включая и ранее не издававшиеся стихотворения, поэмы и мистерии.

О. Сергей Гаккель вспоминал, что мать Мария часто говорила о «призвании»: «Так, “мы призваны к свободе”. В ней “мы должны выполнить наше дело как члены Церкви”. Это приведет нас к “четкому отличию Православия от всех его украшений и одежд”, иначе христианская вера подвергается искажению и подавлению. Ничто не должно стать угрозой той беспрецедентной свободе, которая была дарована Русской православной церкви в эмиграции. <...> “Наша миссия [в эмиграции] — показать, что свободная Церковь может творить чудеса. И если мы принесем наш новый дух — свободный, творческий, дерзновенный, — наша миссия будет исполнена”» (с. 15). В сущности миссия этой первой книги и всего «Пятикнижия» матери Марии и заключается в призыве и призвании человека к творящей чудеса христианской свободе.

АЛЕКСАНДР МЕДВЕДЕВ

Драгоценные логосы имен

Резниченко А.И. О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк *et dii minores*. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. 425 с.

...пока не приведет дел в согласие с монашеским именем, нареченным ему в сокровенности его и явно.

*Преп. Исаак Сирий.
Слова подвижнические. Слово 54.*

Слово бесконечно богаче, чем оно есть само по себе.

о. П. Флоренский

Монография Анны Резниченко, явившаяся итогом более чем десятилетней работы, представляет собой по сути не одну, а несколько книг, объединенных темой «Судьбы имени» (А.Ф. Лосев), — философии имени и судьбы русских философов в XX веке: раздел I «Философия имени: онтологический аспект», представленный именами В.С. Соловьева, о. П. Флоренского, о. С. Булгакова, А.Ф. Лосева; раздел II «С.Л. Франк и С.Н. Булгаков: всеединство и софиология»; раздел III «Малые боги», посвященный П.П. Перцову, А.С. Глинке-Волжскому, С.Н. Дурылину.

Важнейшей чертой книги является *системный* анализ метафизики имени на уровне сложнейших религиозно-философских систем Булгакова, Лосева, Флоренского, Франка, Соловьева, рассмотренных прежде всего на пересечении богословской (паламизм, софиология, имеславие) и философской традиций, а также в широком контексте европейской философии. И здесь автор достигает решения одной из важнейших задач своего исследования — восстановления «целостной традиции философствования о языке», «того онтологического стержня, восходящего к Платону, Ареопагитикам и Паламе, без которого философия имени — как совокупность действительно оригинальных и самостоятельных концепций — не только непонятна, но и немыслима» (с. 13–14).

Ценным представляется стремление автора «навести мосты», уловить общность подступов в философии языка в русской и европейской философии XX века (с. 14), так, особенно интересны размышления о философии имени Лосева в контексте «культурного пространства философии XX в.», в частности, намеченные соответствия между Лосевым и Хайдеггером (с. 91–92).

Другая сущностная черта книги, делающая ее «томов премногих тяжелей», — *энциклопедичность*, проявляющаяся не только в жанре энциклопедических статей о С.Н. Булгакове, С.Н. Дурьлине, А.С. Глинке-Волжском (эти статьи нужно держать под рукой и специалистам по их творчеству, и исследователям эпохи), но пронизывающая сам дискурс исследования с характерной для него насыщенной концентрацией мысли, стремлением к погружению во все большую и большую полноту и глубину неисчерпающего себя смысла, что проявляется и в развернутых подстрочных комментариях. Текстологическое уточнение ключевого для философа образа вырастает в религиозно-философское мини-исследование («“Свет Невечерний”: правописание и его смысл», с. 194–200), а анализ литературных заметок и рецензий Глинки-Волжского — в мини-гlossарий русской философии нач. XX в.: Эсхатология / земной Иерусалим / горный Иерусалим (Невидимый Град); Благочестивый разбойник / Иуда Искарот / богоборец Иаков; Pro domo sua / свой угол / в своем углу; Ст. Пшибышевский (с. 345–357).

Анализ метафизических систем русских философов сочетается с любящим вниманием в их духовную жизнь, что создает при чтении книги (благодаря и цитируемым письмам, в которых звучат их *живые* голоса) *аутентичное* ощущение русской философии, с характернейшим для нее житнетворческим единством интеллектуальной практики и христианского опыта жизни. Мы это видим, в частности, в главе о Франке, где в хронике жизни Берлина 1920-х гг. метафизический план русской мысли, насыщенная интеллектуальная жизнь русского зарубежья соединены с духовной жизнью, литургической: «3 сентября 1924 г.: Владимирский собор. Литургия и последующий доклад “Три искушения”» («Русский философ в Берлине (1922–1937)», с. 105).

Книгу украшают публикации уникальных архивных материалов (следует отметить их высокий текстологический

уровень), которые впервые вводятся в научный оборот и делаются достоянием современной культуры: статья С.Л. Франка «Христианская совесть и политика» (1948–1949) (публикация по машинописи с правкой Франка из Бахметьевского архива в английском оригинале и в переводе, с. 137–156), концептуальная работа П.П. Перцова «Основания космономии» (1944) (авторизованная машинопись из архива Дома-музея С.Н. Дурьлина, с. 272–299), неизвестное письмо С.Н. Булгакова архиеп. Чичестерскому от 25 октября 1938 г. (публикация английского автографа из архива С.Н. Булгакова в Православном богословском институте (Париж) и его перевод, с. 129–132).

Уникален и раздел, посвященный «малым богам» русской культуры — П.П. Перцову («П.П. Перцов: морфология недостроенной системы (1897–1947»)), С.Н. Дурьлину («С. Раевский: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта)»), А.С. Глинке-Волжскому («А.С. Глинка: литературные отголоски, заметки и рецензии 1901–1905 гг.»), в последнем особый интерес представляет чеховской разворот, на сегодняшний день почти неизученный в чеховедении («Очерки о Чехове: к определению понятий», с. 306–319).

Отдавая должное философии имени о. П. Флоренского, автор исследования отмечает, что она «требует отдельного и пристального анализа». Однако нам представляется polemичным утверждение о понижении онтологического статуса языка и несистематичности философия имени Флоренского: «онтологический статус языка, как показывает анализ модели о. Павла, у Флоренского ниже, чем у о. С. Булгакова и тем более А.Ф. Лосева: коммуникация между Сущностью и человеком осуществляется в его системе с помощью категории “лика”, а не с помощью категории “слова”» (с. 34); «Философия имени о. П. Флоренского, при всех ее несомненных достоинствах и широте применения философского, догматического, филологического материала, все же не носила систематического характера. В своих работах, посвященных этой проблеме, философ только обозначает общие черты “философской теории имен”. Детальная разработка как гносеологических, так и онтологических сторон философии имени, хотя и различным способом решенная, принадлежит С.Н. Булгакову и А.Ф. Лосеву» (с. 37).

В качестве контраргумента приведем несколько фундаментальных для Флоренского, выступающего имеславцем (Фло-

ренский соглашался с афонскими имеславцами в том, что вопрос об Имени Божиим — «наиглавнейший вопрос Православия, обнимающий собой все христианство»¹, «он связывается со всеми точками духовного понимания жизни, со всем кругом веры»²), определений имени из книги «Имена» (1926), в которой наречение Богомладенца выступает парадигмой для онтологии имени Флоренского: «“По имени и житие” — стереотипная формула житий; <...> имя — онтологически первое, а носитель его, хотя бы и святой, — второе; Самому Господу, еще не зачавшемуся на земле, было предуготовано от вечности имя, принесенное Ангелом»³; «Формула личности, ключ к складу и строению личного облика, некоторое universale»⁴; «именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет даже ее духовное и душевное строение»⁵.

Имя имеет «внутренний образ», «словесное представление» — понятие О.Э. Мандельштама⁶, восходящее к «внутренней форме слова» А.А. Потебни, а через него — к В. фон Гумбольдту: «Слово — Психея. Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещь, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела. <...> Стихотворение живо внутренним образом, тем звучащим слепком формы, который предваряет написанное стихотворение»⁷. О глубинном смысловом «наслоении», «напластовании» в слове, семеме как душе слова писал и Флоренский: «Оно постоянно колышется и меняется <...> Чтобы понять слово правильно, надо понять из контекста, что именно здесь и теперь хотел сказать человек, произнесший слово. Слово бесконечно богаче, чем оно есть само по себе. Каждое слово есть симфония звуков, имеет огромные исторические наслоения и включает в себе целый мир понятий. Об истории любого слова можно написать целую книгу»⁸. Хочется вслушиваться, вдумываться в «судьбу имени», его «внутренний образ» — «Психею», воплощаемую в «теле» имени и таинственно преображающую его смысл. Так, Розанов, в знаменитой записи о вывеске булочной, исходя из установки на соответствие фамилии роду занятий, по сути писал об определяющей судьбу человека таинственной «власти имени» и стремился освободить свою фамилию (как-то забыв о семинаристском происхождении

своей «цветочной» фамилии) от снижающего ее «булочного» прозаизма: «все булочники “Розановы” и, следовательно, все Розановы — булочники. Что таким дуракам (с такой глупой фамилией) и делать. <...> Я думаю, “Брюсов” постоянно радуется своей фамилии. Поэтому СОЧИНЕНИЯ В. РОЗАНОВА меня не манят. Даже смешно. СТИХОТВОРЕНИЯ В. РОЗАНОВА совершенно нельзя вообразить. Кто же будет “читать” такие стихи?»⁹ Входя в «диалог» со своей фамилией, ее смыслами, Розанов стремился привести ее к созвучию, согласию со своей личностью, достичь единства имени и сущности.

На обложке этой замечательно изданной книги мы видим софийное сочетание цвета: на глубоком синем, созерцательном индиго — стремительно-золотой «Рай» Чюрлениса. На густо цветущем побережье с порхающими разноцветными бабочками (розановская «энтелехия») — столь же разноцветные ангелы. Эти чудесные райские цветы (к одному из них с любовью склонился солнечный ангел) напоминают те драгоценные логосы, идеальные, энтелехийные имена, которые Бог откроет каждой душе в том преображенном любовью мире (От. 2, 17), где Личность и Имя «будут едино». Но и здесь, на земле, мы приближаемся к этим сокровенным логосам, и книга Анны Резниченко — тому подтверждение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Флоренский П.А. У водоразделов мысли* // Флоренский П.А. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 336.

² Цит. по: *Андроник (А.С. Трубачев), игумен. Имеславие как философская предпосылка. Примечания* // Флоренский П.А. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 429.

³ *Флоренский П.А. Имена*. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. С. 26.

⁴ *Там же*. С. 22.

⁵ *Там же*. С. 52.

⁶ *Мандельштам О.Э. О природе слова* // Мандельштам О.Э. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 183.

⁷ *Мандельштам О.Э. Слово и культура* // Мандельштам О.Э. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 171.

⁸ *Флоренский П.А. У водоразделов мысли* // Флоренский П.А. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 326.

⁹ *Розанов В.В. Уединенное* // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. С. 54.

Святая Гора Бориса Зайцева

Зайцев Б. Афины и Афон: *Очерки, письма, афонский дневник.*
СПб.: Росток, 2011, 320 стр. — Сост. А.М. Любомудров.

«Я прочел дивный очерк об Афоне Бориса Зайцева, приехавшего туда из Франции в 1927 году. Очерк художественный и возвышенный, мягкий и нежный». Это строки Валентина Распутина.

Валентин Григорьевич, как всегда, слова нашел очень точные. Действительно, возвышенный и нежный — трудно подобрать лучшие определения к творчеству одного из самых замечательных лириков в русской прозе, получившего признание еще в России эпохи Серебрянного века и закончившего долгий девяностолетний жизненный путь в Париже в 1971 году.

Чистый, тихий, светлый — эти слова о себе Борис Константинович читал в десятках, если не сотнях рецензий на свои книги и очерки. Глубоко православный человек, он снова и снова на своих страницах возвращался к приметам старой России, звону колоколов, встречах с монахами на бескрайних просторах любимой страны, которую больше уже не довелось увидеть. Великолепный знаток мировой культуры, Борис Константинович всегда приходил к объединяющему началу, которое только и могло держать на плаву. Для него это была вера.

Именно поэтому такое впечатление на писателя произвела поездка на Афон в 1927 году, воплотившаяся в неоднократно переизданную книгу с одноименным названием. «В своем грешном сердце уношу частицу света афонского, несу ее благоговейно, и, что бы ни случилось со мной в жизни, мне не забыть этого странствия и поклонения, как, верю, не погаснуть в ветрах мира самой искре», — писал мастер.

Зарисовки жизни афонских монастырей, служб, старинных книг и икон, старцев, сам какой-то светлый и прозрачный воздух, которым словно дышала каждая строка книги, — все это сделало «Афон» одним из самых известных произведений русского зарубежья. Однако, как оказалось, уже известные из-

дания этой замечательной книги были подобны айсбергу, значительная часть которого осталась под водой.

Дело в том, что сначала Борис Константинович слал из проклятой Эллады очерки о своих впечатлениях, которые появлялись на страницах русских парижских газет. Сперва — в «Последних новостях», потом — в «Возрождении». В книгу вошло далеко не все. Параллельно во время пребывания в Греции писатель вел записную книжку, куда торопился занести свежие впечатления, которые только-только успевал вдохнуть. Записи эти до сих пор еще не публиковались.

«После Акрополя ясно, что нет связи между его творчеством и расстилающимся внизу народом. Это два мира. Тысячелетия их разделяют. Потоки новых сил, приливы и отливы всяческих народностей, завоевателей и разрушителей, безмерно отграничили дедов от внуков. Какой преемственности требовать? Персы и македонцы, римляне и норманны, крестоносцы, итальянцы, турки, турки и турки — что могло уцелеть от времен Фидия и Перикла? Удивительно еще, как сохранился сам Акрополь. Удивительно, что уцелел язык — и язык тонкий, изящный, приятный по вкусу».

Изумительных этих строк до сих пор никто прочесть не мог. Пока все материалы, включая письма родным, отправленные писателем с Эгейского побережья в Париж, не собрал по разным периодическим изданиям и архивам доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Пушкинского Дома Алексей Любомудров. Результатом чего и стало появление в петербургском издательстве «Росток» составленной им большой книги Бориса Зайцева «Афины и Афон. Очерки, письма, афонский дневник».

Причем здесь не просто яркие, точные зарисовки прозаика, которого многие собратья по изгнанию ставили рядом с Буниным. Как известно, любое подлинное произведение всегда глубже первоначально поставленной задачи автора.

«Поднялась поздняя луна. Кипарис св. Афанасия казался черным гигантом, тень его, как исполинского святого, перечеркивала белый в синем двор. В полумгле колокольни кресты. Кое-где крыши блестели в свете, звезды цеплялись за кипарисы, узоры башен казались из восточной феерии, по-шахерезадински журчал водоем. Все — и Византия, и Восток — в этой прино-душистой ночи».

Если добавить, что составителю удалось включить в издание и никогда доселе не публиковавшиеся рисунки Зайцева, то станет ясно, что «Афины и Афон» являются настоящим событием в современной культурной жизни. Перед нами — очень глубокие размышления о сути христианства и его связи с эллинистическим и византийским наследием. Зайцев непрерывно прослеживает путь к христианству через культуру эллинов. Каждое впечатление он словно рассматривает сквозь «магический кристалл» самых различных эпох и цивилизаций. Причем написано все легкой, ясной, прозрачной прозой. И, конечно, читатели совершат незабываемое путешествие по Святой Горе, по монастырям, пещерам, скитам, по этой планете, посещение которой помогло стольким людям преодолеть душевные невзгоды.

«Светлые воды Архипелага» ... да, светлыми водами этими встретил меня Афон... Афон греческо-русский, сербский, болгарский, румынский, всегда православный — для меня, конечно, прежде всего русский».

«Ученого, философского или богословского в моем писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником», — писал Борис Зайцев.

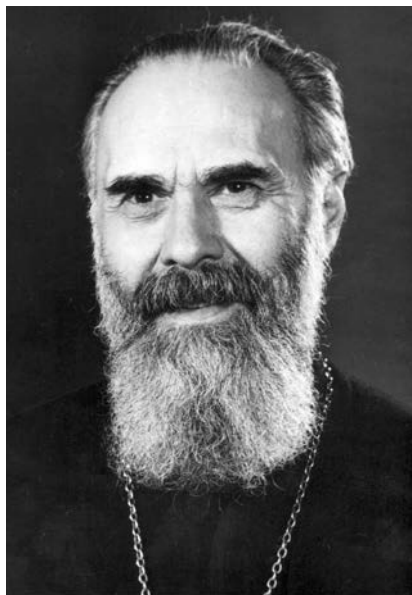
Виктор Леонидов

Конференция
посвященная столетию
Митрополита Антония Сурожского
(1914–2014)

“Слава Божия есть живущий человек”

(Св. Ириней Лионский)

15–16 ноября, 2014 — Королевский колледж, Лондон

© Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation

Докладчики:

доктор Роуэн Уильямс, Кембридж
митрополит Иоанн (Зизиулас) Пергамонский, Афины
отец Александр Фостиропулос, Лондон
брат Адальберто Майнард, Бозе, Италия
доктор Сюзанна Скляр Висконсин, США
доктор Элизабет Робсон, Брайтон
Коста Каррас, Афины
Карин Гринхед, Лондон

Справки по тел: 01869 347457 email: masf.foundation@gmail.com

Исправления
к «Вестнику РХД» № 201

Просим прощения за опечатку в имени Андрея Иванена.

СОДЕРЖАНИЕ

Среди острых проблем сегодняшнего дня — *Н.А. Струве*3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Памяти владыки Гавриила Команского — *Н.А.Струве*6

Проповедь архиепископа Гавриила в день Пасхи 2012 г.8

Памяти отца Михаила Шполянского — *Н.А. Струве*10

Святость: таинство неожиданности —

Афанасий Н. Папафанасиу12

Итоги 90-летнего пути Российской Церкви от Священного

Собора 1918 года до Архиерейского Собора 2008 года

(лекция, прочитанная на съезде РХД в 2012 г.) —

свят. Павел Адельгейм19

Презрение к святости — *С.С. Бычков*38

Связь времен. Письма протоиерея Александра Меня

писателю М.А. Поповскому — *публ. С.С. Быčkova*91

Встреча. Слово, произнесенное в Шартрском соборе —

митроп. Антоний Сурожский102

О владыке Антонии Сурожском

Видеть задание Божие — *игумен Петр (Мещеринов)*111

Видеть, смотреть, не отворачиваться —

А. Шмагина-Великанова118

Николай Афанасьев (1893–1966). Биографический очерк —

М.Н. Афанасьева131

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

К столетию со дня смерти Шарля Пегю

К столетию со дня смерти Шарля Пегю, погибшего на

фронте под Парижем 3 сентября 1914 г. — *Н.А. Струве* ..146

Из поэмы «Ева» — <i>перевод Н.А. Струве</i>	149
О православии и культуре (В трудах архиепископа Иоанна Шаховского) — <i>О. Раевская-Хьюз</i>	150
Из цикла поэм «Ветроград веры» (поэтические размышления) — <i>о. Герасим (брат Иоанн)</i>	159
Стихи — <i>О. Шульчева-Джарман</i>	161

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

У истоков русской эмиграции: Письма Юрия Никольского к Алексею Струве — <i>публ. и прим. Н.А. Струве</i>	168
Письма И.А. и Т.П. Лаговских А.В. Морозову — <i>публ. У. Гутнер</i>	205
Воспоминания о наставниках — <i>о. Михаил Фортунато</i>	235

В МИРЕ КНИГ

«То, что нужно помнить» — <i>А. Медведев</i>	242
Драгоценные логосы имен — <i>А. Медведев</i>	248
Святая гора Бориса Зайцева — <i>В. Леонидов</i>	253

SOMMAIRE

A propos d'un des problèmes épineux de nos jours – <i>Nikita Struve</i>	3
--	---

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

In memoriam Mgr Gabriel de Wylder – <i>Nikita Struve</i>	6
Sermon pascal de Mgr Gabriel de Wylder (2012)	8
In memoriam père Michel Shpoliansky – <i>Nikita Struve</i>	10
La sainteté –le sacrement de l'inattendu – <i>Athanase Papathanasiou</i>	12
Entre le Concile panrusse de 1918 et le Concile archiépiscopal de 2008 : quelles conclusions tirer des 90 ans qui les séparent? – <i>père Paul Adelheim</i>	19
Métropolite Antoine de Souroj. La rencontre. Allocution prononcée par Mgr Antoine à la cathédrale de Chartres ..	102
Voir le projet de Dieu – <i>higoumène Pierre Mescherinov</i>	111
Voir, regarder et ne pas détourner son regard – <i>Anna Shmaina-Velikanova</i>	118
Nicolas Afanasiev. Le chemin de sa vie, écrit par sa femme (traduit du français par Victor Alexandrov)	131

LITTERATURE ET ART

Pour le centenaire de la mort de Charles Péguy: quelques pensées extraites des «Cahiers de la Quinzaine» et trois strophes d' «Eve» – <i>traduits par N.Struve</i>	146
Orthodoxie et culture dans les œuvres de l'archevêque Jean Shakhovskoï – <i>Olga Raevskaïa-Hugues</i>	150
Méditations poétiques du Père Guérassime – <i>traduits du français par Anne Davydenkov</i>	159
Poésies – <i>Olga Sultcheva-Djarman</i>	161

HISTOIRE DE L'EMIGRATION RUSSE

Lettres de Iouri Nikolski à Alexis et Gleb Struve (2ème partie) — <i>publication et notes de N. Struve</i>	168
Lettres de saint Jean Lagovsky et de sa femme à A. Morozov — <i>publication et notes de Ouliana Gutner</i>	205
Evocation de ceux qui ont été mes maîtres — <i>père Michel Fortounato</i>	235
BIBLIOGRAPHIE	242

Представители «Вестника»

США и КАНАДА

Hieromonk Alexei Lisenko
PO BOX 439 Manton,
CA, 96059, USA

Natalia Ermolaev
Fr. Georges Florovsky Orthodox Christian Theological Society
Princeton University
Princeton, NJ 08540
e-mail: nataliae@princeton.edu

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Olga Pattison,
5 Rectory Crescent, Middle Barton,
OXON, OX 77 BD, UK
e-mail: olga.pattison@talk21.com

ЛАТВИЯ

Василий Минченко
121, Kr. Valdemara str., apt. 1
LV, 1013, Riga, Latvia
phone: (371) 29147350
e-mail: vasilij@mailbox.riga.lv

ИТАЛИЯ

Dott. Vladimir Keidan,
via Grimaldi Casta, 41, 00122 Roma, Italia
e-mail: v.keidan@mail.ru

ФИНЛЯНДИЯ

Елизаветинское сестричество
Elisabetin sisaristo
PL 120 Turku 20701 Finland - Suomi
tel. +358 40 734 7549
elsisari@gmail.com

РОССИЯ

Санкт-Петербург
Александр и Светлана Буровы
197110, СПб., Большая Разночинная, д. 9, кв. 19
Тел. (812) 230 77 12, 927-347-66-88,
aburov05@rambler.ru

Екатеринбург
Иванова Оксана Витальевна
620034, г. Екатеринбург,
ул. Черепанова, д. 18, кв. 83
тел. (3432) 45-36-45
Воронеж
Корденко Сергей Николаевич
394000, г. Воронеж,
ул. Среднемосковская, д. 1, кв. 60
тел. (4732) 52-22-55
e-mail: mail@skord.vrn.ru

Чувашская Республика
Игумен Василий (Паскье)
429826, г. Алатырь, ул. Конгородок, д. 11
e-mail: ig-basile@cbx.ru

БЕЛОРУССИЯ

Дмитрий Строцев
220030, г. Минск, ул. Карла Маркса, 20-13

УКРАИНА

Киев
Вадим Залевский, изд. «Дух и литера»
04070, Киев, ул. Волошская, д. 8/5, корп. 5, кв. 210
тел. (044) 416-60-20
e-mail: franc@ukma.kiev.ua

Николаев
Шполянский Илья Михайлович
54001, г. Николаев, ул. Набережная, д. 5, кв. 13
e-mail: laik@ukr.net

УЗБЕКИСТАН

Валерий Александрович Германов
700052, Ташкент-52, ул. Кору-Ниязова, д. 102-а
e-mail: valery-germanov@rambler.ru

СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Цена отдельного номера – 5 €

ВЕНГРИЯ

Valery Lepahin
6724 Szeged Vértói út., VI, 32
e-mail: lepahin@mail.ru

ЧЕХИЯ

Julia Jančáková
Nad Šutkou 22
18000, Praha 8
e-mail: julia-prague@volny.cz

ПОЛЬША

Dmitry Lukashevich
ul. Wespazjana Kochowskiego, 9
01-574 Warszawa
Polska/Poland

ВЕСТНИК

русского христианского
движения
№ 202

Подписано в печать 07.08.2014
Формат 60х90 1/16. Печ. л. 16,5